

ISSN 2414-5815

ПРАВОВОЕ ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№4(16)

2019

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2019 № 4(16)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Барышев В.А.** Теоретический и практический аспекты гражданской правосубъектности государства 3
- Гончаров В.В.** Оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ 10
- Зайцев В.П.** К вопросу о сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь 15
- Кресин А.В.** Лев Ребет – выдающийся украинский ученый-компаративист (к 105-летию со дня рождения и 60-летию со дня смерти Л. Ребета, 70-летию со времени появления труда «Сравнительный метод в науке права») 23

Э К О Н О М И К А

- Солодовников С.Ю.** Сетевые механизмы инновационного развития как инструмент перехода к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков 30
- Горячева С.М., Грунтова В.И.** Оптимизация работы складского хозяйства ОАО «Ника» на основе логистического подхода 37
- Квасникова В.В., Герасимова О.О.** Маркетинговое исследование конъюнктуры рынка пеллет Республики Беларусь: состояние и перспективы развития 42
- Sovetnikova O.P.** Eastern Partnership Countries IT Sector Study 53

П С И Х О Л О Г И Я

- Андреева И.Н.** Влияние социально-психологических факторов на выраженность надежды / безнадежности в юношеском возрасте 61
- Богомаз С.Л., Медвецкая Н.М., Матюшкова С.Д.** Сравнительный анализ формирования психологических аспектов гендерной культуры студентов университета 67
- Климович Д.В.** Различия в социальных репрезентациях зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса 75
- Косаревская Т.Е., Молочко И.В.** Взаимосвязь детско-родительских отношений и эмоционального состояния дошкольника 85
- Черного Т.А.** Протекание семейного кризиса в ситуации воспитания ребенка с расстройством аутистического спектра 91
- Фурманов И.А.** Любовные аттитуды в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение 97

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2019 № 4(16)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:
V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

L A W

- Baryshev V.A.** Theoretical and Practical Aspects of Civil Legal Personality of the State 3
- Goncharov V.V.** Efficiency Evaluation of the Organization and Implementation of Public Control over State and Municipal Procurement in the Russian Federation: Constitutional and Legal Analysis 10
- Zaitsev V.P.** On the Issue of the Essence of the Seizure of Property in the Criminal Process of the Republic of Belarus 15
- Kresin A.V.** Leo Rebet – an Outstanding Ukrainian Comparative Scientist 23

E C O N O M I C S

- Solodovnikov S.Y.** Network Mechanisms of Innovative Development as a Tool for the Transition to a New Quality of Economic Growth in the Context of the Risk Economy 30
- Goryacheva S.M., Gruntova V.I.** Optimization of the Work of OJSC Nika Warehousing Based on the Logistic Approach 37
- Kvasnikova V.V., Gerasimova O.O.** The Market Study of the Pellet Market Conditions in the Republic of Belarus: the State and Development Prospects 42
- Советникова О.П.** Исследование IT-сектора стран Восточного партнерства 53

P S Y C H O L O G Y

- Andreyeva I.N.** Influence of Social and Psychological Factors on the Severity of Adolescents' Hope / Hopelessness 61
- Bogomaz S.L., Medvetskaya N.M., Matyushkova S.D.** A Comparative Analysis of Shaping the Psychological Aspects of University Students' Gender Culture 67
- Klimovich D.V.** Differences in the Social Representations of Foreign Guests According to the Hotel Business Employees 75
- Kosarevskaya T.E., Molochko I.V.** The Connection between Parent-Child Relationships and the Emotional State of a Preschooler 85
- Chernego T.A.** The Flow of Family Crisis in a Situation of Parenting a Child with Autism Spectrum Disorder 91
- Fourmanov I.A.** Love Attitudes during the Transition to Early Adulthood: Intergenerational Comparison 97

Теоретический и практический аспекты гражданской правосубъектности государства

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Вопрос гражданской правосубъектности государства недостаточно изучен как в белорусском, так и в российском праве. Однако он заслуживает внимания, поскольку экономическая модель развития, принятая в Республике Беларусь, требует активного участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами.

Цель статьи – определение основных свойств гражданской правосубъектности государства: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности; выделение основных сфер возможного участия государства в гражданских правоотношениях с наличием иностранного элемента.

Материал и методы. В работе использованы основные источники гражданского законодательства Республики Беларусь: Конституция Республики Беларусь, Гражданский, Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы, указы Президента Республики Беларусь, теоретические исследования и учебно-методическая литература, касающаяся участия государства в гражданско-правовых отношениях. Методами изучения были избраны: логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, метод системного анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены основные свойства гражданской правосубъектности государства: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. Дано определение гражданско-правовых и частноправовых отношений государства и выявлено их соотношение. Раскрыты основные сферы участия белорусского государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, к которым отнесены: инвестиционные отношения с иностранными субъектами; участие в юридических лицах; участие в отношениях интеллектуальной собственности; отношения внедоговорного характера, связанные с причинением вреда; регулирование и выделение финансов на государственные закупки; гражданско-правовое обеспечение внешнеполитической деятельности; участие в наследственных правоотношениях; владение и распоряжение культурными ценностями.

Заключение. Исследование теоретических вопросов участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом позволило сформулировать следующие определения. Гражданско-правовые отношения государства с наличием иностранного элемента – это основная сфера правосубъектности государства в отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами, которая по содержанию соответствует предмету регулирования гражданского права. Частноправовые отношения государства – это более широкое понятие, включающее, помимо гражданско-правовых отношений, регулирование государством брачно-семейных, трудовых и финансово-кредитных отношений с наличием иностранного элемента.

Ключевые слова: государство, гражданско-правовые отношения, частноправовые отношения, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность.

Theoretical and Practical Aspects of Civil Legal Personality of the State

Baryshev V.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The issue of civil legal personality of the state is insufficiently studied both in Belarusian and Russian law. However, it deserves attention, since the economic model of the development adopted in the Republic of Belarus requires active participation of the state in civil relations with foreign individuals and legal entities.

The article aims to define the basic properties of the civil legal personality of the state: the legal capacity and delinquent capability, as well as to specify the principal areas of possible state involvement in civil legal relations with the presence of a foreign element.

Material and methods. The article uses the main sources of civil legislation of the Republic of Belarus: the Constitution of the Republic of Belarus, the Civil Code, the Civil Procedural and Economic Procedural Codes, Decrees of the President of the Republic of Belarus, theoretical studies and educational literature concerning the participation of the state in civil relations. The research methods were logical, formal-legal, comparative-legal, historical methods, the method of system analysis.

Findings and their discussion. The article substantiates the main properties of the civil legal personality of the state: the legal capacity and the delinquent capacity. The definition of civil and private law relations of the state is given and their correlation is revealed. The main spheres of the participation of the Belarusian state in civil relations with foreign legal entities and individuals are revealed, which include: investment relations with foreign entities; participation in legal entities; participation in intellectual property relations; relations of non-contractual nature related to causing harm; regulation and allocation of finance for public procurement; civil law support of foreign policy activities; participation in hereditary legal relations; ownership and disposal of cultural values.

Conclusion. The research of theoretical questions of participation of the state in civil-legal relations with the foreign element allowed to formulate the following definitions. Civil-legal relations of the state with the presence of a foreign element is the main sphere of the legal personality of the state in relations with foreign individuals and legal entities, which corresponds to the content of the subject of regulation of civil law. Private law relations of the state is a broader concept that includes, in addition to civil law relations, state regulation of marriage, family, labor and financial and credit relations with the presence of a foreign element.

Key words: state, civil law relations, private law relations, legal personality, legal capacity, legal capability, delinquent capacity.

Государство не является главным участником гражданских правоотношений в международном частном праве, регулирующем отношения с наличием иностранного элемента. Однако в реальности государство вынуждено вступать в отношения гражданско-правового характера с иностранными юридическими и физическими лицами. Как правило, в литературе отмечается, что к государству в гражданских правоотношениях применяются те же нормы, которые применимы к юридическим лицам. Однако государство не является юридическим лицом в соответствии с белорусской правовой доктриной. Главная особенность государства в гражданско-правовых отношениях – наличие суверенитета как имманентно присущего ему свойства, в результате чего государство выступает в качестве суверенного субъекта в гражданском праве.

Цель статьи – определение основных свойств гражданской правосубъектности государства: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности; выделение основных сфер участия государства в гражданских правоотношениях с наличием иностранного элемента.

Материал и методы. В работе использованы основные источники гражданского законодательства Республики Беларусь: Конституция Республики Беларусь, Гражданский, Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы, указы Президента Республики Беларусь, Конвенция ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» 2004 года, теоретические исследования и учебно-методическая литература, касающаяся участия государства в гражданско-правовых отношениях.

Методами исследования были избраны: логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, метод системного анализа и обобщения.

Результаты и их обсуждение. В действующем Гражданском кодексе в первом абзаце п. 3 ст. 1 участниками гражданских правоотношений определены: граждане Республики Беларусь, юридические лица Республики Беларусь, Респу-

блика Беларусь, административно-территориальные единицы Республики Беларусь. Во втором абзаце названного пункта указано, что гражданское законодательство применяется к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных и международных юридических лиц (организаций, не являющихся юридическими лицами), иностранных государств, их административно-территориальных (государственно-территориальных) образований, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь [1].

Специалисты гражданского права фактически устраняются от рассмотрения вопроса об особенностях правосубъектности государства в гражданских правоотношениях. Так, в коллективной монографии белорусских авторов «Правоотношения: теоретические и практические проблемы» А.В. Каравай в разделе «Гражданские правоотношения», характеризуя основные свойства субъектов гражданских правоотношений, указывает только на наличие деликтоспособности у Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, опуская вопрос наличия у них таких свойств, как правоспособность и дееспособность. В отношении деликтоспособности государства ученый отмечает: «Особенность деликтоспособности иностранных государств заключается в возможности применения к ним принудительных мер ответственности только с их согласия» [2, с. 111]. Другой автор указанной монографии А.Л. Козик в разделе «Международно-правовые отношения» ограничивается только признанием самостоятельности международного частного права как особой сферы регулирования правовых отношений [2, с. 201]. Представляется, что в данном разделе характеристика особенностей правоотношений, относящихся к предмету регулирования международного частного права, наиболее уместна.

Безусловно, что, будучи участником гражданских правоотношений, государство должно обладать свойствами, присущими субъектам таких отношений: правоспособностью и дееспособностью.

способностью. Правоспособность государства заключается в потенциальной возможности быть участником практически всех гражданских правоотношений, как на своей территории в отношениях с собственными юридическими и физическими лицами, так и в других государствах в отношениях с иностранными субъектами. При этом гражданской правоспособностью обладают все государства, как признанные, так и непризнанные или единично признанные.

Дееспособность государства – это его способность своими активными действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности. Реализуется гражданская дееспособность государственными органами, выступающими от имени государства в отношениях с собственными и иностранными физическими и юридическими лицами. Подтверждением этому служит п. 1 ст. 49 ГК, в котором установлено, что юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами. Содержание данного пункта следует воспринимать в контексте п. 2 ст. 124 ГК, согласно которому к Республике Беларусь и административно-территориальным единицам применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из законодательства или особенностей данных субъектов.

Однако применение одинаковых норм регулирования не означает тождества государства с юридическими лицами, поскольку государство в гражданско-правовых отношениях не является юридическим лицом. Государство само определяет порядок возникновения, деятельности и ликвидации юридических лиц. В этом плане возникновение государства, с чем связано появление его гражданской правосубъектности, коренным образом отличается от возникновения юридических лиц.

Гражданской дееспособностью обладают только признанные субъекты международного права. В отношении государств непризнанных их дееспособность не может быть реализована, поскольку стремление непризнанных государств своими активными действиями приобретать гражданские права и нести гражданские обязанности не встречает взаимности со стороны действующих субъектов по политическим мотивам, в результате чего правоотношения не возникают и дееспособность у непризнанных субъектов не образуется. В этом плане Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы

не могут через свои органы вступать в какие-либо гражданские правоотношения с юридическими и физическими лицами, например, Абхазии или Южной Осетии, но не могут также позволить такие отношения своим юридическим лицам, поскольку это поставит под вопрос все политические и экономические отношения с Грузией как действующим субъектом права. В то же время экономические санкции, которыми обменялись на взаимной основе страны Запада и Россия, ведут только к свертыванию торгово-экономических отношений между ними, но дееспособность государств как гражданско-правовую категорию санкции при этом не затрагивают.

В отношении деликтоспособности государств следует отметить, что в рамках национальной юрисдикции государство выступает на равных с собственными и иностранными юридическими и физическими лицами, и о каком-либо ограничении ответственности речи быть не может. Ограничение ответственности возможно только в отношении иностранного государства на основании его суверенитета и наличия иммунитета государства, если только не последовал отказ от иммунитета. То же должно происходить и в отношении белорусского государства в иностранном суде в случае наступления ответственности.

Таким образом, деликтоспособность государства – это его способность нести гражданско-правовую ответственность за неправомерные действия в собственной юрисдикции в полном объеме, а в иностранной юрисдикции ответственность может быть ограничена иммунитетом, если государство от него не откажется.

В итоге можно констатировать, что в гражданско-правовых отношениях государство обладает всеми качествами, присущими любому субъекту гражданского права: правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Это служит основанием сделать вывод: гражданско-правовые отношения государства с наличием иностранного элемента – это основная область правосубъектности государства в отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами, которая по содержанию соответствует предмету регулирования гражданского права.

Большинство белорусских и российских авторов, рассматривая государство как субъект международного частного права, ограничиваются характеристикой участия государства в гражданско-правовых отношениях. Об участии государства в гражданско-правовых отношениях говорится в белорусском издании по международному частному праву В.Г. Тихины и Н.И. Рудовича [3, с. 107–121], учебном пособии коллектива авторов под редакцией В.П. Мороза [4, с. 136–157],

учебнике российского автора М.М. Богуславского [5, с. 174–190]. В Типовой учебной программе по международному частному праву по специальности «Международное право», составленной на кафедре европейского и международного частного права факультета международных отношений, тема № 6 озаглавлена «Государство и международные межправительственные организации как участники гражданско-правовых отношений с иностранным элементом».

В то же время некоторые авторы указывают на государство как участника международного частного права. Так определено участие государства в отношениях с иностранными субъектами в учебном пособии Е.Б. Леанович [6, с. 106–114] и российском учебнике под редакцией Г.К. Дмитриевой [7, с. 174–186]. Однако, характеризуя участие государства в частноправовых отношениях, названные авторы в основном ограничиваются рассмотрением проблемы иммунитета государства.

Следует признать, что термин «частноправовые отношения государства» также имеет право на существование в международном частном праве. Данная категория включает, помимо гражданско-правовых отношений государства, отношения трудовые, брачно-семейные, финансово-кредитные и иные.

Государство выступает в двух качествах в отношениях с иностранными частными субъектами: как их регулятор и как непосредственный участник таких отношений. Как регулятор правоотношений государство создает юридические нормы, определяющие правовое положение иностранных государств и их физических и юридических лиц, а также участвует в создании международных норм, которые унифицируют гражданско-правовые отношения их субъектов. Двухуровневый статус государства в гражданско-правовых отношениях подтверждается оценкой места международного частного права как полисистемного комплекса, в котором присутствуют нормы национального и международного права, данного профессором В.Г. Тихиной еще в первом белорусском учебнике по международному частному праву в 1995 году.

Если брать практическую сторону участия государства в отношениях с иностранными субъектами, то следует отметить, что в Гражданском кодексе БССР 1964 года вопрос участия государства в гражданско-правовых отношениях вообще не регулировался. БССР и ее административно-территориальные единицы, а также иностранное государство не указывались среди субъектов гражданских правоотношений. Уже в период суверенной истории Законом Республики

Беларусь от 3 марта 1994 года из Гражданского кодекса была исключена глава 7 «Государственная собственность», и только на основании ст. 34 ГК БССР можно было сделать вывод о возможности участия государства в гражданско-правовых отношениях, поскольку в статье устанавливалось разграничение ответственности государства и государственных организаций по гражданско-правовым обязательствам.

Современная ситуация в отношении участия государства в гражданско-правовых отношениях коренным образом отличается от советского времени. Действующая в Республике Беларусь экономическая модель предполагает активное участие государства в разнообразных правоотношениях не только с национальными, но и иностранными юридическими и физическими лицами.

Конкретными формами участия белорусского государства в лице Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в гражданских правоотношениях являются:

- проведение государством торговых сделок с иностранными субъектами. В соответствии со ст. 6 Закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» правом на осуществление внешнеторговой деятельности обладают все резиденты и нерезиденты Республики Беларусь, а также Республика Беларусь, ее административно-территориальные единицы в порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь, международным и иностранным правом [8]. Указ Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 года № 178 «О порядке проведения контроля внешне-торговых операций» также называет среди резидентов Республику Беларусь, ее административно-территориальные единицы, участвующие в отношениях, регулируемых валютным законодательством Республики Беларусь [9];

- участие Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в привлечении иностранных инвестиций предусмотрено в Законах Республики Беларусь «Об инвестициях», «О концессиях», «О государственно-частном партнерстве»;

- Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут быть участниками гражданских правоотношений с иностранными субъектами опосредованно, через юридических лиц, собственность которых полностью или частично принадлежит государству;

- государство может быть участником отношений интеллектуальной собственности не только как регулятор названных правоотношений, но и как непосредственный правообладатель объектами интеллектуальной собственности, хотя этот

вопрос является проблемным в законодательстве Республики Беларусь;

- Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут нести ответственность в случае причинения вреда органами государства или должностными лицами физическим и юридическим лицам иностранного государства, а также быть истцами при причинении ущерба государству;

- государственные закупки товаров и услуг, производимые за счет бюджетных средств, также предполагают участие Республики Беларусь и административно-территориальных единиц в гражданских правоотношениях с иностранными субъектами, выступающими в роли поставщиков товаров или услуг;

- при ведении внешнеполитической деятельности Республика Беларусь в лице Министерства иностранных дел, посольств и консульств может приобретать или арендовать за рубежом земельные участки, заключать контракты на выполнение работ по строительству зданий для дипломатических представительств и консульских учреждений, нанимать жилье для сотрудников;

- Республика Беларусь и административно-территориальные единицы могут быть наследниками имущества иностранных граждан в Республике Беларусь и белорусских граждан за рубежом, если нет наследников ни по закону, ни по завещанию.

Достаточно часто государство становится участником судебных разбирательств по поводу оспаривания его права собственности в отношении культурных ценностей. Проблема имеет давнюю историю: был проведен ряд процессов, на которых бывшие собственники национализированных в ходе революции произведений искусства пытались отсудить их у СССР. В результате перемещения культурных ценностей из Германии в СССР в 1945 году возникла проблема их правового положения. Нами был ранее исследован международно-правовой аспект компенсаторной реституции перемещенных культурных ценностей [10, с. 11]. Вопрос о принадлежности указанных культурных ценностей решен в Федеральном законе Российской Федерации от 18 апреля 1998 года № 64 ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [11]. Указанные культурные ценности признаны собственностью Российской Федерации и не подлежат возвращению без издания соответствующего законодательного акта.

Следует отметить, что культурные ценности в Конвенции ООН 2004 года отнесены к особой категории собственности, которая не рассматрива-

ется как собственность, используемая или предназначенная для использования государством в иных целях, чем государственные некоммерческие цели (п. d и e п. 1 ст. 21), что означает предоставление данному виду собственности юрисдикционных иммунитетов [12].

В Федеральном законе Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. (п. 3 и 4 ст. 16) содержится аналогичная норма, не допускающая принятие мер по обеспечению иска и исполнения решения суда в отношении культурных ценностей.

Иммунитет культурных ценностей нашел подтверждение в Декларации о юрисдикционных иммунитетах в отношении культурных ценностей государств, принятой Советом Европы в 2014 году, где установлено, что никакие принудительные меры в отношении культурных ценностей, находящихся в собственности государств, недопустимы, кроме случаев явного согласия государств и только в отношении прямо поименованных объектов [13].

При исследовании участия государства в гражданско-правовых отношениях государства основное внимание уделяется Республике Беларусь и без должного внимания остается участие в названных отношениях административно-территориальных единиц. В то же время у них также имеются возможности участия в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом.

В ст. 117 Конституции Республики Беларусь определено: «Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы...» [14]. Система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного – и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские советы. В ст. 57 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» установлен широкий круг полномочий Советов и их исполнительных и распорядительных органов во внешнеэкономической деятельности [15]. В частности, указанные органы в пределах своей компетенции правомочны:

- 1) заключать с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами) договоры на реализацию и приобретение продукции;

- 2) участвовать совместно с иностранными гражданами, лицами без гражданства, иностранными и международными юридическими лицами (организациями, не являющимися юридическими лицами) в создании коммерческих и некоммерче-

ских организаций на территории Республики Беларусь и за ее пределами;

3) принимать участие в проведении на коммерческой основе международных ярмарок, выставок и других мероприятий, а также в развитии рекламной деятельности;

4) организовывать приграничную торговлю.

В Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, принятой государствами-участниками СНГ в Минске, в ст. 46 регулируется переход наследства к государству [16]. В конвенции предусмотрен раздел выморочного имущества между государствами: недвижимое имущество переходит к государству по месту его нахождения, движимое имущество – к государству гражданства наследодателя. Аналогичное регулирование предусмотрено и в двусторонних договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных Республикой Беларусь с рядом государств.

Наряду с Республикой Беларусь и административно-территориальными единицами участниками гражданско-правовых отношений могут быть и иностранные государства и их государственно-территориальные образования. В частности, в п. 3 ст. 1 ГК Республики Беларусь говорится, что правила, установленные гражданским законодательством, распространяются и на правоотношения с участием иностранных государств и их административно-территориальных (государственно-территориальных образований). В п. 1 ст. 1093 раздела УП «Международное частное право» ГК, где определяется право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом, иностранное государство непосредственно не названо среди участников указанных правоотношений, но его участие в них может предполагаться под формулировкой «осложненное другим иностранным элементом».

В ст. 541 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, где определены гражданские процессуальные права участников международного гражданского процесса, к таким участникам отнесены только иностранные лица, лица без гражданства и иностранные юридические лица [17]. В ст. 1 Хозяйственного процессуального кодекса среди иностранных участников хозяйственного процесса названы иностранные организации, международные организации, иностранные граждане, лица без гражданства [18]. В итоге в ГПК и ХПК Республики Беларусь среди участников процессуальных отношений иностранное государство не указано, что противоречит содержанию ст. 553 ГПК и ст. 239 ХПК, в которых

говорится о предъявлении исков к иностранным государствам, что является правовым пробелом. Безусловно, иностранное государство может быть участником гражданского процесса и на него должны распространяться все процессуальные права без каких-либо изъятий.

Заключение. Исследование теоретических вопросов участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом позволило сформулировать следующие выводы. Гражданско-правовые отношения государства с наличием иностранного элемента – это основная сфера правосубъектности государства в отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами, которая по содержанию соответствует предмету регулирования гражданского права. Частноправовые отношения государства – это более широкое понятие, включающее, помимо гражданско-правовых отношений, регулирование государством брачно-семейных, трудовых и финансово-кредитных отношений с наличием иностранного элемента. Большинство белорусских и российских авторов, рассматривая отношения государства с иностранными физическими и юридическими лицами, ограничиваются характеристикой гражданско-правовых отношений, в результате чего говорят об участии государства в гражданско-правовых отношениях.

Главными сферами участия белорусского государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами являются: инвестиционные отношения с иностранными субъектами; участие в юридических лицах, ведущих хозяйственно-финансовую деятельность; участие в отношениях интеллектуальной собственности; участие в отношениях внедоговорного характера, связанных с причинением вреда; регулирование и выделение финансов на государственные закупки; гражданско-правовое обеспечение внешнеполитической деятельности; участие в наследственных правоотношениях; владение и распоряжение культурными ценностями.

Анализ Гражданского процессуального и Хозяйственного процессуального кодексов Республики Беларусь установил отсутствие иностранного государства в перечне участников процессуальных отношений, что противоречит содержанию ст. 553 ГПК и ст. 239 ХПК. Предлагается в новом Гражданском процессуальном кодексе указать иностранное государство в перечне участников правоотношений, обладающих всей полной процессуальными правами.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой пред-

- ставителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. № 151-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Правоотношения: теоретические и практические проблемы / В.И. Берестень [и др.]; под ред. В.А. Кучинского. – Минск: Акад. МВД, 2016. – 315 с.
 3. Тихиня, В.Г. Международное частное право: учебник / В.Г. Тихиня, Н.И. Рудович. – Минск: Акад. МВД, 2019. – 346 с.
 4. Международное частное право: учеб. пособие / В.П. Мороз [и др.]; под ред. В.П. Мороза. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.
 5. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 606 с.
 6. Леанович, Е.Б. Международное частное право: учеб. пособие для учеб. заведений по юрид. специальностям / Е.Б. Леанович. – Минск: ИВЦ Минфина, 2008. – 360 с.
 7. Международное частное право: учебник / Г.К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2010. – 656 с.
 8. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 347-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 193. – 2/1096.
 9. О порядке проведения контроля внешнеторговых операций [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 марта 2008 г., № 178; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22.12.2018 г. № 490 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 10. Барышев, В.А. Международно-правовые и нравственные основы компенсаторной реституции культурных ценностей / В.А. Барышев // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2008. – № 2. – С. 9–14.
 11. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации: Федер. закон от 18 апр. 1998 г., № 64-ФЗ // Рос. газета. – 1998. – 21 апр.
 12. Конвенция Организации Объединенных Наций «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» (принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи 2 декабря 2004 года) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.08.2019.
 13. Декларация о юрисдикционных иммунитетах в отношении культурных ценностей государств, принятая Советом Европы в 2014 году [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.08.2019.
 14. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 15. О местном управлении и самоуправлении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З; принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г.: одобр. Советом Респ. 17 дек. 2009 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. № 159-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 16. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) [Электронный ресурс]: в ред. от 28.03.1997 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.08.2019.
 17. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (вместе с Положением о третейском суде) [Электронный ресурс]: 11 янв. 1999 г., № 238-З; принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. № 233-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 18. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 дек. 1998 г., № 219-З; принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. № 233-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 21.10.2019

Оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ

Гончаров В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет имени И.Т. Трубилкина»

В связи с тем, что значительная часть средств государственных и муниципальных бюджетов в России расходуется посредством задействования процедур государственных и муниципальных закупок, они должны быть объектом мероприятий общественного контроля. При этом важное значение приобретает необходимость построения системы оценки эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками.

Цель данной работы – выявить и обосновать необходимость оценки эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации.

Материал и методы. Материалом исследования послужили результаты организованных и осуществленных мероприятий общественного контроля в отношении органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации, государственных и муниципальных учреждений и предприятий, проводивших закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, отраженные как в итоговых документах органов общественного контроля, так и в трудах российских ученых, статистических сборниках, сборниках аналитических материалов по результатам проведенных мероприятий общественного контроля. С этой целью использовались логический метод, метод системного анализа, синтеза и обобщения, статистический метод, сравнительно-правовой метод, интервьюирование, классификация.

Результаты и обсуждение. В ходе проведения научного исследования было доказано, что организация и осуществление общественного контроля за публичными закупками в России имеет особое значение в силу масштабности публичных закупок, величины расходования бюджетных средств по результатам их проведения, а также зависимости процесса реализации гражданами Российской Федерации своих прав (например, на образование, получение квалифицированной медицинской помощи и т.п.) от результатов проведения государственных и муниципальных закупок. В статье обоснована необходимость разработки и осуществления методик оценки эффективности организации и проведения мероприятий общественного контроля. Автором разработан и обоснован показатель (в %) финансовой эффективности мероприятия общественного контроля (ПФЭ), который можно рассчитывать, например, при осуществлении общественного (публичного) слушания по результатам проведения государственных и муниципальных закупок.

Заключение. Оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля за публичными закупками в России позволяет провести анализ его результативности, осуществляя гибкое регулирование периодичности и масштабов проведения данных мероприятий. Это дает возможность сопоставить расходы на проведение мероприятий общественного контроля и сумм выявленного в ходе их проведения ущерба, причиненного государственному или муниципальному бюджету.

Ключевые слова: оценка эффективности, организация, осуществление, общественный контроль, государственный, муниципальный, закупки, Российская Федерация, анализ, конституционно-правовой.

Efficiency Evaluation of the Organization and Implementation of Public Control over State and Municipal Procurement in the Russian Federation: Constitutional and Legal Analysis

Goncharov V.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State I.T. Trubilin University"

Due to the fact that a significant part of the state and municipal budgets in Russia is spent through the use of state and municipal procurement procedures, they should be subject to public control measures. At the same time, the need to build a system to assess the effectiveness of the organization and implementation of public control over state and municipal procurement becomes important.

The purpose of this work is to identify and justify the need to assess the effectiveness of the organization and implementation of public control over state and municipal procurement in the Russian Federation.

Material and methods. The material of the study was the results of organized and implemented measures of public control in relation to public authorities and local self-government in the Russian Federation, state and municipal institutions and enterprises that carried out purchases of goods, works and services for state and municipal needs, reflected both in the final documents of public control, and in the works of Russian scientists, statistical collections, collections of analytical materials on the results of public control activities. For this purpose, the logical method, the method of system analysis, synthesis and generalization, statistical method, comparative legal method, interviewing, classification were used.

Findings and their discussion. In the course of the research, it was proved that the organization and implementation of public control over public procurement in Russia is of particular importance due to the scale of public procurement, the amount of budgetary funds spent on the results of their conduct, as well as the dependence of the process of the implementation by citizens of the Russian Federation of their rights (for example, education, qualified medical care, etc.) on the results of state and municipal procurement. The paper substantiates the need for the development and implementation of methods for assessing the efficiency of the organization and conduct of public control measures. The author has developed and justified the indicator (in %) of the financial efficiency of public control measures (PFE), which can be calculated, for example, in the implementation of public hearings on the results of state and municipal procurement.

Conclusion. Evaluation of the efficiency of the organization and implementation of public control over public procurement in Russia allows to analyze its effectiveness, providing flexible regulation of the frequency and scope of these activities. This makes it possible to compare the costs of carrying out public control measures and the amounts of damage identified in the course of their implementation caused to the state or municipal budget.

Key words: efficiency assessment, organization, implementation, public control, state, municipal, procurement, Russian Federation, analysis, constitutional and legal.

Согласно Конституции Российской Федерации единственным источником власти в стране и носителем государственного суверенитета является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть как непосредственно (через референдум и свободные выборы), так и с помощью им избираемых и формируемых органов государственной власти и местного самоуправления. Данные конституционные принципы народовластия и участия граждан в управлении делами государства нуждаются в системе юридических гарантий, важное место среди которых играет институт общественного контроля. В связи с тем, что значительная часть средств государственных и муниципальных бюджетов в России расходуется путем задействования процедур государственных и муниципальных закупок, они должны быть объектом мероприятий общественного контроля. При этом важное значение приобретает необходимость построения системы оценки эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками.

Цель работы – выявить и обосновать необходимость оценки эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации.

Материал и методы. Материалом исследования послужили результаты организованных и осуществленных мероприятий общественного контроля в отношении органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации, государственных и муниципальных учреждений и предприятий, проводивших закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, отраженные как в итоговых документах органов общественного контроля, так и в трудах российских ученых, статистических сборниках, сборниках аналитических материалов по результатам проведенных мероприятий общественного контроля. С этой целью использова-

лись логический метод, метод системного анализа, синтеза и обобщения, статистический метод, сравнительно-правовой метод, интервьюирование, классификация.

Результаты и обсуждение. В соответствии с Конституцией Российской Федерации единственным источником власти в России и носителем суверенитета является ее многонациональный народ [1]. Это нашло отражение в формулировании и закреплении в Основном законе страны конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами. При этом Основной закон страны особо подчеркивает недопустимость присвоения власти в России, принадлежащей народу (путем захвата власти или присвоения властных полномочий), под угрозой преследования по федеральному закону (вплоть до применения к нарушителям данной конституционно-правовой нормы мер уголовной ответственности).

Однако данные принципы нуждаются в системе юридических гарантий, обеспечивающих их реализацию в реальной практике общественной жизни. Одной из важнейших юридических гарантий реализации конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами является институт общественного контроля в Российской Федерации.

Представляется, что под общественным контролем в России следует понимать совокупность облеченных в правовую форму принципов, норм и общественных институтов, представляющих собой объединения граждан, массовая и добровольная деятельность которых направлена на осуществление контроля за формированием и функционированием органов государственной власти и местного самоуправления, а также за деятельностью уполномоченных юридических и физических лиц, которые наделены действующим законодательством определенным набором властных полномочий, осуществляемых ими самостоятельно, либо совместно с органами государствен-

ной власти и местного самоуправления, либо от их имени и (или) по их поручению, в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования и функционирования органов публичной власти в соответствии с действующим законодательством и недопущения присвоения власти или ее узурпации отдельными органами власти и их должностными лицами.

В качестве целей общественного контроля в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» выступают:

1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций [2].

В связи с этим важную роль в достижении указанных целей играет общественный контроль за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации.

Возможность осуществления мероприятий общественного контроля за организацией и проведением закупок продукции для публичных нужд (финансируемых из государственных и муниципальных бюджетов) не противоречит требованиям федеральных законов от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3; 4].

Необходимость проведения общественного контроля в отношении государственных и муниципальных закупок обусловлена рядом причин:

1) На долю государственных и муниципальных закупок приходится значительная доля

государственных и муниципальных бюджетных расходов. С.М. Жилин справедливо отмечает: «Анализ расходной части консолидированного государственного бюджета за последние 10 лет (2008–2017 годы) показывает, что на долю публичных закупок продукции для государственных нужд в той или иной форме приходится от трети до половины федерального и региональных бюджетов. При этом наблюдаемая динамика ужесточения законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок свидетельствует о том, что доля расходов бюджетов, опосредованных данными процедурами, будет возрастать» [5, с. 117]. Следовательно, контроль общества за расходованием бюджетных средств, которые собственно и формируются населением (как физическими, так и юридическими лицами), является действенной формой обеспечения, с одной стороны, законности в сфере государственных и муниципальных закупок, а с другой стороны, эффективности и целесообразности расходования бюджетных средств органами публичной власти.

2) В большинстве случаев от результатов проведения государственных и муниципальных закупок зависит реализация гражданами Российской Федерации своих прав (например, на образование, получение квалифицированной медицинской помощи и т.п.). Так, К.С. Левичев отмечает, что «по результатам проведения мероприятий общественного контроля за муниципальными закупками в Южном федеральном округе в 2017 году было обнаружено, например, что закупка лекарственных препаратов осуществлялась в отдельных субъектах России по ценам, завышенным в 1,3–10 раз относительно рыночных. В результате этого граждане, имеющие право на получение лекарственных препаратов от государства на льготных условиях или бесплатно, по предварительным подсчетам недополучили от 30% до 90% лекарственных препаратов в различных регионах федерального округа (так как общая сумма расходов по данной бюджетной статье ограничена определенной суммой)» [6, с. 37].

3) Бесконтрольное (со стороны общества) проведение государственных и муниципальных закупок является идеальной базой для формирования и роста коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, что создает угрозу в реализации конституционных прав, свобод и законных интересов граждан России и их объединений. По мнению ряда авторов, общий объем хищений бюджетных средств в Российской Федерации в сфере государственных и муниципальных закупок (например, путем приобретения товаров, работ и услуг по искусственно завышенной стоимости), составляет более 1 триллиона рублей в год [7, с. 44].

Необходимость осуществления оценки эффективности и результативности мероприятий

общественного контроля в Российской Федерации является предметом научного исследования сравнительно с недавнего времени. При этом ряд авторов справедливо настаивает на необходимости построения моделей оценки эффективности деятельности субъекта общественного контроля в современной Российской Федерации как обязательного условия их финансирования из государственных и муниципальных бюджетов. В частности, П.А. Корягин предлагает рассчитывать эффективность субъектов общественного контроля по количеству и качеству их деятельности, используя в качестве эмпирического материала опросы общественного мнения, анкеты самоанализа субъекта общественного контроля и экспертные опросы [8].

Отдельные попытки разработки и внедрения методик оценки эффективности деятельности субъектов общественного контроля делаются на уровне Общественной палаты России (например, в проекте Методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Российской Федерации эффективности работы Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (редакция № 2 от 18.05.2011), [9] а также на уровне общественных палат субъектов Российской Федерации (в частности, в проекте методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Свердловской области эффективности работы общественных советов при исполнительном органе власти Свердловской области) [10].

Так, в разработанном Общественной палатой страны проекте методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Российской Федерации эффективности работы общественных советов при федеральных органах исполнительной власти предлагается формировать базу количественных и качественных показателей для расчета рейтинговой оценки общественных советов при федеральных органах исполнительной власти на основе: их отчетов о своей деятельности (раз в квартал и за отчетный год); анализа информационного поля; отзывов руководства министерств и ведомств; отзывов общественных объединений (при этом расчет эффективности производится путем начисления баллов за каждое проведенное эффективное мероприятие) [9].

Данный эмпирический материал позволяет оценить эффективность и результативность мероприятий общественного контроля, осуществляемых общественными советами при федеральных органах государственной власти, в различных отраслях государственного управления с точки зрения как самого государственного аппарата, так и населения в масштабах всей страны.

Разработанные на региональном уровне проекты методик, аналогичные вышеназванной методике Общественной палаты Российской

Федерации, отличает меньшее число эмпирических источников. Так, в проекте Методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Свердловской области эффективности работы общественных советов при исполнительном органе власти Свердловской области предлагается формировать базу количественных и качественных показателей для расчета рейтинговой оценки общественных советов на основе: их отчетов о своей деятельности за отчетный год; отзывов руководства исполнительного органа власти; отзывов экспертов (при этом расчет эффективности производится путем начисления баллов за каждое проведенное эффективное мероприятие) [10].

Представляется, что для оценки эффективности организации и осуществления общественного контроля власти в Российской Федерации можно использовать различные качественные и количественные показатели.

Однако важное значение для анализа эффективности построения и функционирования системы общественного контроля на любом ее уровне имеет оценка соотношения финансовых затрат, осуществленных из государственных или муниципальных бюджетов на проведение мероприятий общественного контроля, и их результатов, которую, однако, можно производить не по всем формам общественного контроля.

Например, при осуществлении такой формы общественного контроля, как общественное обсуждение, просчитать экономическую выгоду от предложений, разработанных субъектом общественного контроля, в большинстве случаев не представляется возможным. Однако при реализации других форм общественного контроля, например общественного (публичного) слушания, возможно подсчитать экономическую эффективность подобного мероприятия.

В частности, при осуществлении общественного (публичного) слушания по вопросам закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд можно подсчитать величину финансовой отдачи от мероприятия, которая будет равна величине выявленных нарушений (например, разнице между завышенной ценой контракта и средней рыночной ценой закупаемых по контракту товаров, работ или услуг). При этом можно использовать следующий показатель.

Показатель (в %) финансовой эффективности мероприятия общественного контроля (далее также ПФЭ), который следует рассчитывать, например, при осуществлении общественного (публичного) слушания по следующей формуле:

$$\text{ПФЭ} = (S_{m1} + S_{m2} + S_{m3} + \dots S_{mn}) / S_z \cdot 100\%,$$

где S_z – общественное (публичное) слушание;

$S_{m1} + S_{m2} + S_{m3} + \dots S_{mn}$ – сумма величин выявленных нарушений по всем мероприятиям ($m_1, m_2, m_3 \dots m_n$), проведенным за год по данной форме общественного контроля (общественного (публичного) слушания);

S_z – общая сумма затрат на проведение мероприятий по данной форме общественного контроля (общественного (публичного) слушания), осуществленная за год.

Данный показатель позволит оценить соотношение финансовых затрат на проведение мероприятий общественного контроля (например, в форме общественных (публичных) слушаний, осуществленных в течение года, и финансовой отдачи от данных мероприятий, равной величине выявленных нарушений.

При этом данный показатель можно рассчитывать не только за календарный год, но и за меньшие промежутки времени (месяц, квартал, полугодие).

Подобная оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации, как уже отмечалось ранее нами в иных публикациях [11–13], позволяет перераспределить усилия и финансовые ресурсы субъектов общественного контроля (особенно общественных палат и советов федерального, регионального и муниципального уровня) в сторону проведения мероприятий общественного контроля, которые дают наиболее эффективную отдачу от вложенных средств.

Так, по исследованиям Л.И. Ковалевой, расчет показателя (в %) финансовой эффективности мероприятия общественного контроля за муниципальными закупками на территории ряда муниципальных образований в Самарской области во II квартале 2019 года показал, что он может достигать величины в несколько десятков тысяч % (то есть сумма затрат на проведение мероприятий общественного контроля за муниципальными закупками меньше сумм выявленных нарушений в сотни раз) [14, с. 33].

Это доказывает, с одной стороны, огромную эффективность данной разновидности мероприятий общественного контроля, а с другой стороны, необходимость расширения числа, периодичности и глубины охвата подобными мероприятиями всей системы государственных и муниципальных закупок.

Заключение. Оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля за государственными и муниципальными закупками в Российской Федерации позволяет не только проанализировать результативность проводимых субъектами общественного контроля

контрольных мероприятий, но и осуществлять гибкое регулирование периодичности данных мероприятий, ширину и глубину охвата их проведения. Кроме того, становится возможным сопоставить расходы на проведение мероприятий общественного контроля и сумм выявленного в ходе этого ущерба, причиненного государственному или муниципальному бюджету, допущенного органами государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации, государственными и муниципальными казенными учреждениями, проводившими закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Рос. газета. – 1993. – 19 дек.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Рос. газета. – 2014. – 23 июля.
3. Об Общественной палате Российской Федерации: Федер. закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ). – 11.04.2005. – № 15. – Ст. 1277.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СЗ РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1652.
5. Жилин, С.М. Государственные и муниципальные закупки в России / С.М. Жилин. – М., 2019. – 313 с.
6. Левичев, К.С. Общественный контроль в сфере государственных и муниципальных закупок / К.С. Левичев. – Калининград, 2018. – 181 с.
7. Алещенко, К.И. Оценка эффективности общественного контроля в отношении публичных закупок в Российской Федерации: монография / К.И. Алещенко. – М., 2019. – 155 с.
8. Корягин, П.А. Оценка эффективности деятельности субъекта общественного контроля в современной Российской Федерации: построение модели / П.А. Корягин // Право и политика. – 2017. – № 6. – С. 24–30.
9. Проект методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Российской Федерации эффективности работы Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (ред. № 2 от 18.05.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru>. – Дата доступа: 01.09.2019.
10. Проект методики определения рейтинговой оценки Общественной палатой Свердловской области эффективности работы общественных советов при исполнительном органе власти Свердловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.opso66.ru/upload_files/metodika-opredeleniya-reytingovoy-otsenki-obshchestvennoy-palatoj-so-effektivnosti-raboty-obshchestvennykh-sovetov-pri-iov-sverdlovskoy-oblasti.pdf. – Дата доступа: 01.09.2019.
11. Гончаров, В.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: монография / В.В. Гончаров. – М., 2019. – 256 с.
12. Гончаров, В.В. Оценка эффективности организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации / В.В. Гончаров // Сацьяльна-економічна і правова діяльність. – 2019. – № 2. – С. 24–34.
13. Гончаров, В.В. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации / В.В. Гончаров, Л.И. Ковалева // Власть. – 2009. – № 1. – С. 72–75.
14. Ковалева, Л.И. Критерии оценки эффективности мероприятий общественного контроля в Российской Федерации / Л.И. Ковалева. – М., 2019. – 110 с.

Поступила в редакцию 28.10.2019

К вопросу о сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь

Зайцев В.П.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Приоритетным направлением уголовно-процессуальных норм национального права является защита прав и свобод личности, законных интересов общества и государства. Выступая одним из инструментов такой защиты, наложение ареста на имущество нуждается в максимально эффективном применении, а равно в точном понимании его сущности правоприменителями.

Цель настоящей статьи – поиск эксплицированной сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь на базе научных взглядов, отечественных и зарубежных уголовно-процессуальных норм; выработка предложений по оптимизации действующего законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормы уголовно-процессуального права БССР, Республики Беларусь, стран СНГ, Балтии, работы советских, белорусских, российских ученых, а также эмпирические данные. Методологической основой изучения избраны методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридический, формально-логический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, а также анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Существующие в нашем государстве и за его пределами расхождения научных взглядов и законодательных позиций в отношении уголовно-процессуального наложения ареста на имущество «несут в себе» причины полисемических подходов к пониманию его сущности правоприменителями. Искаженное восприятие практиками отдельных аспектов сущности наложения ареста на имущество связано с риском надления меры принуждения познавательной функцией, игнорирования обязанности его применения для обеспечения гражданского иска и специальной конфискации путем отказа от реализации права, в субъективном его понимании, органа уголовного преследования применить арест имущества в силу целого комплекса обстоятельств (некомпетентность, коррупционные проявления и др.). Подобное положение дел может самым негативным образом сказаться на процессе защиты и восстановления нарушенных прав потерпевшего, интересов государства.

Заключение. Вскрытие проблем понимания сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь указывает на их связь с недостатками законодательной регламентации рассматриваемой меры процессуального принуждения, а равно показывает, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в оптимизации.

Ключевые слова: уголовный процесс Республики Беларусь, наложение ареста на имущество, сущность, право, обязанность, следственное действие, иная мера процессуального принуждения, оптимизация законодательства.

On the Issue of the Essence of the Seizure of Property in the Criminal Process of the Republic of Belarus

Zaitsev V.P.

Educational Establishment “The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”

The priority area of criminal procedural norms of the national law is the protection of the rights and freedoms of the individual, the legitimate interests of society and the state. Acting as one of the tools of such protection, the seizure of property needs the most effective application, as well as a precise understanding of its essence by law enforcers.

The purpose of this article is to search for the essence of property seizure in the criminal process of the Republic of Belarus on the basis of scientific views, domestic and foreign criminal procedural rules; development of proposals for optimizing the current legislation.

Material and methods. The material of the study was the norms of criminal procedure law of the BSSR, the Republic of Belarus, the CIS countries, the Baltic states, the work of Soviet, Belarusian, Russian scientists, as well as empirical data. The research methodology is based on the methods of induction, deduction, analysis, synthesis, formal legal, formal logical, comparative legal, structural and functional methods, as well as questionnaires.

Findings and their discussion. The discrepancies between scientific views and legislative positions which exist in our state and overseas regarding criminal procedural seizure of property “carry” the causes of polysemy approaches to the understanding of its essence by law enforcers. The distorted perception by practitioners of certain aspects of the essence of seizure of property is associated with the risk of imposing a coercive measure with a cognitive function, ignoring the obligation to apply it to secure a civil lawsuit and special confiscation by refusing to exercise the right, in its subjective

understanding, of the criminal prosecution body, to apply for the seizure of property complex of circumstances (incompetence, corruption, etc.). Such a state of affairs can most negatively affect the process of protecting and restoring the violated rights of the victim, the interests of the state.

Conclusion. Revealing the problems of understanding the essence of the seizure of property in the criminal process of the Republic of Belarus indicates their connection with the shortcomings of the legislative regulation of the measure of procedural coercion under consideration, as well as shows that the current criminal procedure law needs to be optimized.

Key words: criminal process of the Republic of Belarus, seizure of property, substance, right, obligation, investigative action, another measure of procedural coercion, optimization of legislation.

Приоритетным направлением уголовно-процессуальных норм национального права является защита прав и свобод личности, законных интересов общества и государства. Выступая одним из инструментов такой защиты, наложение ареста на имущество нуждается в максимально эффективном применении, а равно в точном понимании его сущности правоприменителями. Любого рода искажения содержания наложения ареста на имущество видятся нам причинами возникновения ошибок его целевого назначения, совершения которых можно избежать. Актуальность затронутого нами направления обусловлена не только усилением международных требований правовосстановительного характера, но и отсутствием в Республике Беларусь соответствующих детальных научных исследований. В ходе предлагаемой работы попытаемся решить ряд проблемных вопросов, которые, по нашему мнению, заслуживают отдельного научного внимания.

Цель настоящей статьи – поиск экспликации сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь на базе научных взглядов, отечественных и зарубежных уголовно-процессуальных норм; выработка предложений по оптимизации действующего законодательства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормы уголовно-процессуального права БССР, Республики Беларусь, стран СНГ, Балтии, работы советских, белорусских, российских ученых, а также эмпирические данные. Методологической основой изучения избраны методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридический, формально-логический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, а также анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Сущность – это «внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-нибудь» [1, с. 679]. Полноценное изучение какого-либо явления немыслимо без познания его сущности. Иными словами, усвоение только внешней стороны предмета, его формы, не насыщенной определенным, уникальным содержанием, не может в полной мере отразить внутреннее единство всех его связей, элементов, процессов, тенденций и противоречий [2, л. 43].

В соответствии с ч. 2 ст. 59 Конституции Республики Беларусь государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности, что соответствует задачам, закрепленным в ч. 1 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК) Республики Беларусь.

Одной из выработанных государственных мер защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства можно считать меру уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Однако до настоящего времени существование этой меры связано с немалым количеством проблем, которые имеют место в нормотворческой деятельности, науке и правоприменительной практике уголовного процесса. По нашему мнению, вызвано это в том числе и отсутствием в Республике Беларусь специализированных фундаментальных исследований сущности уголовно-процессуального наложения ареста на имущество.

Все правоотношения, в которых участвуют правоохранительные органы, включая уголовно-процессуальные, характеризуются совершенно конкретным составом их участников, где оппонирующими сторонами выступают конкретные физические и юридические лица, органы государственной власти, прокурорские и судебные работники. «Именно строго персонализированный состав сторон таких правоотношений отличает их от абстрактных общественных отношений, регулируемых правом, что позволяет четко определять субъективные права и обязанности каждого их участника и при необходимости персональную юридическую ответственность» [3, с. 348].

Правом или обязанностью для органов, ведущих уголовный процесс, является наложение ареста на имущество в национальном уголовном процессе? Актуальность этого вопроса вызвана существующими неточностями в ст. 132 и 156 УПК Республики Беларусь.

В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия в целях обеспече-

ния возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации. Не вызывает сомнений тот факт, что приведенной нормой подчеркивается законодательное делегирование органу, ведущему уголовный процесс, права применения уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество для достижения целей указанной принудительной уголовно-процессуальной меры.

Субъективные право и обязанность неразрывно связаны друг с другом. Одно без другого не существует [4, с. 315]. В правоотношениях субъективные права и обязанности сторон корреспондируют. Это значит, что осуществление субъективных прав одной стороны обеспечивается выполнением субъективных обязанностей другой и наоборот [3, с. 339].

В контексте нашего исследования речь ведется об уголовно-процессуальном правоотношении между государственным органом и лицом, в отношении которого применяется наложение ареста на имущество. Отсюда следует, что субъективному праву органа, ведущего уголовный процесс, корреспондирует юридическая обязанность лица, в отношении имущества которого применяется арест, претерпеть ограничения имущественного характера и воздержаться от актов противодействия.

При наличии достаточных данных о причинении вреда преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, а также в случае обнаружения имущества, подлежащего специальной конфискации, органы уголовного преследования обязаны принять меры по обеспечению гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества, заключающиеся в выявлении имущества, на которое может быть наложен арест; наложении ареста на имущество обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за вред, причиненный преступными действиями обвиняемого или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого; обеспечении сохранности имущества до разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 156 УПК Республики Беларусь). В данном случае законодатель закрепляет наложение ареста на имущество в качестве обязанности органов уголовного преследования. Но распространяет эту обязанность только на отдельные случаи (основания):

а) когда имеются достаточные данные о причинении вреда преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого;

б) при обнаружении имущества, подлежащего специальной конфискации.

Но если меры по обеспечению гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества не были приняты в стадии предварительного расследования, суд вправе до вступления приговора, постановления (определения) в законную силу постановить о принятии этих мер, которые принимаются в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве (ч. 2 ст. 156 УПК Республики Беларусь).

Казалось бы, суд исключен из числа органов, обязанных применять наложение ареста на имущество. Однако налицо очередная юридико-техническая неточность. В соответствии с ч. 5 ст. 10 УПК Республики Беларусь в случае причинения преступлением вреда орган уголовного преследования, суд обязаны принять меры к обеспечению гражданского иска.

По логике приведенных уголовно-процессуальных норм наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска, специальной конфискации одновременно выступает и правом и обязанностью органа уголовного преследования, а в целях обеспечения гражданского иска еще и суда.

Рассматривая наложение ареста на имущество в качестве обязанности органов, ведущих уголовный процесс, следует учитывать, что корреспондирующее такой обязанности право подвергаемого наложению ареста на имущество лица ограничено правоприменительным государственно-властным характером складывающегося уголовно-процессуального правоотношения¹. Однако неверно считать такую особенность нарушением содержательной конструкции разбираемого правового отношения. Ограничение прав и свобод личности допускается в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23 Конституции Республики Беларусь).

Полезным артефактом уголовно-процессуальной мысли по затронутому нами вопросу считаем норму, изложенную в ч. 1 ст. 174 УПК БССР 1960 г. «Наложение ареста на имущество»: «В целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества следователь обязан наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону

¹ Речь ведется о действии конституционного принципа публичности уголовного процесса, в соответствии с которым должностные лица и органы государства обязаны действовать от его имени и в его интересах. В случаях коллизии интересов государства и личности отдается предпочтение первым [5, с. 99].

материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем». В период действия указанного УПК до наложения ареста на имущество следователь был обязан принять необходимые меры для отыскания скрываемого имущества. Примечательно, что с этой целью он мог производить даже обыск или выемку [6, с. 217–218]. Таким образом, существовавшая во время действия утратившего юридическую силу УПК БССР 1960 г. правовая регламентация наложения ареста на имущество значительно снижала ошибки понимания его сущности, которые, к сожалению, имеют место в современной правоприменительной практике. Так, 49,3% опрошенных на момент исследования сотрудников органов дознания, следователей, прокуроров и судей считают наложение ареста на имущество только правом, 50,7% – только обязанностью органа, ведущего уголовный процесс. Приведенные эмпирические данные подтверждают наличие проблемы.

Называя наложение ареста на имущество правом, стоит отметить, что согласно общей теории права понимание о праве не всегда сведено к мере возможного поведения, а еще и к необходимости совершить какие-либо обязательные действия. Для понимания данного сущностного аспекта наложения ареста на имущество необходимо помнить, что уголовно-процессуальные правоотношения носят публично-правовой, охранительный характер². Особенность публично-правовых отношений привлекала научное внимание начиная с XIX в. Примером можно считать позицию Г.Ф. Шершеневича, который писал о цивилистическом происхождении учения о правоотношении и недопустимости прямого переноса частноправового строения на публично-правовые отношения. Право судебного следователя требовать содействия, противостоящее сопротивлению, в действительности указывает на обязанность прибегнуть к принудительным мерам при наличии установленных законом условий. По мнению Г.Ф. Шершеневича, неосуществление такого права влечет ответственность субъекта права. Идеи ученого не были лишены резона: если в частноправовом отношении имеет место фактическое отношение между лицами и, следовательно, корреспондирующая связь прав и обязанностей является реальной, то в публично-правовом, охранительном отношении и само отношение, и сама связь – более идеализации, абстрактные конструкты [8, с. 219]. В публичном праве ярче и определеннее всего выступают правообязанности; они точ-

но определены по содержанию, возлагаются всегда на конкретных лиц. Напротив, публичные права представляются в некотором роде отражением обязанностей и адресуются неопределенному кругу лиц, могущих в том быть заинтересованными [9, с. 180].

С точки зрения В.И. Павлова, следует постоянно помнить о цивилистической природе доктрины правоотношения и проблематичности ее реализации в сфере публичного, особенно охранительного права. Нет смысла любой ценой заключать все юридически значимые действия в форму правоотношений и пытаться искусственно подогнать их под эту конструкцию. Оправданной представляется цель непротиворечивого объяснения правовой реальности в рамках одной системы. В публичных отраслях права действуют другие закономерности, которые могут перемещаться в сторону и частноправовых взаимосвязей, что не в последнюю очередь обусловлено различными парадигмами истины в праве и процессе, а также другими методологическими позициями.

В указанной нами проблеме ч. 1 ст. 132 и ч. 1 ст. 156 УПК Республики Беларусь, выступая общей и специальной нормами соответственно, с нашей точки зрения, выходят за рамки правил обеспечения логики права общих правил юридической техники [10, с. 110, 122–125], в связи с чем «несут в себе» причины полисемических подходов к пониманию правоприменителями описанного аспекта сущности наложения ареста на имущество. Восприятие практиками содержания ч. 1 ст. 132 в качестве привилегированного перед ч. 1 ст. 156 связано с риском игнорирования обязанности наложения ареста на имущество для обеспечения гражданского иска и специальной конфискации путем отказа от реализации права, в субъективном его понимании, органа уголовного преследования наложить арест на имущество в силу целого комплекса объективных и субъективных причин (некомпетентность, коррупционные проявления и др.). Подобное развитие событий может самым негативным образом сказаться на процессе защиты и восстановления нарушенных прав потерпевшего, интересов государства.

Опираясь на изложенное, считаем необходимым сделать вывод о том, что рассмотрение уголовно-процессуального наложения ареста на имущество и в качестве права, и в качестве обязанности органа, ведущего уголовный процесс, соответствует концептуальным общетеоретическим началам. При этом устранение юридико-технической неточности видим в такой редакции ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь: «В целях обеспечения взыскания дохода, полученного преступным путем, других имущественных взыска-

² Охранительные правоотношения связаны с применением государственного принуждения в целях защиты и восстановления нарушенных прав, обеспечением исполнения нереализованных обязанностей [7, с. 148–149].

ний орган, ведущий уголовный процесс, вправе наложить арест на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их деяния», а также в дополнении ст. 132 УПК отдельной частью следующего содержания: «Орган, ведущий уголовный процесс, обязан налагать арест на имущество для обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, гражданского иска, исполнения приговора в части специальной конфискации имущества». Для полноценного согласования норм слово «вправе» в ч. 2 ст. 156 УПК следует заменить словом «обязан», что, собственно, и предлагаем.

Существующие в современном уголовно-процессуальном законодательстве положения указывают на наличие проблематики понимания сущности наложения ареста на имущество не только в нормотворческом, но и, как следствие, в применительном его аспекте. Очевидной проблемой, по нашему мнению, является положение ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь, согласно которому лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз. Здесь по предусмотренной законодателем букве закона наложение ареста на имущество должно производиться для установления и закрепления следов преступления, что явно не соответствует ч. 1 ст. 132 УПК Республики Беларусь, где об этом речи не ведется. Более того, подобная позиция законодателя подталкивает правоприменителя на рассмотрение исследуемого процессуального действия в качестве следственного.

Тема придания наложению ареста на имущество признаков следственного действия не нова, и о ее актуальности можно говорить не только в Республике Беларусь. Оживленные научные обсуждения по данному поводу активно велись в советской уголовно-процессуальной науке, однако нельзя сказать, что сейчас в решении этого вопроса поставлена точка. Научного внимания заслуживают различные подходы к толкованию и законодательному закреплению меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в научной литературе и за-

конодательстве СССР, БССР, Республики Беларусь, а также других государств, опыт которых играет не последнюю роль в эволюции белорусского уголовного процесса. Ученые С.В. Бородин, И.Е. Быховский, Н.И. Газетдинов относили наложение ареста на имущество к следственным действиям, сторонниками противоположной позиции выступали Г.А. Абдумаджидов, С.А. Шейфер. Процессуалисты В.П. Божьев, С.П. Гришин считали, что изучаемой нами мере принуждения присущи познавательные черты, приводящие к получению доказательств по уголовному делу.

В теоретической модели уголовно-процессуального законодательства СССР [11, с. 180–182] наложению ареста на имущество была отведена роль меры обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий с ее размещением в соответствующем разделе модели, исключающем принадлежность к следственным действиям.

В период действия УПК БССР 1960 г. закладка наложения ареста на имущество в главу 15 «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество» указывала на его отнесение к следственным действиям. Однако разработка следующего в уголовно-процессуальной истории Беларуси УПК 1999 г. изменила существующее до этого положение дел. Так, уже первая редакция новейшего кодекса исключала отношение наложения ареста на имущество к следственным действиям, разместив его в разделе IV главы 14 «Иные меры процессуального принуждения», которая существует в неизменном виде и сейчас. В отличие от обыска и выемки арест может быть наложен на предметы, деньги и ценности, которые не относятся к вещественным доказательствам. В.Б. Искандиров полагает, если в постановлении о производстве обыска (выемки) указывается, что именно отыскивается, то в постановлении о наложении ареста на имущество достаточно сформулировать общее требование о предъявлении всего или части имущества, денежных средств или иных ценностей, в том числе полученных преступным путем.

Модельным УПК для стран-участников СНГ рекомендовано рассмотрение наложения ареста на имущество в качестве следственного действия. Это следует из его помещения в отдельную главу 36, вслед за и перед другими следственными действиями. Между тем, как обоснованно отмечается в научной уголовно-процессуальной литературе, включение наложения ареста на имущество в систему следственных действий представляется несколько искусственным, поскольку в ч. 1 ст. 272 названного кодекса арест имущества определяется как мера процессуального принуждения, которая состоит в описи имущества и запрете собственнику и владельцу распоряжаться,

а в необходимых случаях – также пользоваться этим имуществом [12, с. 19; 13, с. 10]. Детальная регламентация наложения ареста на имущество видится достоинством модельного предложения, но аналогизацию меры уголовно-процессуального принуждения со следственным действием считаем не в полной мере убедительной.

Аналитический обзор зарубежного законодательного опыта свидетельствует о том, что по сути одно и то же средство уголовно-процессуального принуждения по-разному закреплено в национальных уголовно-процессуальных законах. Это указывает на транснациональный характер проблемы понимания сущности уголовно-процессуального наложения ареста на имущество. В УПК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Узбекистан аналоги белорусского наложения ареста на имущество являются следственными действиями. Наложение ареста на имущество в УПК Кыргызской Республики выступает иной мерой обеспечения уголовного судопроизводства. Арест имущества в УПК Эстонской Республики – это иное средство обеспечения уголовного производства. УПК Украины уголовно-процессуальному аресту имущества отведено место меры обеспечения уголовного производства. Так же, как и в Беларуси, к иным мерам процессуального принуждения наложение ареста на имущество отнесено в УПК Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Молдова [14; 15]. Неоднозначным стоит признать место наложения ареста на имущество в УПК Грузии. Не иначе как о следственных действиях упоминается о наложении ареста на имущество в указанном кодексе (ст. 123, 155). Вместе с тем не в полной мере понятной, на наш взгляд, является причина одновременного размещения норм, регламентирующих вопросы наложения ареста на имущество, в главах XV «Следственные действия», XVII «Другие процессуальные действия» грузинского уголовно-процессуального закона. При этом в соответствии со ст. 152 УПК Грузии наложение ареста на имущество состоит в запрете собственнику или владельцу распоряжаться, а в необходимых случаях – также пользоваться имуществом [16], что мало чем отличается от толкования наложения ареста на имущество, предлагаемого законодателем Республики Беларусь.

Следственные действия, несмотря на индивидуальность каждого из них, характеризуются следующими признаками:

- 1) детально регламентированы УПК;
- 2) имеют непосредственную направленность на собирание и проверку доказательств;

3) сопряжены с возможностью применения государственного принуждения.

Лишь совокупность данных признаков позволяет назвать то или иное процессуальное действие следственным, т.к. отдельные из них присущи некоторым иным процессуальным действиям [17]. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь достаточно детально регламентировано и напрямую связано с применением государственного принуждения, но непосредственной направленности на собирание и проверку доказательств не имеет.

По мнению советского процессуалиста С.В. Бородина, факт наложения ареста на имущество имеет познавательное значение, что позволяет отнести его к следственным действиям. Это подтверждалось следственной практикой. С появлением конфискации имущества как уголовного наказания наложение ареста на имущество применялось, прежде всего, для отыскания любого имущества обвиняемого, при этом не требовалось причинной связи такого имущества с причиненным вредом или имуществом, полученным преступным путем. Квалификация деяния по статье, предусматривающей конфискацию имущества, приводила к безусловному аресту всего имущества обвиняемого [18, с. 12]. Однако после исключения из белорусского законодательства института общей конфискации³ подобную научную мысль нельзя признать актуальной для нашего государства.

В определенной степени можно согласиться с солидарной позицией В.М. Быкова и А.П. Рыжакова о том, что при применении наложения ареста на имущество могут быть собраны, получены доказательства. Так, в ходе описи арестованного имущества при нем, в его составе, конструкции и т.д. могут быть обнаружены предметы и документы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела. Причиной подобных обнаружений могут служить не в полной мере качественно проведенные до этого следственные действия (осмотр, обыск), а также акты противодействия подозреваемого, обвиняемого, иных лиц (предметы и документы, имеющие значение для дела, могут быть спрятаны, перемещены и даже забыты в имуществе, подвергнутом в последующем аресту). При этом фиксацию полученных в ходе проведения наложения ареста на имущество потенциальных доказательств считаем законным и выполнимым действием путем их внесения в протокол описи арестованного имущества, подробного описания места обнаружения с применением технических средств фиксации хода и результа-

³ См. Закон Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь».

тов производства процессуального действия, изъятия и упаковки. Следующими за этими процессуальными действиями должны стать изучение предполагаемых доказательств по правилам осмотра предметов и документов с последующим вынесением постановлений об отмене наложения ареста на имущество и признании осмотренных предметов и (или) документов вещественными доказательствами соответственно. Схожей позиции придерживается и И.Б. Тутынин. Вместе с тем изложенное, на наш взгляд, нельзя считать основанием постановки знака равенства между наложением ареста на имущество и следственным действием, учитывая, что в соответствии с ч. 1 ст. 103 УПК Республики Беларусь собирание доказательств производится путем проведения не только следственных, но и других процессуальных действий, в широкую категорию которых входит в том числе и наложение ареста на имущество.

Тем не менее С.В. Борико называет наложение ареста на имущество следственным действием, направленным на собирание и проверку доказательств. При этом параллельно автором предлагается его отнесение к иным мерам процессуального принуждения. Большинство других белорусских ученых позицию отнесения наложения ареста на имущество к следственным действиям не поддерживает.

В числе отечественных ученых, включающих наложение ареста на имущество в систему следственных действий, можно назвать и Т.Н. Линник. Более того, последняя указывает на то, что наложение ареста на имущество отнесено к видам следственных действий, определенных законом.

По мнению Б.Т. Безлепкина, при наложении ареста на имущество фактические данные, имеющие значение для дела, как правило, не добываются, и протокол наложения ареста на имущество в числе источников доказательств не значится, в связи с чем он назвал рассматриваемое действие мерой уголовно-процессуального принуждения. Считая такую позицию соответствующей уровню и особенностям развития современного общества, а равно наиболее приемлемой для белорусского уголовного процесса, не можем с ней не согласиться. «Целью следственного действия всегда является определенный познавательный результат, обусловленный установлением новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно этим следственные действия отличаются от иных процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов» [19, с. 13], ведущих уголовный процесс. Более того, следственное действие направлено не только на собирание доказательств, но и на их проверку. Об этом, ссы-

лаясь на мнение М.А. Шостака и других ученых, пишут И.В. Данько и Ю.П. Шкаплеров.

Наложение ареста на имущество изначально не проводится для установления и закрепления следов преступления, так как это процессуальное действие не имеет в своей квинтэссенции поисково-познавательного начала. По нашему мнению, помещение наложения ареста на имущество в оболочку следственного действия является рудиментом уголовно-процессуальной теории и науки.

Придерживаясь сформированной авторской позиции, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь, изложив ее в следующей редакции: «При наличии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной статьей 182 настоящего Кодекса, или возбуждает уголовное дело. Руководствуясь правилами настоящего Кодекса, лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемку, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз», исключив при этом из текста нормы «наложение ареста на имущество».

Заключение. Изучение научных взглядов прошлого и современности, национальных и зарубежных уголовно-процессуальных норм позволило сформировать представление о ключевых существенных элементах наложения ареста на имущество в нашем государстве. Наложение ареста на имущество в белорусском уголовном процессе выступает правом органов, ведущих уголовный процесс, а в отдельных случаях – их обязанностью; процессуальным действием и, главное, иной мерой процессуального принуждения обеспечительного характера. Вскрытие проблем понимания сущности наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь указывает на их связь с недостатками законодательной регламентации рассматриваемой меры процессуального принуждения, а равно показывает, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в оптимизации.

Литература

1. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

2. Щерба, Т.Л. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Л. Щерба; Акад. МВД; науч. рук. Л.И. Кукреш. – Минск, 2013. – 171 л.
3. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск: Акад. МВД, 2019. – 478 с.
4. Шафалович, А.А. Общая теория права / А.А. Шафалович. – Минск: Амалфея, 2019. – 528 с.
5. Уголовный процесс. Общая часть / [И.В. Данько и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2012. – 478 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / С.П. Бекешко [и др.]. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1973. – 503 с.
7. Горбатов, Н.А. Общая теория государства и права: практ. пособие / Н.А. Горбатов. – Минск: Акад. МВД, 2008. – 208 с.
8. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск: Акад. МВД, 2017. – 262 с.
9. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / предисл. д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина / Н.М. Коркунов. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 430 с.
10. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 496 с.
11. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: теоретическая модель / АН СССР, Ин-т государства и права; под ред. В.М. Савицкого [и др.]. – М.: Ин-т государства и права Акад. наук, 1990. – 316 с.
12. Авдеев, В.Н. Процессуальный порядок наложения ареста на имущество: учеб.-практ. пособие / В.Н. Авдеев. – Калининград: Калинингр. филиал СПбУ МВД России, 2016. – 96 с.
13. Аршба, Г.В. Наложение ареста на имущество: учеб.-практ. пособие / Г.В. Аршба, С.И. Гирько, В.В. Николюк. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 89 с.
14. Уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.spininform.ru/index.fwx>. – Дата доступа: 01.09.2019.
15. Действующие законы Эстонской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/et/node/29540>. – Дата доступа: 01.09.2019.
16. Законодательный вестник Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.matsne.gov.ge>. – Дата доступа: 10.06.2019.
17. Шкаплеров, Ю.П. Следственные действия [Электронный ресурс]: пособие / Ю.П. Шкаплеров, И.В. Данько. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2017. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Sledstvennie_deistvia_Shkaplerov_Danko.pdf. – Дата доступа: 21.06.2019.
18. Тутынин, И.Б. Правовое регулирование и практика применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве России: монография / И.Б. Тутынин. – М.: МоСУ МВД России, 2009. – 238 с.
19. Россинский, С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.Б. Россинский; МГЮА. – М., 2015. – 40 с.

Поступила в редакцию 05.09.2019

Лев Ребет – выдающийся украинский ученый-компаративист (к 105-летию со дня рождения и 60-летию со дня смерти Л. Ребета, 70-летию со времени появления труда «Сравнительный метод в науке права»)

Кресин А.В.

член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Харьков, Украина)

*«Жизнь – это непрерывное обновление, бесперебойное воспроизведение
каждый раз нового синтеза из элементов прошлого и опыта современности» (Л. Ребет).*

Жизненный путь. Лев Роман Ребет родился в семье Михаила Ребета и Екатерины Недокис 3 марта 1912 г. в г. Стрый (ныне районный центр во Львовской обл.). Отец работал там почтовым служащим. В 1922–1930 гг. Лев учился в Стрыйской гимназии, был активным скаутом, в 1927 г. стал членом Украинской военной организации, а затем автоматически – Организации украинских националистов (далее ОУН).

В 1930 г. Л. Ребет поступил на юридический факультет Львовского университета. Во время учебы был руководителем стрыйского округа ОУН, часто арестовывался польской полицией, осужден и заключен на два года в тюрьму. После освобождения продолжил обучение, а также в 1935–1939 гг. возглавлял центральный исполком ОУН на западноукраинских землях, несколько раз нелегально переходил границу и встречался с лидером ОУН полковником Коновальцем. В 1938 г. завершил обучение, получив степень магистра права. Работал как делопроизводитель магазина, банка в Кракове и Львове. В марте 1939 г. вновь заключен в тюрьму во Львове, был освобожден вместе с другими заключенными 20 сентября 1939 г. во время наступления советских войск.

В том же году Л. Ребет переехал в Краков и там женился в 1940 г. на Дарии Емельяновне Цисык (26.02.1913–05.01.1992), своем давнем соратнике и невесте (они были помолвлены с середины 30-х годов). Он продолжал принимать активное участие в деятельности ОУН, поддерживая ее революционную («бандеровскую») часть. В 1941 г. с походными группами ОУН он перебрался во Львов и после провозглашения восстановления украинской государственности (30 июня 1941 г.) стал 5 июля 1941 г. вторым заместителем Председателя Временного Государственного Правления Я. Стецько, исполнял обязанности Председателя после ареста последнего. 15 сентября 1941 г. Л. Ребет был арестован немецкими властями и вывезен в тюрьму Монтелюпих в Кракове, а затем заключен в концлагерь Аушвиц (Освенцим), где он пробыл более трех лет.

В декабре 1944 г. он был освобожден немцами и переехал в Братиславу, Вену, а затем в Инсбрук и Мюнхен. Работал в газетах «Время», «Украинская трибуна», «Современная Украина», с 1955 г. был главным редактором газеты (впоследствии журнала) «Украинский государственный». В 1945–1946 гг. являлся членом Заграничного Центра ОУН, главным судьей Заграничных

частей ОУН. С декабря 1946 г. руководством ОУН был отстранен от политической жизни.

В Украинском свободном университете (далее УСУ) Л. Ребет 12 февраля 1948 г. защитил первую (доктор прав; «Сравнительный метод в науке права») и в 1949 г. вторую (доктор габилитованный; «Государство и нация») докторские диссертации. Был ассистентом (1948–1949 гг.), доцентом (1950–1954 гг.), профессором (1954–1957 гг.) государственного права и философии права УСУ. Осуществлял научное руководство написанием Ю. Горакком диссертации на тему «Суверенитет – современная мировая проблема» в 1955–1956 гг.

С 1952 г. Л. Ребет – член Заграничного представительства Украинского Главного Освободительного Совета (далее УГОС), в 1952–1955 гг. – глава Совета Референтов ЗП УГОС. С 1953 г. – член Коллегии уполномоченных Краевого руководства ОУН(б)У. В декабре 1955 г. делегатской конференцией был избран Председателем Политического Совета одного из ответвлений ОУН – Организации Украинских Националистов за границей.

Лев и Дария Ребет стали родителями двух детей – сына Андрея (родился 30 марта 1942 г.) и дочери Оксаны (родилась 27 сентября 1951 г.).

Лев Ребет умер в Мюнхене 12 октября 1957 г. на сорок шестом году жизни. Лишь через пять лет стало известно, что эта смерть не была естественной, а вызвана отравлением, которое совершил агент НКВД Б. Сташинский. Согласно показаниям последнего на суде в 1962 г., в Москве Л. Ребет рассматривался как опасный ведущий теоретик украинской политической эмиграции, он находился под наблюдением советских агентов. Авторитетные современные исследователи утверждают, что это убийство было лично санкционировано первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и осуществлено с помощью специального оружия, изготовленного в тринадцатом отделе при Первом главном управлении КГБ СССР¹. За убийства Л. Ребета и С. Бандеры Богдан Сташинский был награжден орденом Красного Знамени с формулировкой «за успешный вклад в решение важной проблемы»². В 1962 г. Федеральный Верховный Суд ФРГ признал Б. Сташинского только исполнителем преступлений, а их главным организатором – власть СССР, которая узаконила политические убийства. И именно значительный резонанс этого судебного дела привел к прекращению массового санкционирования таких убийств со стороны Политбюро ЦК КПСС и руководства КГБ³.

Вспоминая Л. Ребета, В. Маркусь в 1957 г. отмечал: «...он принадлежал к тем, которые во имя высших интересов и принципов предпочитали принимать непопулярные решения. История движения и потомки с дальней перспективы, а не наши растравленные страсти и минутные настроения, будут судить его и всех нас за то, что сделано. Этот суд наверняка будет более справедливым, чем суд минутный. Но уже и теперь... в одном нельзя упрекнуть Покойного, а именно, – недостатке патриотизма и личной честности»⁴.

«Сравнительный метод в науке права». Диссертация Л. Ребета «Сравнительный метод в науке права» была выполнена под научным руководством профессора истории права и философии права Л. Окиншевича и представлена в Украинский свободный университет в 1947 г.⁵ В этой работе осуществлено подробное рассмотрение философских, науковедческих, исторических аспектов становления методологии сравнительно-правовых исследований в Европе. Следует отметить, что проблематика методологии сравнительного правоведения начала разрабатываться намного раньше⁶, но предметом изучения исследователей были лишь отдельные ее аспекты. Основы в этой сфере были заложены еще П.И.А. Фейербахом, Э. Гансом, Э. Амари и др., во второй половине XIX в. появились первые обобщающие труды по сравнительному правоведению, где небольшие по объему разделы посвящались методологии, в первой половине XX в. появилось значительное количество статей методологической проблематики.

Можно утверждать, что после Второй мировой войны разные аспекты сравнительного правоведения оказались в фокусе внимания ученых, свидетельством чего стали масштабные инициативы и дискуссии в ЮНЕСКО, в результате чего был создан Международный комитет сравнительного права – Международная ассоциация юридических наук. В рамках этого процесса был поставлен вопрос о написании обобщающих трудов и учебников по сравнительному правоведению.

Собственно, монография Г.К. Гаттериджа, а затем книги Р. Давида («Введение в срав-

⁴ Маркусь В. Борець за українську державність (слово над могилою Лева Ребета, голови Політичної ради ОУН за кордоном) // Український самостійник. 1957. Ч. 3(397). С. 6.

⁵ Ребет Л. Порівняльна метода в науці права: дис. ... д-ра права. Мюнхен, 1947 // Архив Украинского свободного университета (Мюнхен). Ед. хр. № 3338.

⁶ Этой проблематике мы посвятили две свои монографии (Кресін О.В. Становлення теоретичних засад порівняльно-правових досліджень у другій половині XVIII – першій третині XIX століття: компаративна концептуалізація: монографія. Київ: Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України; Видавництво «Логос», 2017; Кресін О.В. Порівняльне правознавство у XIX–XX століттях: проблеми становлення: монографія. Київ: Логос, 2011) и многие другие работы.

¹ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1990. С. 470.

² Там же. С. 469–470, 738.

³ Там же. С. 470–471.

нительное гражданское право» (1950)⁷ и др.) и Ф. де Сола Канисареса («Введение в сравнительное право» (1954)⁸) как отцов-основателей послевоенного компаративистского движения и писались в русле поставленных тогда задач. Они стали основой для синтеза общей части сравнительного правоведения, в том числе систематизации его методологии. Эти книги оставались чрезвычайно влиятельными в течение нескольких десятилетий, переводились и переиздавались, были основанием для введения сравнительно-правовых дисциплин в университетах и др.

Из них только книга Г.К. Гаттериджа⁹ была издана несколько раньше, чем появилась диссертация Л. Ребета (но труд английского ученого является по своему содержанию учебником). Кроме того, несмотря на свое название, последняя посвящена не методологии, а прежде всего методике осуществления сравнительно-правовых исследований, освещая также кратко их историю, предмет и объект (разделы I–II), значение для юридической науки в целом, международного и международного частного права (разделы III–V), методике преподавания сравнительного правоведения (раздел X). Итак, с определенной осторожностью, не исключая возможности нахождения неизвестных нам публикаций и рукописей, **диссертацию Л. Ребета можно считать первым в мире монографическим исследованием, посвященным методологии сравнительного правоведения.**

Важным является вопрос о источниках труда Л. Ребета. Общий список использованных источников диссертации насчитывает 81 публикацию. Из них 14 в тексте лишь упоминаются, но не используются. Это работы европейских ученых начиная от Античности и до начала XIX в. Зато непосредственно использовано 67 публикаций периода 1824–1942 гг. Практически все они – на немецком языке (и практически все – немецких авторов), кроме одной – на английском и еще одной – на итальянском. Использование источников довольно неравномерное: на треть из них (22 позиции) автор ссылается только раз, еще на треть (19 позиций) – два-три раза. Зато наиболее используемыми источниками в работе являются статья Ф.В. фон Раучхаупта «Рассмотрение сравнительного права как науки» (1929) (31 ссылка), книга Ю. Биндера «Философия права» (1925) (26 ссылок), статьи Ф. Бернхофта «О цели и средствах сравнительного правоведения» (1878) и Э. Кадена «Сравнительное право» (1938) (по 25 ссылок).

⁷ David R. Traite elementaire de droit civil compare. Paris, 1950.

⁸ De Sola Canizares F. Iniciacion al Derecho Comparado. Barcelona: Instituto de Derecho Comparado, 1954.

⁹ Gutteridge H.C. Comparative Law. An Introduction to the Comparative Method of Legal Study and Research. Cambridge: At the University Press, 1946.

Как можно увидеть из самого названия труда, Л. Ребет считал сравнение права методом. В свою очередь, метод он определял, следуя за другими учеными, как целенаправленное использование комплекса средств осуществления научного исследования на основе заранее определенных правил, что предусматривает также формулирование понятий и формирование системного представления о предмете исследования.

По мнению Л. Ребета, сравнение не является чисто индукционным методом, его целью становится не только накопление эмпирического материала, но и его дальнейшее осмысление, само по себе оно всегда стремится к синтезу: «само [по себе] внешнее сопоставление разных норм без поиска внутреннего взаимоотношения между ними не является сравнением»; «сравнение никогда не ограничится чисто формальными и методическими пределами, но будет автоматически затрагивать социологические и философские вопросы, такие как единство человеческого характера, естественного права, всеобщих законов созидания права и т.п.»; «исследователи пытаются сравнением не только уточнить аналогии и различия, но также выяснить, какие социальные, хозяйственные, культурные и политические факторы влияли в каждом случае на развитие права в одном или разных направлениях»; «хотя сравнительный метод по своей сути был эмпирическим, однако он был в то же время часто в кругу философских и теоретических поисков в области права». Собственно сопоставление характеризуется как внешняя, а «сравнительно-аналитическое рассмотрение» («сравнительная обработка») – как внутренняя часть сравнения.

Это недвусмысленно выходит за рамки предложенного самим автором ограничения сравнения «поиском сходств и различий между нормами различных правовых систем». Также он указывает на различные виды сравнительно-правовых исследований (догматическое, историческое, генетическое, этнологическое сравнения), методы которых отличаются, а потому предполагает возможность условного использования термина «сравнительная наука права» для определения сравнительной методологии.

Сравнение, по мнению Л. Ребета, как метод и «техника исследования», зависит от того или иного предмета (а они все распределены между существующими юридическими научными дисциплинами) и поэтому само по себе не может творить отдельной системы самостоятельных понятий, «которые классифицируют, выясняют и упорядочивают исторически обусловленное содержание права» – а именно это делает науку наукой. Пользуясь «упорядочивающими принципа-

ми», созданными юридической наукой, сравнение права приходит к несколько отличным ответам на те же вопросы, но эти ответы не имеют абсолютного характера (ведь основаны на материале изменчивого позитивного права), и поэтому оно не может быть отдельной наукой. Отметим, что в этом рассуждении Л. Ребета присутствует логическая ошибка: часть целого в принципе не является целым, вопрос о научном статусе сравнения права нельзя рассматривать в сопоставлении с юридической наукой, если ее рассматривать как единую науку, а не как комплекс наук.

Важно подчеркнуть, что социологию права, юридическую этнологию и философию права Л. Ребет также называет «участками науки права» (смежными и связанными со сравнением права), что указывает на его понимание юридической науки как единой, а потому делает еще менее логичным сопоставление и противопоставление сравнения права и юридической науки в целом. В то же время он указывает на возможность понимания социологии права, юридической этнологии, философии права как наук, отмечает, что их сферы в значительной степени перекрываются со сравнением права, признает отдельным «участком» юридической науки «этнологическое сравнение права».

Несмотря на однозначное отрицание Л. Ребетом научного статуса сравнения, оно явно соответствует заявленной автором задаче любой из юридических наук – «критическое выяснение и общее описание правовых явлений». Как отмечает автор, «степень ненадежности исследований в сравнении права не большая, чем в других науках». Требования автора к науке творить «систему обязательных понятий» и «выяснять исчерпывающе правовые явления» применимы только к юридической науке как целостной или к комплексу юридических наук в целом. В то же время автор утверждает, что сравнение права, как и философия права, «стремится создать своими средствами общеобязательные понятия». Также автор отмечает, что, «абстрагируясь от чисто философских спекуляций, сравнение дает глубокий взгляд в суть правовых явлений и позволяет сквозь изменчивые формы позитивного права видеть неизменное и вечное».

Л. Ребет предполагает наличие отдельной миссии, объекта сравнения права (получение знаний о зарубежном праве, универсализация юридической науки, содействие международным экономическим связям, избежание правового изоляционизма, сближение правовых систем, интерпретация права). Но и это, по его мнению, не превращает сравнение права в отдельную науку, ведь объектом является новое качество (всеобщность) юридической науки в целом.

По мнению Л. Ребета, сравнение не может рассматриваться как самодостаточный путь познания права, ведь мерило его оценки должно находиться вне сферы действующего / сущего, в плоскости идеального – по крайней мере, идеальное должно иметь негативный характер, отделяя право от не-права. Последнее постигает философия права. В конце концов ниже он утверждает, что вопрос абсолютного познания вообще находится за пределами юридической науки, но правовые понятия и категории могут создаваться с помощью догматического сравнения.

В то же время Л. Ребет отмечает, что целью сравнения является определение не только сходств, но и различий, поэтому оно не только вспомогательное средство в связи с поиском или утверждением идеала однородности правовых явлений. Он указывает, что знание зарубежного права может и не иметь практической цели, и сравнение в этом случае можно считать самостоятельным исследованием. И все же автор настаивает, что значение сравнения заключается в содействии сближению правопорядков.

В тексте много раз, характеризуя сравнение в праве только как метод, автор фактически рассматривает его как науку, ставит к нему требования как к науке (например, сочетание индуктивного и дедуктивного подходов, хотя указывает также на существование преимущественно индуктивных наук). Сравнительное право определяется также как специализированная сфера («участок», «территория») исследований, подчеркивается длительное существование в XIX–XX вв. сравнительной школы, сравнительного направления правовых исследований. Л. Ребет указывает на «теоретиков сравнения права», «теоретиков сравнительного метода», «исследователей в области сравнительного права», «исследователей сравнительного права» как на специализацию в научных исследованиях.

В конце концов Л. Ребет оговаривается и называет его наукой («сравнение права, как каждая индукционная наука», «сравнительный метод пользуется в значительной мере дедукцией, хотя в принципе относится к индукционной науке» и др.). Но, по его мнению, в конце XIX в. «практическая сторона получает преимущество по отношению к теоретической и сравнение либо ограничивается накоплением материалов и утверждением отличий или сходств без извлечения выводов, либо ограничивает свою цель определением наиболее прогрессивного и совершенного права». «Большой синтез сравнительного права» / «большая система сравнительной науки права» остается, по его мнению, идеалом, которого вряд ли удастся достигнуть.

Несколько отличные рассуждения о характере сравнения права содержатся во вставке в текст (с. 26а, 26б). Здесь автор отвергает постулированную им же принципиальную невозможность его научного статуса: оно может стать отдельной научной дисциплиной в будущем, вырасти из метода в науку, как сравнительное языкознание, сравнительное религиоведение, сравнительная анатомия, если сравнительно-правовые исследования «достигнут достаточной степени самостоятельности, установив отдельный круг своей специальности», предложат «более глубокое видение явлений», будут выявлять сущность феноменов.

Вероятными причинами того, что сравнение права еще не стало наукой, Л. Ребет считает позднее появление сравнительно-правовых исследований, а также особый характер права – отсутствие существенных различий между национальными правовыми порядками. Здесь же автор указывает на предложенную «первыми пионерами» систему сравнительного права / сравнительной науки права, но отмечает, что позже сравнительно-правовые исследования сконцентрировались на мелких вопросах, причинами чего считает позитивизм, сложность синтеза позитивного опыта всех правовых порядков, отвлечение на решение неотложных практических задач и связанное с этим доминирование внеконтекстного догматического сравнения. Но задачей сравнения права является не только анализ, но и синтез, формирование целостной системы знаний, программы / перспективы дальнейших исследований. Л. Ребет предполагает возможность самостоятельной научной миссии / роли сравнения права, но ее определение считает сложной проблемой, ведь она не должна накладываться на роли других наук: «Это основной вопрос сравнительной науки права, от решения которой зависит ее самостоятельное существование».

Вне вставки в тексте этим соображениям в известной степени соответствуют осторожные высказывания о том, что «большая система сравнительной науки ... может быть осуществлена разве что в далеком будущем после выполнения значительной подготовительной работы», «тенденция трактовать сравнительные исследования как нечто большее, чем метод, очень сильна», а также что будущая сравнительная наука права будет изучать закономерности и причины развития правовых явлений в универсальном масштабе, а ее выводы будут основой социологии права (пока же сравнение права является ее частью). В конце концов, ученый подчеркивает, что наука сравнительного права еще не является «окончательно установленной», но происходит движение

в соответствующем направлении, а также необходимость формирования сравнительной истории права «по образу сравнительного языкознания».

Историческое развитие сравнения Л. Ребет обобщает как движение от факта (с древних времен) к научному методу (начало XIX в.) и к системе исследования, «сознательному, систематическому сравнению», выходящему за пределы попутности и сугубо практической цели. Венцом этой эволюции он называет относительно недавнее (особенно со времени появления социологически-позитивистского направления во второй половине XIX в.) формирование теории сравнения (или теории сравнительного метода), приобретение им теоретического научного значения, которое, правда, по состоянию на середину XX в. считает утраченным, но теорию сравнения – и в дальнейшем актуальной.

Важными историческими предпосылками завершения формирования сравнительного метода, по мнению Л. Ребета, были изменения правовой действительности и правопонимания: преодоление правового универсализма Средних веков (включая гегемонию римского права) и становление национальных правовых порядков, историзма, позитивистского правового мышления в противовес традиционному спекулятивному естественно-правовому (что предполагало появление потребности в поиске смысла во множестве правовых порядков), влияние эволюции сравнительной методологии в других науках (в частности, в сравнительном языкознании). Одной из предпосылок утверждения сравнения в юридической науке автор считает историзм в форме идеи эволюции, предложенной Гегелем.

Особенностями сравнения права Л. Ребет считает рассмотрение правовых явлений на материалах множества правового порядка (как и в социологии права, юридической этнологии, философии права), признание неизбежности плюрализма правового развития, одновременного и взаимосвязанного существования между правовыми порядками сходств и различий с фокусом на причинах и характере последних, пространственное измерение права. Последнее, как поперечный срез права, обнаружение движения и связи правовых явлений в пространстве ученый считает равным с историческим, как продольным временным срезом. Лишь сочетание обоих измерений / подходов, по его мнению, способно представить комплексную картину правового развития.

«Обработанная и испытанная» теория сравнения охватывает, по мнению Л. Ребета, в частности, принципы и критерии осуществления сравнения (например, наличие общих основ сравниваемых правовых явлений, недопустимость

замены эмпирического исследования спекулятивными выводами, сравнение правопорядков в группах, необходимость учета контекстов развития права) и др. Благодаря ей сравнение становится основой современной философии права.

Л. Ребет также рассматривает вопрос о перспективах развития сравнения права. В частности, он довольно скептически оценивает рационалистские универсалистские подходы. Прогрессизм в его гегелевском варианте, по его мнению, недостаточно обоснован: «Скрытая метафизическая презумпция ненаучного характера, которая принимает без объективных оснований, что развитие идет постоянно и обязательно снизу вверх и что более поздние явления более совершенны». По его мнению, такой вариант эволюционизма не способствует сравнению, а его подменяет. Напротив, ученый подчеркивает конкретные исторические связи правопорядков и недопустимость пренебрежения различиями в праве в угоду механическому универсализму.

Рациональная и абстрактная ориентация современного догматического сравнения, по определению Л. Ребета, сущностно направлена на механическую унификацию права в мировом масштабе и противостоит развитию теории сравнимости. Автор, не отрицая процесс такой унификации как факт (но не безусловный), не считал его целью сравнительно-правовых исследований.

Он признает потенциал культуроцентричного подхода в сравнении права, но подчеркивает, что при этом мерило оценки права выходит за его пределы, переносится в сферу философии культуры, и эта проблема не имеет своего решения.

Также Л. Ребет полагал, что развитие сравнения в праве ведет к утверждению новой школы естественного права. Она совсем не связана с соответствующей классической школой, не является метафизической, не предлагает вневременных правовых идеалов, но воспринимает обнаруженные универсальные сходства как элементы естественного, правильного права, и формирует образ универсальной истории и современного мира права, обосновывает теорию сравнимости.

Л. Ребет считает, что сравнительный метод также коррелирует, гармонизирует и частично синтезирует основные подходы к праву (юснатурализм, историческая школа и юридический позитивизм), находя для каждого из них свое место и пределы, точки соприкосновения в юридической науке, «участвуя в осуществлении идеала философии – оформления целостного всеобъемлющего научного мировоззрения» – и это является его крупнейшим достижением.

После успешной сдачи докторских экзаменов в конце 1947 г. Л. Ребет был допущен к защите

диссертации. Она состоялась 12 февраля 1948 г., комиссию возглавлял профессор Л. Окиншевич, членами были доценты М. Стахив и Ю. Студинский.

Л. Окиншевич в своем отзыве на эту работу отмечал, что Л. Ребет поставил перед собой широкую проблему философско-правового и теоретико-правового характера, а также что она «далеко еще не полно выяснена в науке, намечены еще только первые, основные линии развития главных принципов и установок сравнительного изучения права». В отличие от Л. Ребета Л. Окиншевич использовал термин «сравнительное правоведение» – скорее в смысле науки, чем метода. Оценивая диссертацию в целом положительно, он указал, что слишком широкая тема не позволила автору глубоко исследовать некоторые ее составляющие, а также отметил ограничение источников диссертации только немецкой литературой. М. Стахив в отзыве на диссертацию Л. Ребета, также в целом положительно ее оценив, подчеркнул неверное определение автором науки как таковой и нелогичность отказа сравнению права в научном статусе. В отзывах также обращалось внимание на языково-стилистическое несовершенство диссертации.

Других работ, посвященных методологии сравнительно-правовых исследований, насколько нам известно, у Л. Ребета не было. Но следует упомянуть его статью 1956 г. «Права и интересы в немецком и австрийском административном праве»¹⁰. Важной в этом отношении считаем также характеристику его неопубликованной диссертации «Государство и нация» (1949) В. Маркусем: «Труд Ребета о государстве и нации является сравнительным; методы и трактовки проблематики свойственны междисциплинарным исследованиям между историей, социологией, правом и теорией культуры. Автор основывался на европейском историческом опыте и не принимал во внимание тех новых элементов, которые вносят в процесс национального строительства новые народы и национализмы третьего мира. Также его источники и теории скорее классические и преимущественно немецких авторов. Однако он их существенно прокомментировал и представил взвешенный синтез теории и мысли об этих вопросах по состоянию на конец 1940х годов. Большее использование французской и англосаксонской литературы могло бы придать этой обстоятельной работе Л. Ребета более полный и новый для нас масштаб»¹¹.

¹⁰ Ребет Л. Права та інтереси в німецькому й австрійському адміністративному праві // Науковий збірник Українського Вільного Університету. Ювілейне видання. Мюнхен: "Logos", 1956. Т. 6. С. 219–234.

¹¹ Маркусь В. Лев Ребет – політик, публіцист, науковець і людина // Сучасність. 1977. № 12(204). С. 43.

В целом следует отметить, что работа Л. Ребета чрезвычайно интересна и занимает **уникальное место в истории развития сравнительного правоведения и философии права (учения о методологии права)**. Она могла бы существенно повлиять на развитие украинских, и не только, научных исследований. К сожалению, ее судьба сложилась иначе, чем у трудов Г.К. Гаттериджа, Р. Давида, Ф. де Сола Канисареса, – она осталась в архиве Украинского свободного университета, несколько раз в биографических очерках о Л. Ребете упоминалось ее название, а в книге А. Панченко 2003 г.¹²

¹² Панченко О. Лев Ребет: нація і держава, демократія і право. Гадяч: Гадяч, 2003. С. 144–145.

она была кратко аннотирована. Это исследование призвано по крайней мере частично, хоть и поздно исправить эту несправедливость¹³.

Выражаю искреннюю благодарность за предоставленные архивные материалы профессору Марии Пришляк, ректору Украинского свободного университета (г. Мюнхен), и магистру Иванне Ребет, директору архива и библиотеки УСУ.

¹³ Недавно труд Л. Ребета был опубликован благодаря помощи и содействию Андрея и Иванки Ребет, академика Уильяма Эллиотта Батлера. Ребет Л.М. Порівняльна метода в науці права / Упорядкування і наукова редакція О.В. Кресіна, І.О. Кресіної. Київ–Мюнхен: Український вільний університет, Центр порівняльного правознавства Інституту держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, Видавництво «Логос», 2017. 231 с.

Поступила в редакцию 23.10.2019

Сетевые механизмы инновационного развития как инструмент перехода к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков¹

Солодовников С.Ю.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В условиях современной экономики – экономики рисков, для которой характерны рост технологической неопределенности, глобальных спекулятивных финансов и использование общественно-функциональных технологий, появляются принципиально новые вызовы и угрозы, требующие поиска инструментов, способных противодействовать им.

Цель данной научной работы заключается в раскрытии понятия сетевых механизмов инновационного развития, являющихся принципиально новыми формами организации социально-экономической деятельности.

Материал и методы. При написании работы были использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых. В качестве базового метода изучения избран системный анализ теоретических и эмпирических данных, представленных в открытом доступе.

Результаты и их обсуждение. В рамках исследования рассмотрены онтологические особенности субординационного и ординационного управления, охарактеризована экономика рисков как новые реалии хозяйствования, определены особенности сетевых форм хозяйствования, являющихся родовым понятием по отношению к сетевым механизмам инновационного развития. Это позволило установить, что сетевые механизмы инновационного развития представляют собой сетевые формы организации хозяйственной деятельности, основанные на широком использовании информационных технологий, в первую очередь сети Интернет, с целью инновационного развития. Выявлено, что сетевые механизмы инновационного развития базируются на сетевых механизмах экономического управления, отличающихся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования сети Интернет и общественно-функциональных технологий (информационного оружия), усиливая значение поведенческой экономики и обеспечивая при этом более высокие темпы экономического роста. Поскольку сетевые механизмы экономического управления могут быть использованы как в продукционных целях, так и для реализации эгональных интересов хозяйствующих субъектов, требуется пересмотреть и расширить функции государства как конфигуратора социально-экономических процессов в обществе, а также содействовать развитию такой новой формы общественной жизнедеятельности, как социально-научное сообщество.

Заключение. Определены сетевые механизмы инновационного развития как сущностные, регулярно повторяющиеся, неслучайные связи и отношения в сетевой экономике в процессе создания, распределения, перераспределения и использования инновационных ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного развития. Установлено их значение при переходе к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков.

Ключевые слова: сетевые механизмы, инновационное развитие, экономика рисков, ординационное управление, субординационное управление, общественно-функциональные технологии.

Network Mechanisms of Innovative Development as a Tool for the Transition to a New Quality of Economic Growth in the Context of the Risk Economy

Solodovnikov S.Y.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

In today's economy – a risk economy, which is characterized by an increase in technological uncertainty, global speculative finance and the use of socially functional technologies, fundamentally new challenges and threats appear that require the search for tools that can counteract them.

The purpose of this scientific work is to disclose the concept of network mechanisms of innovative development, which are fundamentally new forms of organization of social and economic activity.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта, договор с БРФФИ № Г18РА-011 от 30.05.2018 г. «Сетевые механизмы инновационного развития в Республике Беларусь и Республике Румыния».

Material and methods. Scientific works by domestic and foreign scientists were used. As a basic research method, a system analysis of theoretical and empirical data presented in the public domain was used.

Findings and their discussion. Within the framework of the study, the ontological features of subordination and ordination management are considered, the risk economy is characterized as new realities of management, features of network forms of management, which are a generic concept in relation to network mechanisms of innovative development, are determined. This made it possible to establish that the network mechanisms of innovative development are network forms of organization of economic activity based on the widespread use of information technologies, primarily the Internet, for the purpose of innovative development. It was revealed that the network mechanisms of innovative development are based on network mechanisms of economic management, which are characterized by a significant acceleration of management processes, obtaining and exchanging information through the use of the Internet and socially functional technologies (information weapons), enhancing the value of the behavioral economy and at the same time ensuring a higher rate economic growth. Since the network mechanisms of economic management can be used both for production purposes and for the realization of the ego interests of business entities, it is necessary to review and expand the functions of the state as a configurator of social and economic processes in society, as well as to promote the development of such a new form of social life as a social and scientific community.

Conclusion. The network mechanisms of innovative development are identified as essential, regularly repeating, nonrandom relationships and relationships in the network economy in the process of creating, distributing, redistributing and using innovative resources that provide the opportunity for innovative development. Their significance is established in the transition to a new quality of economic growth in the context of the risk economy.

Key words: network mechanisms, innovative development, risk economy, ordination management, subordination management, social and functional technologies

Рост технологической неопределенности и глобальных спекулятивных финансов, быстрое развитие общественно-функциональных технологий манипулирования поведением индивидов (через Интернет и традиционные СМИ) порождают принципиально новые вызовы и угрозы для национальной и экономической безопасности. Глобальная информатизация сделала возможным применение информационного оружия не только в военных целях, но и в интересах отдельных хозяйствующих субъектов, что изменило механизмы экономической и политэкономической конкуренции. Международный опыт последних лет показал, что целенаправленный подрыв экономической безопасности на государственном уровне происходит главным образом через международные санкции, направленные на отдельные предприятия и конкретных предпринимателей. Правомерно говорить о тенденции «атомизации» угроз для экономической безопасности. В этих условиях поступательное развитие экономики, переход к новому качеству экономического роста и обеспечение за счет этого высоких темпов роста реального ВВП возможно только при условии использования наиболее эффективных общественно-функциональных технологий, направленных на нелетальное разрушение хозяйствующего субъекта или противодействие такому разрушению. К общественно-функциональным технологиям относятся сетевые механизмы экономического управления. Основываясь на них, сетевые механизмы инновационного развития становятся эффективным инструментом противодействия финансовым, экономическим, социальным, технико-технологическим, экологическим и иным угрозам.

Несмотря на то, что за последние два десятилетия сетевые модели управления вызывают все больший интерес как у практиков, так и теоретиков, до настоящего времени не разработаны

исходные концепты и теоретико-методологические основы сетевых механизмов инновационного развития. Попытки исследования сетевых форм хозяйствования на основе экономики транзакционных издержек и теории социальных сетей предпринимались такими учеными, как С. Боргатти, В. Бугорский, Р. Вайбер, А. Варзунов, Л. Васюченко, Г. Готтингер, С. Джонс, Ж. Смирнова, Н. Смодинская, И. Стрелец, В. Хестерли, однако не продвинулись дальше описания условий, при которых развитие сетевых структур управления наиболее вероятно. Вместе с тем сегодня удалось теоретически доказать, что в условиях повышенной экономической, политической, технологической, финансовой и экологической неопределенности и резких скачков волатильности на глобальных и локальных рынках сетевые формы хозяйствования позволяют коммерческим организациям получать конкурентные преимущества.

Целью исследования является раскрытие экономической сущности сетевых механизмов инновационного развития как инструмента перехода к новому качеству экономического роста в условиях экономики рисков. Научная идея планируемого исследования заключается в том, что при переходе к преимущественно инновационному развитию сетевые механизмы экономического управления имеют преимущество перед рыночным и иерархическим управлением, поскольку позволяют снизить транзакционные издержки и обеспечить устойчивые конкурентные преимущества страны в инновационной сфере в долгосрочной перспективе.

Материал и методы. Методологическая база исследования представлена теоретическими положениями концепций постиндустриальной экономики, пострыночной экономики, сверхиндустриальной экономики, экономики рисков и сетевой экономики. В качестве базового метода изучения был избран системный анализ теоретических и эмпирических данных, имеющихся

в открытом доступе. Материалом для исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых.

Результаты и их обсуждение. Для того чтобы раскрыть экономическую сущность сетевых механизмов инновационного развития, необходимо определить исходный понятийный аппарат, что позволит очертить теоретические границы работы. Под развитием нами понимается «характеристика качественных изменений объектов, появление новых форм бытия, инноваций и нововведений, сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей» [1, с. 673]. Поскольку экономическая система общества представляет собой сложный многоуровневый материально-общественный комплекс, между субъектами которого устанавливаются трудовые отношения, отношения собственности, потребностные отношения и отношения социально-экономического определения поведения субъектов [2], в рамках такой системы неизбежно возникает дифференциация общества на классы и группы. Развитие экономической системы общества предопределяется складывающимися отношениями социально-экономического определения, посредством которых формируется и осуществляется определенное поведение субъектов с целью обеспечения производства, присвоения и использования материальных благ в интересах господствующих социальных классов и групп, общества в целом, других субъектов. Основой этих отношений служат отношения социально-экономического управления.

Исходя из диспозиции субъектов экономической системы общества, управление может быть субординационным и ординационным. Субординационное управление в экономических системах – это система отношений, базирующаяся на неукоснительном подчинении личной воли управляемого индивида приказам его начальника. Основой этого типа управления выступает социально-экономическая иерархия, а содержанием – обязательное следование установленным нормам и правилам отношений между субъектами, занимающими различное место в социальной и экономической иерархиях. В свою очередь ординационное управление в экономических системах – это система отношений, базирующаяся на совпадении интересов субъектов, находящихся на одном уровне социально-экономической иерархии, выражающаяся в добровольном выполнении тех или иных социально значимых действий, пока сам субъект считает это целесообразным. Оно представляет собой форму самоорганизации индивидов. Содержанием ординационного управления является добровольное следование установленным нормам и правилам отношений между субъекта-

ми, занимающими схожее место в социальной и экономической иерархиях.

Сегодня правомерно говорить о существовании устойчивой тенденции к увеличению значения ординационного управления в экономических системах по сравнению с субординационным и росту разнообразия форм этого управления. Такая тенденция является закономерным следствием изменения промышленного производства в сторону повышения гибкости и специализированности, развития сферы услуг, а также увеличения роли знаний как фактора экономического развития. Вместе с тем ординационные экономические отношения не могут быть устойчивыми без субординационных, а последние не могут быть экономически эффективными в длительной перспективе без участия ординационных отношений. И субординационная, и ординационная форма управления в экономических системах обладает относительными хозяйственными преимуществами в различных зонах социально-экономического пространства, поэтому на практике можно наблюдать большое количество их гибридных форм.

Выбор форм управления в экономической системе общества зависит, в том числе, от экономико-образующих технико-экономических укладов, присутствующих в национальной экономике. По критерию технико-экономических укладов все экономически развитые страны на онтологическом уровне сегодня делятся на сверхиндустриальные (где национальная экономика развивается на основе высокоразвитой промышленности) и постиндустриальные (где национальная экономика развивается на основе финансово-спекулятивных, социальных, традиционных и иных услуг непромышленного характера). В чистом виде (как и любое другое политико-экономическое явление) такие типы не существуют – это научная абстракция. На реально-онтологическом уровне правомерно разграничивать экономики на те, где доминирует сверхиндустриальный уклад, и те, где доминирует постиндустриальный уклад. При таком подходе этиклады рассматриваются как преобладающие в технологически высокоразвитой многоукладной экономике.

К странам со сверхиндустриальной экономикой относятся те, которые на практике реализуют стратегию приоритетного развития национального промышленного комплекса, развивая услуги промышленного характера опережающими темпами. В сверхиндустриальных экономиках сфера услуг сегодня настолько тесно переплетается с промышленным производством, что статистически они не всегда могут быть разграничены. Б. Бинцайслер и М. Кункис указывают на различную степень интегрированности услуг

с материальным носителем, например, услуги могут являться «аддитивными как сервисное обслуживание автомобиля» или же «интегрированной составной частью индивидуального системного решения» [3]. При этом следует подчеркнуть, что «внутренние изменения характера производства, а именно возрастание значения услуг промышленного характера, также приводят к росту сектора услуг, не связанному, однако, с деиндустриализацией экономики. Сегодня рост сферы услуг обеспечивается не столько за счет спроса домашних хозяйств на услуги как конечные потребительские товары, что было характерно для сервисизации экономики, начавшейся в середине XX века, или за счет финансово-спекулятивного сектора, а во многом за счет спроса на услуги промышленного характера, представляющие собой промежуточное потребление промышленного производства» [4, с. 72]. По результатам опроса Института экономических исследований Германии доля предприятий, предлагающих услуги промышленного характера, возросла с 16% в 2011 г. до 25% в 2015 г. [5, S. 28]. Согласно исследованию Bain & Company, на сервисное обслуживание приходится около четверти доходов и около половины прибыли многих европейских производителей промышленной продукции [6]. В Германии доля занятых в услугах промышленного характера в обрабатывающей промышленности составляет около 52% [7].

К странам с постиндустриальной экономикой на реально-онтологическом уровне рассмотрения относятся те, которые на практике реализуют стратегию построения классической постиндустриальной экономики, характеризующейся деиндустриализацией и быстрым развитием финансово-спекулятивных, социальных, традиционных и иных услуг непромышленного характера. К ним относится, например, Великобритания. Такая экономическая политика и в целом трактовка постиндустриальной социальной парадигмы Д. Белла как замены индустриальной экономики сервисной зачастую подвергаются справедливой критике, поскольку доминирование в структуре ВВП сферы услуг не является само по себе фактором экономического роста. Т.В. Сергеев отмечает по этому поводу: «Наиболее перспективным направлением развития экономики с точки зрения устойчивого развития является возрождение промышленности на новых технологических основах, а именно не отказ от индустрии, а переход к неоиндустриальной парадигме, основанной на внедрении в производство высоких технологий, экологичности» [8]. Неустойчивость постиндустриальной экономики подтверждается возникшей в экономически развитых странах тенденцией реиндустриализации, предполагаю-

щей не только увеличение доли промышленности в ВВП, но и установление приоритета развития наукоемких и высокотехнологичных производств, а в сфере услуг – услуг промышленного характера. В зависимости от типа экономики (постиндустриальная или сверхиндустриальная), а также от уровня рассмотрения (микро- или макро-) и характера экономической деятельности относительными преимуществами обладают и субординационные, и ординационные формы управления.

Для системного определения сетевых механизмов инновационного развития также требуется сделать ряд методологических уточнений относительно характера современной экономики, которая стала экономикой рисков. Экономика рисков – это «экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – “черные лебеди”, “эффект сверхуверенности” и т.д.» [9]. Отличительными характеристиками экономики рисков являются: высокотехнологичное и наукоемкое промышленное производство; рост доли услуг в ВВП; ускорение НТП и возрастание неопределенности технико-технологических прогнозов; неограниченный рост глобальных спекулятивных финансов; значительное увеличение роли идеологического фактора при выборе модели хозяйствования; развитие сетевых механизмов хозяйствования; переход экономики к пострыночной стадии развития; возрастание роли общественно-функциональных технологий; значительный рост знакового потребления; переход к латентным формам классовой борьбы.

Экономика рисков перестает быть рыночной в традиционном понимании. Рыночный уклад хозяйствования, долгое время преобладавший в экономически развитых странах, сегодня становится периферийным. На смену рыночным отношениям, основанным на действии закона спроса и предложения, пришли иные товарные и нетоварные формы регулирования распределения и обмена. Меняются методы конкурентной борьбы: «активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв его имиджа, доверия к нему и т.д.)» [9].

В условиях экономики рисков претерпевают трансформацию формы и методы управления в экономической системе общества, в том числе появляются новые гибридные формы ординационно-субординационного управления. Все большее распространение получают сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий. Возрастание роли последних детерминировано как продукционными, так и эгональными причинами. Первые порождаются необходимостью обеспечить максимально эффективное общественное производство по критерию соотношения продукционного результата и затрат хозяйственных ресурсов. Продукционная эффективность может рассматриваться на уровнях: общества в целом, отраслей, регионов, отдельных предприятий. Такие задачи, как переход промышленного производства на клиентоориентированные бизнес-модели, требующие создания гибких производственных процессов и непрерывного контакта производителей и потребителей, в принципе невозможно решить без развития общественно-функциональных технологий – постоянно совершенствующихся форм и способов организации производства, распределения и продажи товаров и услуг. Достичь этого можно только на основе перехода к массовому использованию сетевых механизмов инновационного развития.

Эгональная сторона в использовании общественно-функциональных технологий обуславливается тем, что любые действия индивидов, общественных групп и социальных классов направлены на реализацию своих интересов. Социальные сети, иные способы воздействия через Интернет и традиционные СМИ (например, фейковые новости) все чаще используются манипулятором для реализации своих интересов, соответственно, возрастает потребность в постоянном совершенствовании сетевых механизмов защиты от подобной агрессии. Эгональные интересы коммерческих организаций и предпринимателей побуждают последних в погоне за добавленной стоимостью и прибылью все шире использовать сетевые механизмы инновационного развития. Правоммерно говорить о возрастании роли общественно-функциональных технологий как факторе, обуславливающим необходимость перехода к сетевым механизмам инновационного развития на микро- и макроуровнях.

Сетевые формы организации хозяйственной деятельности характеризуются гибкостью, распространением кооперационных отношений и эффективными механизмами обмена информацией, основанными на активном использовании домохозяйствами, хозяйствующими субъектами

и государством информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет. Благодаря этим свойствам сети способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия между традиционным, новыми и новейшими хозяйственными укладами, что позволяет свободно распространяться инновациям, в том числе преодолевая межсекторальный барьер. Сетевые модели хозяйствования повышают способность экономических систем адаптироваться к чрезвычайно быстро меняющимся экономическим, политическим, технологическим, финансовым и экологическим условиям в современной экономике – экономике рисков.

Раскрыть экономическое содержание понятия «сетевые механизмы инновационного развития» означает содержательно описать сущностные, регулярно повторяющиеся, неслучайные связи и отношения в сетевой экономике в процессе создания, распределения, перераспределения и использования инновационных ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного развития. Сетевые механизмы инновационного развития как экономическая категория – это сетевые формы организации социально-экономической деятельности в экономической, социальной и политической сферах с высоким уровнем информатизации, основанной на активном использовании политико-экономическими и хозяйственными субъектами информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства с целью инновационного развития. Сетевые механизмы инновационного развития встраиваются внутрь традиционно сложившейся социально-экономической системы, сосуществуют с ней и активно влияют на нее в результате значительного ускорения процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что усиливает многоукладность экономики (сопровождаясь увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов) и социально-экономическую дифференциацию общества. Сущностной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития является то, что они, базируясь на сетевых механизмах экономического управления, способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия между традиционным, новыми и новейшими хозяйственными укладами, что значительно снижает транзакционные издержки.

Сетевые механизмы экономического управления представляют собой принципиально новые формы общественно-функциональных технологий, отличающиеся значительным ускорением

процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий. Они приводят к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Сетевые механизмы экономического управления, в основе которых лежат производственные отношения, связанные с получением и использованием информации, усиливают значение поведенческой экономики, обеспечивая при этом более высокие темпы экономического роста по сравнению с традиционными отраслями экономики.

Выступая в качестве особой формы ординационно-субординационных социально-экономических отношений, сетевые механизмы имеют преимущество перед рыночным и иерархическим управлением сферой инновационного развития, поскольку позволяют не только снизить транзакционные издержки при переходе стран к преимущественно инновационному развитию, но и обеспечить устойчивые конкурентные преимущества в данной сфере в долгосрочной перспективе. Конфигурация ординационных и субординационных отношений в сетевых моделях экономического управления детерминирована, в том числе экономико-образующими технико-экономическими укладами. Крупное индустриальное производство, характерное для сверхиндустриального уклада и требующее соблюдения жестких технологических регламентов, значительных финансовых, интеллектуальных и временных затрат на разработку и внедрение прорывных технологий, предполагает преобладание субординационного управления над ординационным на уровне предприятия или корпорации. Именно субординационные формы отношений смогут принести здесь наибольший экономический эффект. В таком случае трудовые отношения здесь объективно должны выстраиваться по иерархическому принципу. Вместе с тем на уровне структурных подразделений, отличающихся творческим характером труда, креативностью в методах и подходах, наиболее экономически эффективными будут ординационные формы управления. Таким образом, на крупных индустриальных предприятиях инновационного типа на основном производстве относительными преимуществами будет обладать субординационное управление, а на вспомогательных (в том числе и в услугах промышленного характера) – и субординационное, и ординационное управление в зависимости от технологической функции, выполняемой ими.

В постиндустриальной (сервисной) экономике относительными преимуществами на уровне предприятия, действующего в инновационной

сфере, будет обладать ординационное управление. При этом следует понимать, что экономика рисков сегодня в значительной мере может искажать ожидаемые положительные эффекты от использования любых форм управления в инновационной сфере, поскольку порождает невероятное количество негативных социально-экономических, политических, финансовых, экологических, манипуляционных и иных угроз и рисков. Также необходимо подчеркнуть, что в современных экономиках западного типа (постиндустриальных и сверхиндустриальных) наряду с действительно применяемыми ординационными способами управления широкое распространение получили симуляции этого управления, направленные на поддержание иллюзии демократического общественного устройства.

Несмотря на то, что необходимость перехода к сетевым механизмам управления инновационными процессами сегодня получает все большее теоретическое признание в мире, их внедрение на практике встречает серьезное сопротивление со стороны части бизнес-сообщества, а также некоторых других социально-профессиональных групп. Причиной этого является невозможность согласовать интересы всех хозяйствующих субъектов при определении направлений, инструментов и целей инновационного развития.

Сетевая экономика, сетевые формы кооперации и сетевые механизмы инновационного развития требуют пересмотра и расширения функций государства как конфигуратора социально-экономических процессов в обществе, в том числе содействия развитию такой новой формы общественной жизнедеятельности, как социально-научное сообщество. Последнее особенно важно, поскольку сетевые механизмы организации социально-экономической деятельности могут использоваться как для повышения экономической эффективности общественного воспроизводства, так и для улучшения условий реализации эгональных политико-экономических интересов общественных групп, социальных классов и государств. Поскольку интересы различных субъектов часто не совпадают, то неизбежно возникают социальные противоречия. В случае широкого применения различных типов информационного оружия обеспечение надежной защиты от агрессора невозможно без государственной идеологии и информационной поддержки.

Защита национальной идеологии и противодействие агрессорам в Интернете как способы противостояния угрозам национальной, социальной и экономической безопасности государства требуют также развития традиционных сетевых механизмов (например, кооперации в сельской

местности и малых населенных пунктах, сети по интересам и т.д.), направленных на формирование и развитие социального капитала на всех уровнях общества. Поскольку именно социальный капитал (возникающий, как известно, в межсубъектных отношениях в результате роста степени взаимного доверия) способствует устойчивости социума. Все это обуславливает возрастание роли идеологического фактора как фактора перехода к сетевым механизмам инновационного развития.

Заключение. Таким образом, сетевые механизмы инновационного развития представляют собой сущностные, регулярно повторяющиеся, неслучайные связи и отношения в сетевой экономике в процессе создания, распределения, перераспределения и использования инновационных ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного развития. Сетевые механизмы инновационного развития как экономическая категория – это сетевые формы организации социально-экономической деятельности, основанной на активном использовании информационных технологий, Интернета и общественно-функциональных инноваций в процессах общественного воспроизводства с целью инновационного развития. Благодаря сетевым механизмам экономического управления значительно ускоряется процесс управления, получения и обмена информацией, что позволяет сетевым механизмам инновационного развития встраиваться внутрь традиционно сложившейся социально-экономической системы, сосуществовать с ней и активно влиять на нее. Сетевые механизмы способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия между традиционным, новыми и новейшими хозяйственными укладами, значительно снижая при этом транзакционные издержки субъектов хозяйствования на всех уровнях. Поскольку сетевые механизмы экономического управления могут быть использованы как в производственных целях, так и для реализации эгональных интересов хо-

зяйствующих субъектов, требуются пересмотр и расширение функции государства как конфигуриатора социально-экономических процессов в обществе, а также содействие развитию такой новой формы общественной жизнедеятельности, как социально-научное сообщество. Результаты исследования могут служить теоретико-методологической основой для выработки рекомендаций по совершенствованию национальной инновационной политики, обеспечивающей переход к новому качеству экономического роста, а также могут представлять интерес для дальнейших теоретических исследований проблематики сетевой экономики и инновационного развития.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Герасимов, Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н.В. Герасимов. – Минск: Наука и техника, 1991. – 349 с.
3. Bienzeisler, B. Dienen und mehr verdienen? Hybride Wertschöpfung im Maschinen- und Anlagenbau: Eine empirische Studie im Rahmen des Forschungsprojektes «Serv. biz». Taschenbuch / B. Bienzeisler, M. Kunkis. – Von Stuttgart Fraunhofer IAO, 2008. – 50 S.
4. Мелешко, Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2017. – Вып. 6. – С. 64–78.
5. Eickelpasch, A. Industrie und industrienähe Dienstleistungen in der Region Frankfurt-Rhein-Main / A. Eickelpasch, R. Behrend und D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 S.
6. Strähle, O. Service now! Time to wake up the sleeping giant / O. Strähle [et al.]. – München: Kastner, Wolnzach, 2012. – 36 p.
7. Eickelpasch, A. Funktionaler Strukturwandel in der Industrie: Bedeutung produktionsnaher Dienste nimmt zu / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2014. – Nr. 33. – S. 759–770.
8. Сергиевич, Т.В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т.В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы». – 2015. – № 6. – С. 50–55.
9. Солодовников, С.Ю. Экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – Вып. 8. – С. 16–55.

Поступила в редакцию 24.09.2019

Оптимизация работы складского хозяйства ОАО «Ника» на основе логистического подхода

Горячева С.М., Грунтова В.И.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала Республики Беларусь 2016–2020 гг. предусматривает решение важных вопросов в области логистики. Большая роль отводится совершенствованию складского хозяйства: предусматривается увеличение общей складской площади логистических центров в 1,64 раза за счет введения в действие складов класса «А» и «В». По оценке экспертов общая площадь крытых складских площадей в Республике Беларусь составляет 812 тыс. кв. м. Прогнозируется, что площадь складов класса «А» увеличится и в 2019 г. достигнет 1 млн кв. м, а к 2020 г. – 1 млн 100 тыс. кв. м. Достижение поставленной цели произойдет благодаря внедрению инноваций, в том числе программных продуктов, и увеличению полезной площади складов.

Цель статьи – проанализировать работу складского хозяйства ОАО «Ника» и разработать мероприятия по его совершенствованию на основе логистического подхода.

Материал и методы. В исследовании использовались статистические и аналитические материалы, находящиеся на тематических интернет-сайтах и в печатных изданиях. Основные методы: сравнения, группировки, SWOT и PEST анализ, метод «затраты–выгоды», оценки экономического эффекта.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается работа складского хозяйства ОАО «Ника», приводится характеристика складов, относящихся к классу С, их полезная площадь и применение автоматизации складских процессов. Выявляются недостатки действующей программы «ИС:Предприятие 8», применяющейся на складе. Проводится сравнение программных продуктов, наиболее часто используемых в складском учете на предприятиях торговли, обосновывается выбор программы «Склад и торговля», рассчитываются затраты на внедрение и определяется экономический эффект. Формируются инвестиционные потоки денежных средств с учетом срока окупаемости вложений. Предлагается внедрение программного продукта и оснащение склада № 2 стеллажным оборудованием, оптимизирующим работу складского хозяйства.

Заключение. Оптимизация работы складского хозяйства зависит от полезной площади складских помещений, возможностей бухгалтерского учета в обеспечении сохранности товаров, безопасности складских работ и сокращении времени в процессе обработки и поиска товара. Достижение этих позиций возможно на основе логистического подхода за счет внедрения программного продукта и установки стеллажного оборудования.

Ключевые слова: складское хозяйство, полезная площадь, оптимизация, стеллажи, программный продукт, затраты, стоимость, прибыль, товарооборот, денежные потоки, рентабельность.

Optimization of the Work of OJSC Nika Warehousing Based on the Logistic Approach

Goryacheva S.M., Gruntova V.I.

Educational Establishment of Belarusian Federation of Trade Unions Vitebsk
Branch «International University «MITSO»»

The Republican Program for the logistic system and the transition potential development of the Republic of Belarus in 2016–2020 provides for the solution of important issues in the field of logistics. A large role and importance is given to improving warehouse facilities, as this provides for an increase in the total warehouse area of logistics centers by 1,64 times due to the introduction of class A and B warehouses. According to experts, the total area of covered warehouse space in the Republic of Belarus is 812 thousand square meters. It is predicted that the area of Class A warehouses will increase and in 2019 will reach 1 million square meters, and by 2020 – 1 million 100 thousand square meters. Achieving this goal will occur through the introduction of innovations, including software products and an increase in the useful area of warehouses.

The purpose of the article is to analyze the work of the storage facilities of Nika OJSC and to develop measures for its improvement based on the logistic approach.

Material and methods. The study used statistical and analytical materials located on thematic websites and in print media. The main research methods are comparison, grouping, SWOT and PEST analysis, cost-benefit method, estimates of economic effect.

Findings and their discussion. The article discusses the work of the warehouse facilities of OJSC Nika, describes the class C warehouses, their usable area and the application of warehouse automation. The shortcomings of the current 1C: Enterprise8 program used in the warehouse are identified. A comparison is made of the software products that are most often used in warehouse accounting at trade enterprises, the choice of the "Warehouse and Trade" program is justified, the costs of implementation are calculated and the economic effect is determined. Investment cash flows are formed taking into account the payback period of investments. It is proposed to introduce a software product and equip warehouse No. 2 with shelving equipment that optimizes the operation of the warehouse.

Conclusion. The optimization of the warehouse operation depends on the useful area of the warehouse, the accounting capabilities to ensure the safety of goods, the safety of warehouse operations and the reduction of time in the process of processing and searching for goods. Achieving these positions is possible on the basis of a logistic approach through the introduction of a software product and the installation of shelving equipment.

Key words: warehousing, usable area, optimization, racks, software, costs, cost, profit, turnover, cash flows, profitability.

Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала Республики Беларусь 2016–2020 гг. предусматривает решение важных вопросов в области логистики. Большая роль отводится совершенствованию складского хозяйства: так, предусматривается увеличение общей складской площади логистических центров в 1,64 раза за счет введения в действие складов класса «А» и «В» [1]. По оценке экспертов общая площадь крытых складских площадей в Республике Беларусь составляет 812 тыс. кв. м. Прогнозируется, что площадь складов класса «А» увеличится и в 2019 году достигнет 1 млн кв. м, а к 2020 – 1 млн 100 тыс. кв. м. Достижение поставленной цели произойдет за счет внедрения инноваций, в том числе программных продуктов и увеличения полезной площади складов [2, с. 7].

Цель статьи – проанализировать работу складского хозяйства ОАО «Ника» и разработать мероприятия по его совершенствованию на основе логистического подхода.

Материал и методы. В исследовании использовались статистические и аналитические материалы, находящиеся на тематических интернет-сайтах и в печатных изданиях. Основные методы: сравнения, группировки, SWOT и PEST анализ, метод анализа «затраты–выгоды», оценки экономического эффекта.

Результаты и их обсуждение. Склад является ключевым звеном между поставщиком и покупателем. Грамотно организованная работа склада помогает в целом эффективно работать предприятию. Как показало исследование, ОАО «Ника» – одно из ведущих предприятий в сфере оптовой и розничной торговли продуктами питания в городе Витебске и Витебской области. Данная сеть представлена 7 магазинами в Витебске и одним в Полоцке, на котором трудится более 500 человек. Перспективами ассортиментной политики ОАО «Ника» является расширение ассортимента товаров за счет появления новых. Проведенный SWOT и PEST анализ позволил выявить сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы предприятия. Анализ показал, что сла-

быми сторонами складского хозяйства являются нехватка складских ресурсов в определенные сезоны, невысокий уровень развития логистики, отсутствие соответствующих программных средств. Нейтрализация слабых сторон возможна при внедрении новых технологий и программно-го обеспечения деятельности склада.

На ОАО «Ника» функционируют два склада, которые не оснащены специальными программными средствами. Как видно из данных таблицы, на одном складе осуществляется стеллажное хранение кондитерских изделий, на втором – напольное хранение бакалейных изделий. Здесь же в морозильных камерах хранится скоропортящаяся продукция. По международной классификации склады ОАО «Ника» относятся к классу С (таблица 1).

Как видно из данных таблицы 1, складская система ОАО «Ника» характеризуется большим размером – 5485 кв. м, но низким коэффициентом полезной площади склада, который составляет 0,13. Как показало исследование, автоматизация складских процессов невысока, в основном вся работа выполняется вручную, что существенно замедляет процесс приема и выдачи товара. Используемая на ОАО «Ника» программа «1С: Предприятие 8» в основном применяется для начисления заработной платы работникам и практически не затрагивает складское хозяйство. Предлагаем внедрить специальную программу, которая поможет организовать и проводить полноценный управленческий учет складской деятельности.

Обзор литературных источников по проблеме показал, что существует ряд программ для ведения складского учета, таких как «Складской учет товаров», «Склад+», «Склад и торговля», «Vvs Офис-склад» и другие [2–4]. Проведем сравнение программ по показателям, которые представим в таблице 2.

Данные таблицы 2 показывают, что программы имеют много общего: у них одинаково отслеживаются приход и расход товаров, проводятся работа с терминалами сбора данных, учет расчетов с поставщиками, поиск товара по коду или наименованию. Но есть и различия по стоимости, взаимодействию с другими программами, работе

с отчетами и прайс-листами. Для предприятий торговли важным критерием выбора программ является отслеживание сроков годности товаров, так как в структуре ассортимента их удельный вес занимает до 95%. При росте количества товарных позиций существенное значение приобретает отслеживание остатков товаров на складе. У ОАО «Ника» количество закупаемой и хранящейся продукции составляет свыше 5000 наименований, а оборачиваемость товара происходит через каждые 14 дней. Этот функционал выполняет программа «Склад и торговля», которая устраивает нас еще с точки зрения стоимости и внедрения. Она прошла апробацию и успешно используется на предприятиях торговли Республики Беларусь, так как программа проста, надежна и гибка для автоматизации складского учета и оптово-розничной торговли. Применяется как на складах, так и в розничных магазинах, может работать с различным торговым оборудованием: со сканерами штрих-кодов, со считывателями магнитных карт и т.п. Программа позволяет вести учет основных товарных операций (приход, расход, возврат); расход товаров, внутренние перемещения, списание товаров, отслеживание остатков на складах, поддержку нескольких складов, работу с прайс-листами. Кроме этого, она осуществляет отслеживание оплат, начисление и учет заработной платы сотрудникам, движение товаров внутри склада, учет клиентской активности и формирование заказов поставщикам на его основе, синхронизацию любых данных, обрабатываемых программой. На основании анализа данных таблицы выбираем программу «Склад и торговля».

Стоимость программы зависит от ее редакции. Существует «Базовая» на одно рабочее место стоимостью 180 рублей, «Стандарт» на 3 рабочих места стоимостью 400 рублей, «Бизнес» – на 5 рабочих мест за 590 рублей. Программы «Про», «Корп» и «Вип» рассчитаны на 10–20 рабочих мест или без их ограничений, соответственно, стоимость варьируется от 87 до 1790 рублей. Исходя из товарооборота ОАО «Ника», количества работников склада и имеющейся электронно-вычислительной техники, предлагаем воспользоваться программой «Склад и торговля» на 5 рабочих мест стоимостью 590 рублей. Определим капитальные расходы на внедрение. Расходы на адаптацию программы к условиям ОАО «Ника» составят 0,195 тыс. руб., а общая сумма единовременных затрат на внедрение автоматизированной системы управления (АСУ) будет равна 0,785 тыс. руб. Рассчитаем денежные потоки инвестиционного проекта «Склад и торговля», данные сведем в таблицу 3.

Из данных таблицы 3 видно, что поступление дохода по годам происходит равномерно и по истечении 3,4 года ($0,785 : 0,23$) затраты окупаются, значит, внедрение мероприятия целесообразно. По опыту работы предприятий, внедрение программных продуктов на складах розничной торговли Республики Беларусь экономит от 10 до 50% времени работников склада, численность работников снижается [5]. По действующей методике [6] определим экономический эффект от внедрения программного продукта, данные представим в таблице 4.

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что внедрение программы «Склад и торговля» экономически выгодно: численность работников склада ОАО «Ника» сокращается на 2 человека, экономия фонда заработной платы составляет 7,7 тыс. рублей. Выручка от реализованной продукции увеличится на 105%, себестоимость снизится на 0,02%, существенно увеличивается прибыль, а прирост рентабельности будет равен 5,99 п.п.

Исследование также выявило недостатки на складе № 2: 1) неэффективное использование площадей; 2) большие затраты времени поиска товара; 3) ошибки при ведении учета продукции; 4) убытки, связанные с неправильным хранением товара. Повысить коэффициент использования второго склада можно, заменив напольный тип хранения товара на стеллажный. Он дает следующие преимущества: увеличение полезной площади складских помещений; обеспечение сохранности товара; безопасность складских работ; сокращение времени обработки и поиска товара.

На основании применения действующих методик Б.А. Аникина [7], В.В. Волгина [5] и В.В. Дыбской [8] рассчитаем требуемое количество закупаемых стеллажей – получим 53 единицы. Затраты на их приобретение будут равны 1,8 тыс. руб., а с учетом стоимости на монтаж и установку составят 2,3 тыс. руб. Количество погрузочно-разгрузочного оборудования на складе не изменится и составит 3 ед., коэффициент полезной площади склада увеличится с 0,13 до 0,35, что соответствует его нормативному значению. По методике Г.В. Савицкой в бизнесе при принятии решений о долгосрочных инвестициях анализируется их эффективность. Основная цель – установить, оправдают ли будущие выгоды сегодняшние затраты. Метод чистого приведенного эффекта (NPV) показывает чистые доходы или чистые убытки инвестора от помещения денег в проект. Если данный показатель больше нуля – проект принесет больший доход, если меньше, тогда доходность ниже рыночной и деньги лучше хранить в банке [6, с. 265]. Рассчитанные показатели по проведенной методике представлены в таблице 5.

Таблица 1 – Складское хозяйство ОАО «Ника»

№ Склада	Класс	Тип хранения	Оборудование	Площадь	Содержимое
1	С	Напольное, стеллажное	Стеллажи набивные	2653 м ²	Сахар, кондитерские изделия
2	С	Напольное	Морозильные камеры	2653 м ²	Бакалейная продукция

Источник: собственная разработка на основе данных предприятия.

Таблица 2 – Характеристика программ складского учета

Показатель сравнения	Склад и торговля	«Склад+»	Складской учет товаров	Vvs Офис-склад-магазин
Стоимость для одного компьютера, руб.	От 180 до 1790	От 25 до 50	От 150 до 600	От 80 до 340
Период внедрения	Неограниченный	Месяц	Месяц	Месяц
Количество рабочих мест, оснащенных программой	Зависит от выбора лицензии	Зависит от выбора лицензии	Неограниченное	Зависит от выбора лицензии
Отслеживание прихода и расхода товаров	+	+	+	+
Контроль сроков годности товаров	+	–	–	–
Печать ценников	+	+	+	+
Работа с терминалами сбора данных	+	+	+	+
Ведение учета расчетов с поставщиками	+	+	+	+
Поиск товара по его коду или наименованию	+	+	+	+
Отслеживание остатков товаров на складе	+	–	+	–
Взаимодействие с другими программами	+	+	–	+
Работа с отчетами и прайс-листами	+	–	+	+

Источник: собственная разработка на основании данных [3; 4].

Таблица 3 – Денежные потоки инвестиционного проекта

Сумма вложений, тыс. руб.	Доход по годам, тыс. руб.				Итого, тыс. руб.
0,785	1	2	3	4	
	0,23	0,23	0,23	0,23	0,92

Источник: собственная разработка на основании данных предприятия.

Таблица 4 – Изменение технико-экономических показателей после внедрения программного обеспечения «Склад и торговля»

Показатель	До внедрения	После внедрения	Абсолютное отклонение	Темп роста, %
Себестоимость реализованной продукции, тыс. руб.	53854	53846,3	–7,7	99,98
Среднегодовая заработная плата двух работников склада, руб.	7,7	–	–7,7	–

Количество работников склада, чел.	37	35	-2	94,60
Рентабельность, %	19,53	25,52	5,99 п.п.	–
Прибыль, тыс. руб.	10516	13742,2	3226,2	130,67
Выручка от реализованной продукции, тыс. руб.	64370	67588,5	3218,5	105,00

Источник: собственная разработка на основании данных предприятия.

Таблица 5 – Основные показатели эффективности вложений в реализацию проекта внедрения стеллажного оборудования

Год	Ставка дисконтирования, %	Коэффициент дисконтирования	Денежные поступления, тыс. руб.	Текущая стоимость будущих доходов, тыс. руб.
0	20	1	-2,301	-2,301
1	20	0,83	2,100	1,743
2	20	0,69	1,900	1,311
3	20	0,58	1,700	0,986
4	20	0,48	1,500	0,72
5	20	0,40	1,300	0,52

Источник: собственная разработка на основании данных предприятия.

Как видно из данных таблицы 5, доходность проекта выше нуля, следовательно, в данный проект стоит вкладывать деньги. С учетом ставки дисконтирования 20% текущая стоимость доходов будет меняться не равномерно: от убытка в период приобретения (2,301 тыс. руб.) до максимально полученной прибыли в первый год эксплуатации стеллажей (2,100 тыс. руб.) и затем ее снижения к 5-му году эксплуатации до 0,52 тыс. руб. Срок окупаемости составит 2 года, высвободится складская площадь в количестве 920 кв. м и снизятся логистические издержки на обслуживание складского помещения на 6,44 тыс. руб. Внедрение стеллажей позволит увеличить коэффициент использования складской площади в 2,7 раза.

Заключение. Таким образом, предлагаемые мероприятия будут способствовать оптимизации работы складских помещений и улучшению работы с поставщиками. Внедрение программного продукта «Склад и торговля» ОАО «Ника» упростит ведение учета на складах, ускорит выполнение операций процесса приема и выдачи товара,

сократит сроки их хранения и перемещения. Все это повысит эффективность работы не только складского хозяйства, но и ОАО «Ника» в целом.

Литература

1. Программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Ассоциация международных экспедиторов и логистики «БАМЭ». – Режим доступа: <http://www.baifby.com/page/60>. – Дата доступа: 25.06.2019.
2. Транспорт и логистика, 2018: справочник / сост.: Е.А. Ильина [и др.]; под ред. Н.В. Горбеля. – Минск: Центр «БАМЭ-Экспедитор», 2018. – 88 с.
3. Лицензионное программное обеспечение для дома и бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://allsoft.by>. – Дата доступа: 06.05.2019.
4. Программа «Склад и торговля» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxtarget.by/crm-sistemy/programma-sklad-i-torgovlya>. – Дата доступа: 25.06.2019.
5. Волгин, В.В. Логистика хранения товаров: практ. пособие / В.В. Волгин. – М.: Дашков и К, 2014. – 367 с.
6. Анализ хозяйственной деятельности: учебник / Г.В. Савицкая. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: РИГТО, 2012. – 367 с.
7. Аникин, Б.А. Коммерческая логистика: учебник / Б.А. Аникин, А.П. Тяпухин. – М.: Проспект, 2015. – 432 с.
8. Дыбская, В.В. Логистика складирования: учебник: по специальности 080506 «Логистика и управление цепями поставок» / В.В. Дыбская. – М.: Инфра-М, 2012. – 557 с.

Поступила в редакцию 23.07.2019

Маркетинговое исследование конъюнктуры рынка пеллет Республики Беларусь: состояние и перспективы развития

Квасникова В.В., Герасимова О.О.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Статья посвящена исследованию конъюнктуры внутреннего рынка такого современного и экологичного биотоплива, как древесные пеллеты.

Цель научной работы – определить показатели, характеризующие состояние внутреннего рынка древесных пеллет, и на этой основе сформировать прогноз его дальнейшего развития.

Материал и методы. Материалом для изучения явились статистические данные, нормативные правовые акты, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов, результаты опроса потребителей древесных пеллет. Исследование базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах: кабинетных исследованиях, методах экспертной оценки, глубинном интервью.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что в Республике Беларусь производство древесных пеллет является экспортоориентированным, так как внутреннее потребление в 13 раз меньше годового выпуска этого вида продукции. География экспорта пеллет ежегодно расширяется, но основными зарубежными покупателями являются Латвия и Литва. Более 75% годового выпуска приходится на семь организаций, но в ближайшей перспективе (2020–2021 гг.) количество производителей древесных пеллет должно значительно увеличиться. Возникновение новых производителей древесных пеллет и увеличение производственных мощностей у существующих производителей в перспективе вызовет обострение конкуренции на рынке. У производителей, не имеющих собственной сырьевой базы, существует риск возникновения дефицита сырья. Для решения данной проблемы предлагается использовать стратегию обратной вертикальной интеграции.

Заключение. Исследование показало, что производство древесных пеллет в Республике Беларусь является перспективным видом деятельности. С одной стороны, это обусловлено ростом спроса на данный вид продукции со стороны стран ЕС. С другой стороны, обязательства Республики Беларусь в рамках достижения целей устойчивого развития будут способствовать росту спроса на древесные пеллеты внутри страны и увеличению емкости внутреннего рынка.

Рост спроса приведет к возникновению новых производителей древесных пеллет и увеличению производственных мощностей у существующих производителей, что в перспективе вызовет обострение конкуренции на данном рынке. При этом для производителей, не имеющих сырьевой базы, существует риск возникновения дефицита сырья, так как на базе лесхозов (основных поставщиков сырья) планируется создание пеллетных производств.

Ключевые слова: глубинное интервью, кабинетные исследования, качество, конъюнктура рынка, пеллеты, древесное топливо.

The Market Study of the Pellet Market Conditions in the Republic of Belarus: the State and Development Prospects

Kvasnikova V.V., Gerasimova O.O.

Educational Establishment "Vitebsk State Technological University"

The article centers round the study of the inner market conditions of such contemporary and ecological biofuel as wood pellets.

The research purpose is to identify parameters which characterize the state of the inner wood pellet market and based on this to shape a forecast of its further development.

Material and methods. The research material was statistic data, regulatory legal acts, e-resources, specialist publications, wood pellet consumer questionnaire results. The study is based on a system analysis and a complex approach, special and general scientific methods: in-office researches, expert assessment methods, a deep interview.

Findings and their discussion. According to the analysis wood pellet manufacture in the Republic of Belarus is aimed at export since the inner consumption is 13 times less than the annual manufacture. The export geography of pellets expands every year but the main foreign buyers are Latvia and Lithuania. Seven

companies produce more than 75% of the total annual manufacture but in the near future (2020–2021) the number of wood pellet producers is to considerably increase. The emergence of new wood pellet producers and the expansion of the existing manufacture premises will cause competition in the market in the future. The producers who don't have their own raw material base risk facing raw material deficit. To solve the problem we offer to apply the strategy of the reverse vertical integration.

Conclusion. The study indicates that wood pellet manufacture in the Republic of Belarus is a promising activity. On the one hand it is conditioned by the demand growth on the part of EU countries. On the other hand the Republic of Belarus obligations within reaching the aims of sustainable development will promote wood pellet demand growth and the expansion of the inner market.

The demand growth will lead to the emergence of new wood pellet manufacturers as well as to the increase of production premises of the existing manufacturers, which will result in competition sharpening in the market. Producers, who don't have their raw material base risk having raw material deficit since main raw material suppliers (forest economy companies) are planning to create pellet manufactures.

Key words: deep interview, in-office research, quality, market conditions, pellets, wood fuel.

В настоящее время пеллеты – это наиболее прогрессивный вид твердого топлива, основными преимуществами которого являются: высокая теплоотдача, низкая зольность, относительно низкая стоимость, отсутствие специальных условий хранения, безопасность и экологичность. Пеллеты (топливные гранулы) – это вид биотоплива в форме цилиндрических гранул, получаемого из отходов древесины, отходов сельского хозяйства или торфа. Пеллеты можно считать относительно новым видом топлива. Впервые спрессованные отходы древесины начали использоваться в Северной Америке в 70-х годах прошлого века, а пилотные продажи пеллет на потребительском рынке были осуществлены в 1983 году. В Европе производство пеллет началось несколько позже. Первые производства появились в Швеции в конце 80-х годов. Позже в производство пеллет были вовлечены и другие страны Европы, в том числе и Республика Беларусь, хотя для нашей страны данный вид продукции является относительно новым.

Цель статьи – определить показатели, характеризующие состояние внутреннего рынка древесных пеллет, и на этой основе сформировать прогноз его дальнейшего развития.

Материал и методы. Материалом для исследования состояния и перспектив развития рынка древесных пеллет послужили статистические данные, нормативные правовые акты, электронные информационные ресурсы, публикации специалистов, результаты опроса потребителей древесных пеллет по специально разработанному гайду. Методологическую основу изучения составили комплексный анализ и системный подход, специальные и общенаучные методы, такие как кабинетные исследования, методы экспертной оценки, глубинное интервью. Особая роль в исследовании конъюнктуры рынка пеллет принадлежит глубинному интервью, базирующемуся на опросе оптовых потребителей. Использование этого метода позволило более глубоко изучить не только тенденции и процессы на рынке древесных пеллет, но и модели поведения различных оптовых покупателей, их требования к продукции,

сильные и слабые стороны производителей, представленных на внутреннем рынке.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с «СТБ 2027–2010. Гранулы древесные топливные. Общие технические условия» пеллеты по типу сырья, которое используется для их производства, подразделяются на древесные пеллеты, агропеллеты, торфяные пеллеты, пеллеты из куриного помета.

Проведенные кабинетные исследования показали, что на рынке Республики Беларусь в основном представлены производители древесных пеллет, которые для производства продукции осуществляют переработку опилок, щепы, горбыля, низкотоварной древесины, балансов, концевиков, обрезки.

Особое внимание к данному виду биотоплива обусловлено тем, что его использование соответствует целям устойчивого развития (ЦУР). Согласно приоритетным направлениям глобального развития общества необходимо обеспечить переход к рациональным моделям потребления и производства, в том числе за счет уменьшения количества отходов и их переработки, а также принять срочные меры по борьбе с изменением климата и его последствиями, включающие сокращение выбросов парниковых газов. Европейский союз в рамках «Пакета действий по борьбе с изменением климата и использованием возобновляемой энергии» определил цели в форме инициативы «20–20–20 до 2020», в соответствии с которой страны-члены берут на себя обязательство до 2020 года сократить выбросы CO₂ на 20%, внедрить 20% производства энергии из возобновляемых источников и достичь 20% улучшения энергоэффективности.

Топливные пеллеты, как уже отмечалось, являются продуктом переработки древесных отходов, кроме того, при их сгорании практически не выделяются углекислый газ и диоксид серы. Сравнительный анализ характеристик различных видов топлива представлен в таблице 1.

Как видно из данных таблицы 1, древесные пеллеты по большинству характеристик имеют лучшие значения по сравнению с другими видами топлива.

В зависимости от значений качественных показателей пеллеты подразделяются на классы.

Класс А1. Пеллеты первого класса А1 имеют максимально допустимую зольность 0,5% (хвойные породы) и 0,7% (лиственные породы). Разрешены для использования лишь в частных домохозяйствах. **Класс А2.** Пеллеты второго класса А2 производятся из смешанных пород древесины и могут иметь зольность до 1%. Основными потребителями таких пеллет являются страны юга Европы, использующие их в котельных широкого профиля. **Класс В.** Пеллеты третьего класса, получившего маркировку В, могут иметь зольность до 3% и предназначены для использования исключительно на крупных промышленных объектах.

В Республике Беларусь производятся все классы древесных пеллет, однако пеллеты классов А1 и А2 экспортируются, а на внутреннем рынке в основном представлены пеллеты класса В.

Анализ показал, что годовой объем производства пеллет в стране за 2017 год составил около 220 т. При данном объеме производства емкость внутреннего рынка составляет всего лишь 16,5 тыс. т, или 7,5% от годового выпуска продукции. Таким образом, производство пеллет является экспортоориентированным видом деятельности для Республики Беларусь. В 2017 году, при росте объемов производства пеллет на 48,65%, объем экспорта продукции вырос на 50,2%.

Отечественные производители отгружают свою продукцию более чем в 20 стран мира. Структура экспорта пеллет за 2016–2017 годы представлена на рисунках 1 и 2.

Данные рисунка 1 свидетельствуют, что ведущими рынками сбыта в 2016 году для отечественных производителей являлись Латвия, Литва и Польша. Суммарно на эти страны приходилось почти 78% от общего объема пеллет, отгружаемых на экспорт. В 2017 году основными потребителями белорусских пеллет также продолжают оставаться Латвия и Литва (рисунок 2). В то же время доля продукции, экспортируемой в Латвию, в общем объеме экспорта выросла на 9,62 п.п. и составила 42,9%, тогда как доля Литвы сократилась на 8,87 п.п. и составила 22,29%. В 2017 году для белорусских производителей пеллет значительно возросла значимость рынков Италии и Швеции, доли экспорта в эти страны составили 8,76% и 8,38% соответственно. Цена за одну тонну пеллет в настоящее время колеблется от 100 до 120 евро. По данным Белстата [1], средняя цена экспорта 1 т древесных пеллет в 2017 г. сложилась на уровне 111 долл. США, что выше уровня 2016 г. на 5,7%.

Анализ структуры производства древесных пеллет по областям Республики Беларусь пока-

зал, что несомненным лидером является Минская область (40,91%), причем следует отметить, что такая ситуация имеет место на протяжении 2010–2017 гг. Среди других областей существенный вклад в производство древесных пеллет вносят Витебская и Могилевская области, на их долю приходится 15% и 11,36% соответственно (рисунок 3).

В связи с повышением заинтересованности зарубежных партнеров в деревянных пеллетах отечественного производства количество производителей этого вида биотоплива ежегодно увеличивается. На основе анализа рынка были выявлены ведущие производители древесных пеллет и брикетов в Республике Беларусь (таблица 2).

В 2017 году в тройку лидеров по производству древесных пеллет вошли следующие организации: деревообрабатывающая компания «Свудс Экспорт» (60 тыс. т), ОАО «Борисовский ДОК» (30 тыс. т) и РПУП «Завод газетной бумаги» (25 тыс. т). Таким образом, рынок древесных пеллет в Республике Беларусь является высококонцентрированным и разделен между 7 крупными организациями, на долю которых приходится 75% от общего объема их производства.

Значительный вклад в производство пеллет вносит ГЛХУ «Лесхоз Бегомльский». Следует отметить, что небольшие производства древесных пеллет в настоящее время функционируют в таких лесхозах, как Толочинский, Богушевский, Житковичский и Столбцовский. Однако в перспективе количество производителей древесных пеллет в стране должно увеличиться. В соответствии с государственной программой «Белорусский лес» на 2016–2020 гг. в эксплуатацию планируется ввести по одному пеллетному заводу в каждой области: в Борисовском опытном лесхозе (2020 год), Ганцевичском лесхозе (2021 год), Новогрудском лесхозе (2021 год), Оршанском лесхозе (2022 год) и Лельчицком лесхозе (2022 год).

Исследование конъюнктуры рынка древесных пеллет Республики Беларусь также было проведено с использованием метода глубинного интервью посредством специально разработанного гайда для опроса оптовых потребителей, включающего 3 части:

Часть 1. Состояние и тенденции рынка топлива. Характеристика рынка пеллет.

Часть 2. Модель выбора пеллет.

Часть 3. Основные продавцы пеллет на рынке Республики Беларусь.

В процессе исследования были опрошены специалисты двух производственных организаций и предприятия ЖКХ. Результаты опроса потребителей представлены в таблице 3.

Таблица 1 – Сравнительный анализ характеристик различных видов топлива

Вид топлива (энергоресурс)	Влажность, %	Зольность, %	Низшая теплотворная способность, МДж/кг	Средний объемный вес, кг/м ³	Расход топлива для производства 1 Гкал тепла при $\eta^* = 85\%$, кг
Дрова	40–30	1–3	10,2–12,2	450	482–404
Торф фрезерный	50	10–20	11,5	400	442
Пеллеты древесные	8	1	19	600	261
Бурый уголь (Александрия)	50	9–12	7,67–9,2	760	643–535
Донецкий антрацит	6	10–35	27,40	1000	180
Газ природный (расчет на Нм ³ при $\eta = 90\%$)	–	–	34,6	0,712	134,4
Электроэнергия (расчет на кВт•ч при $\eta = 93\%$)	–	–	–	–	1250,3

Источник: [2].

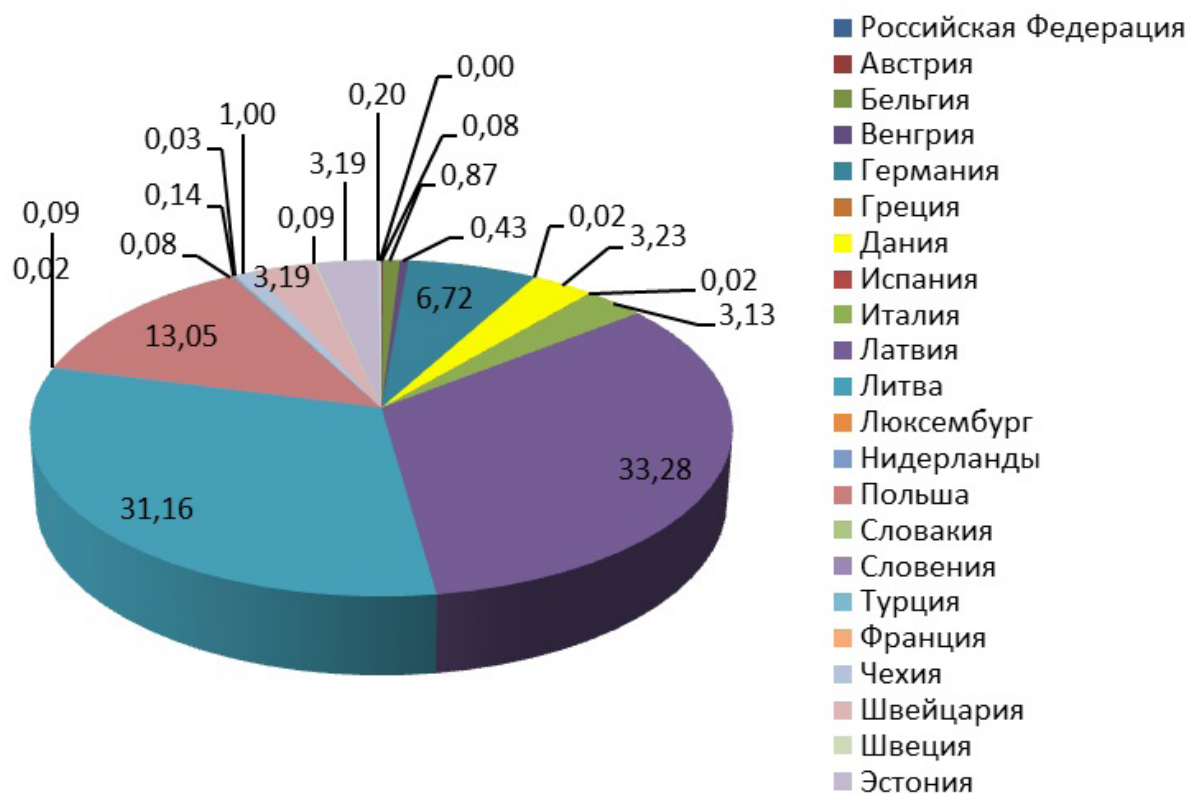

Рисунок 1 – Структура экспорта пеллет в 2016 г.

Источник: [3].

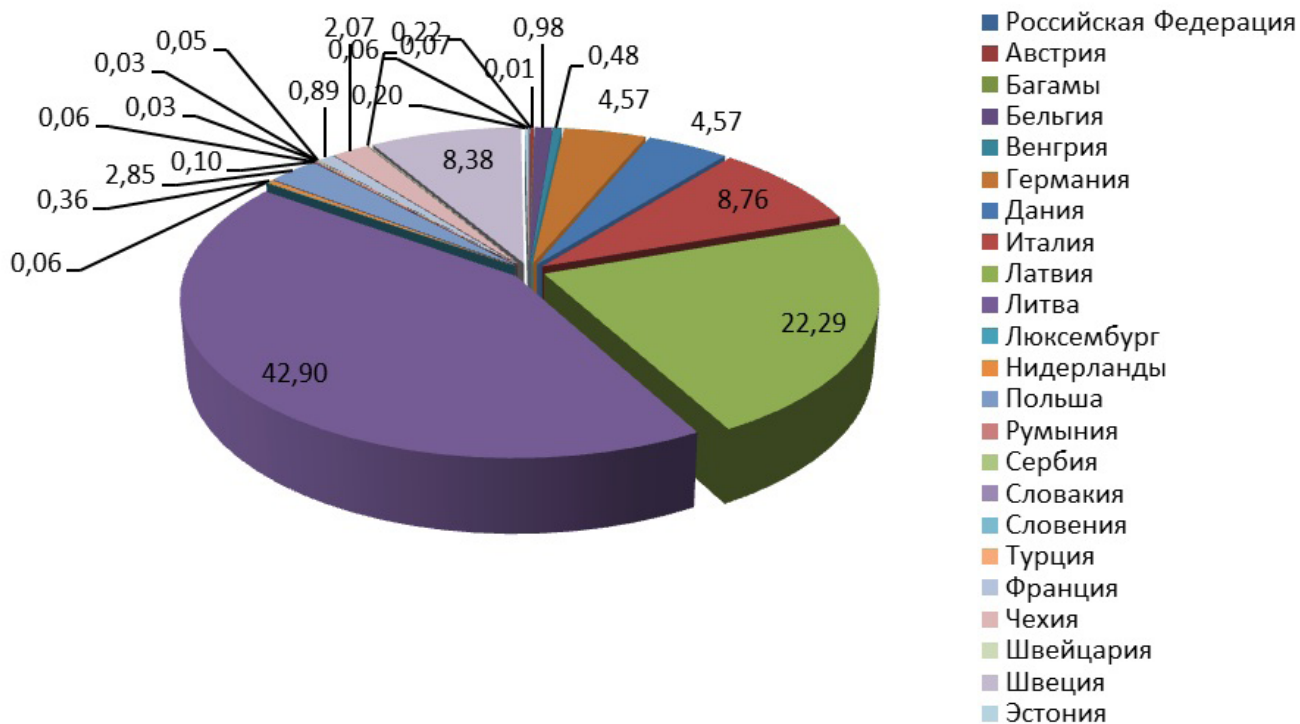

Рисунок 2 – Структура экспорта пеллет в 2017 г.

Источник: [3].

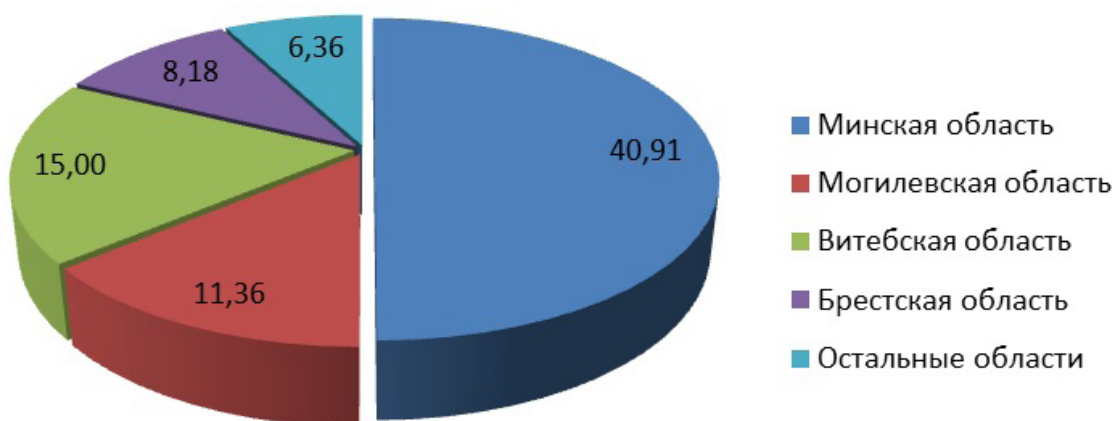

Рисунок 3 – Структура производства древесных пеллет по областям Республики Беларусь за 2017 г.

Источник: [1].

Таблица 2 – Наиболее крупные производители древесных пеллет в Республике Беларусь

Наименование организации	Адрес, контактная информация	Объем производства, тыс. тонн	Краткая характеристика продукции
ИООО «Свудс экспорт»	222518, Республика Беларусь, Минская обл., г. Борисов, ул. Демина 11А, ком. 4	60	Древесные пеллеты: диаметр 6–8 мм, длина 30–40 мм, влажность 8–10%, зольность 0,5–0,7%, выделение тепловой энергии МДж/кг – 18–19
ОАО «Борисовский ДОК»	222120, Республика Беларусь, Минская обл., г. Борисов, ул. Заводская 45	30	Гранулы древесные (пеллеты): цвет темный, диаметр 8 мм и 6 мм, длина 20–40 мм, влажность 6,4%, зольность 0,3%, выделение тепловой энергии МДж/кг – 17,83
РПУП «Завод газетной бумаги»	213002, Республика Беларусь, Могилевская обл., г. Шклов, ул. 1-я Заводская 9	25	Древесные пеллеты: диаметр 6 мм, длина 30–40 мм, влажность 8–10%, зольность 0,5–0,7%, выделение тепловой энергии МДж/кг – 18–19
ГЛХУ «Лесхоз Бегомльский»	211730, Республика Беларусь, Витебская обл., Докшицкий р-н, г.п. Бегомль, ул. Юхновца 21	19	Гранулы древесные (пеллеты): цвет темный, диаметр 8 мм и 6 мм, длина 10–40 мм, влажность 9–11%, зольность 0,7–0,76%, плотность гранулы 1,0–1,4 кг/дм ³ , выделение тепловой энергии МДж/кг – 17,51–17,69
ООО «ГранулаЭкологджи»	225055, Республика Беларусь, Брестская обл., Каменецкий р-н, Речицкий с/с, 13/4, в 0,1 км южнее д. Дымники	18	Древесные пеллеты: диаметр 6–8 мм, длина 30 мм, влажность 7–10%, зольность 0,5%, выделение тепловой энергии МДж/кг – 19
ИПСУП «Бризант Энерджи-центр»	211208, Республика Беларусь, Витебская обл., Лиозненский р-н, д. Зубки, ул. Заречная 11А	13	Древесные пеллеты: диаметр – 6 мм, длина – 30 мм, влажность 10–12%, зольность 0,45%, выделение тепловой энергии МДж/кг – 18–19,5

Источник: собственная разработка на основе [4–10].

Таблица 3 – Результаты глубинного интервью потребителей древесных пеллет

Характеристика	Ответы		
	Потребитель № 1	Потребитель № 2	Потребитель № 3
1	2	3	4
Потребитель	Коммерческий директор предприятия ЖКХ, опыт работы на рынке топлива составляет 20 лет	Главный инженер производственного предприятия. Стаж работы в сфере закупки топлива 8 лет, в том числе пеллет 2 года	Коммерческий директор производственного предприятия. Стаж работы в отрасли 15 лет
Область применения продукции	Топливо	Топливо	Топливо
Часть 1. Состояние и тенденции рынка топлива. Характеристика рынка пеллет	В настоящее время рынок топлива характеризуется значительным ростом цен, несмотря на периодическое падение мировых цен на нефть и газ. Кроме того, в последние годы расширяется применение источников тепла, в том числе произведенного из древесных отходов. В силу характеристик древесного топлива наиболее приемлемым вариантом становятся пеллеты. По мнению респондента, наиболее важными характеристиками этого вида топлива являются: цена, теплотворность (калорийность) топлива, диаметр гранул (не менее 8 мм). Для предприятий ЖКХ важно использовать местное топливо, что обеспечивает реализацию программы по импортозамещению. Предпочтения отдаются, прежде всего, более дешевым пеллетам отечественного производства (зарубежные производители отсутствуют на рынке Республики Беларусь). В связи с ограниченностью предложения пеллет на рынке Республики Беларусь предпочтения отдаются тому продавцу (производителю), который может выполнить заказ в полном объеме.	Рынок топлива характеризуется высоким ростом цен, особенно на мазут. Этим был обусловлен переход предприятия в 2016 году на древесное топливо – пеллеты. Требование к пеллетам: диаметр гранул не менее 8 мм, минимальная зольность, минимальное содержание серы, высокая теплотворность. Цена не является определяющим фактором при выборе пеллет. В первую очередь во внимание принимается качество продукции	Рынок пеллет – динамично развивающийся рынок с потенциально большой емкостью. Особенно высокий спрос на пеллеты наблюдается на рынке стран ЕС благодаря программам развития использования экологического топлива. Для покупателей на рынке стран ЕС самыми важными характеристиками являются зольность (не более 0,7%), диаметр гранул (8–12 мм) и содержание серы (не более 0,05 мг/кг). Предпочтение на этом рынке отдается продукции с более высокой ценой, которая напрямую отражает ее уровень качества. Наиболее емким является рынок Германии, продукция востребована также в Чехии, Польше, Латвии, Литве, Швеции

	Несмотря на то, что количество производителей на рынке ежегодно увеличивается, в Республике Беларусь, в том числе в Минской и Витебской областях, большинство предприятий-производителей изготавливают гранулы размером 6 мм, которые спросом не пользуются. При этом конкуренция среди покупателей пеллет с диаметром гранул 8 мм обостряется		
Часть 2. Модель выбора пеллет	В соответствии с законодательством Республики Беларусь государственные организации, в том числе сферы ЖКХ, осуществляют закупки путем проведения тендера. Процесс закупки включает следующие этапы: 1. Определяется объем закупок и регулярность поставки, как правило, один раз в неделю. 2. Разработка тендерной документации и объявление тендера. 3. Сбор тендерных предложений (как правило, тендер проходит с двумя участниками, при этом в 80% случаев торги признаются не состоявшимися из-за отсутствия второго участника). Важным условием заключения договора является доставка топлива силами и средствами продавца, так как у предприятия нет собственного транспорта	Выбор производителя на основе изучения информации о производителях и продавцах пеллет в сети Интернет и едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Процесс поиска, согласования и выбора включает следующие этапы: 1. Отправление запроса продавцу (производителю) пеллет с указанием количества и качества пеллет, сроков и регулярности поставок. 2. Получение ответа поставщика. В случае соответствия требованиям выставления акцепта или контроферты с предложением своих условий. 3. Заключение договора с поставщиками. Условия договора: частичная предоплата (10–20% от общей суммы договора), с последующей оплатой каждой партии по факту поставки.	Компании-покупатели из стран ЕС заключают договоры на поставку пробных партий пеллет со всеми организациями, которые представлены на рынке. Каждая пробная поставка продукции проходит лабораторные исследования на предмет ее соответствия заявленным характеристикам за счет средств продавца. Лабораторная проверка качества продукции производится при поставке каждой партии. Потребность у покупателей возникает круглогодично, независимо от сезона. Покупатели обращаются ко всем продавцам, так как пока рынок является ненасыщенным и продавцы диктуют свои условия. В настоящее время у производителей пеллет возникает дефицит качественного сырья, так как многие производители сырья проводят стратегию вертикальной интеграции путем приобретения линий по производству пеллет.

		Обязательным условием договора является доставка продукции поставщиком к месту потребления пеллет. Процесс выбора поставщика длится 5–10 дней. Чаще всего предприятие обращается к проверенным поставщикам, если они не могут полностью удовлетворить потребность в топливе, то ищут новых поставщиков	Основным источником информации о производителях пеллет являются интернет-сайты и отзывы существующих покупателей. Условия сотрудничества: – 100% или частичная предоплата; – по дилерскому договору по мере реализации товара либо по факту поставки
Часть 3. Основные продавцы пеллет на рынке Республики Беларусь	Без подсказки респондент назвал таких поставщиков, как ОДО «ПК Квант», ЧТУП «Дверная страна». С подсказкой названы: ИПСУП «Бризант Энерджи-центр», ЧТУП «Дверная страна». ОДО «ПК Квант» имеет преимущества: – низкая цена продукции; недостатки: – низкое качество пеллет (высокая зольность); – высокая стоимость доставки груза, так как производитель такой услуги не предоставляет. ОДО ЧТУП «Дверная страна» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – цена формируется с учетом затрат на доставку; недостатки: – невозможность закупки пеллет во время отопительного сезона. ИПСУП «Бризант Энерджи-центр» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – осуществляет доставку продукции; недостатки: – не осуществляет продажу продукции на внутреннем рынке.	Без подсказки респондентом были названы производители: ОДО «ПК Квант», ИПСУП «Бризант Энерджи-центр», ОАО «Шкловдрев». С подсказкой названо ООО «Рамиздревкомпани». ОДО «ПК Квант» имеет преимущества: – низкая цена продукции; недостатки: – низкое качество пеллет (высокая зольность); – высокая стоимость доставки груза, так как производитель такой услуги не предоставляет. ИПСУП «Бризант Энерджи-центр» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – осуществляет доставку продукции; недостатки: – не осуществляет продажу продукции на внутреннем рынке.	Без подсказки респондентом были названы продавцы и производители: ОДО «ПК Квант», ИПСУП «Бризант Энерджи-центр», ЧТУП «Дверная страна», ПО «Витебское Лесохозяйственное». С подсказкой названо ОАО «Шкловдрев». ОДО «ПК Квант» имеет преимущества: – низкая цена продукции; недостатки: – низкое качество пеллет (высокая зольность); – высокая стоимость доставки груза, так как производитель такой услуги не предоставляет. ИПСУП «Бризант Энерджи-центр» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – осуществляет доставку продукции; недостатки: – не осуществляет продажу продукции на внутреннем рынке. ПО «Витебское Лесохозяйственное» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – доставка продукции;

	ЧТУП «Дверная страна» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – осуществляет доставку продукции	ОАО «Шкловдрев» имеет преимущества: – низкая цена продукции; – доставка продукции за счет производителя; недостатки: – низкое качество пеллет (высокая зольность)	недостатки: – небольшие объемы производства (около 2,5 т в месяц). ЧТУП «Дверная страна» имеет преимущества: – высокое качество продукции; – осуществляет доставку продукции. ОАО «Шкловдрев» имеет преимущества: – низкая цена продукции; – доставка продукции; недостатки: – низкое качество пеллет (высокая зольность)
--	---	--	---

Источник: собственная разработка на основе опроса потребителей.

На основе проведенного глубинного интервью потребителей пеллет можно сделать следующие выводы. Основное назначение продукции – это топливо для котлов. По мнению всех потребителей, рынок пеллет является растущим, так как, несмотря на снижение мировых цен на нефть и газ в Республике Беларусь цены на эти виды топлива будут продолжать расти.

Анализ показал, что с точки зрения реализуемой продукции рынок пеллет можно подразделить на две ниши. Первая ниша представлена пеллетами класса А2 и В, диаметр гранул не превышает 6 мм, то есть – это пеллеты низкого качества. В данной нише наблюдается высокая интенсивность конкуренции среди производителей пеллет, так как предложение продукции превышает спрос на нее.

Вторая ниша рынка пеллет представлена продукцией класса А1 – это пеллеты, изготовленные из лиственных пород деревьев и с диаметром гранул не менее 8–12 мм. В этой нише конкуренция среди производителей практически отсутствует. Так как спрос на пеллеты класса А1 существенно превышает их предложение. Это связано с тем, что все производители пеллет высокого качества ориентированы на экспорт продукции в дальнее зарубежье.

Отличия в характеристиках рынка пеллет в выявленных нишах обуславливают различия в условиях сотрудничества:

- производители первой ниши (низкое качество продукции) работают на условиях отсрочки платежа;
- производители второй ниши (высокое качество продукции) предлагают покупателям 100%

или частичную предоплату, в случае заключения дилерского договора работают по мере реализации товара либо по факту поставки.

Исследование потребителей показало, что рынок древесных пеллет Республики Беларусь является растущим, что, с одной стороны, позволяет производителям пеллет использовать стратегию развития рынка, т.е. увеличить объемы поставок продукции на внутренний рынок. Несмотря на более высокие цены на зарубежных рынках, расходы на доставку продукции существенны, на внутреннем рынке цены ниже, но в связи с территориальной близостью покупателей обеспечивается экономия на доставке.

С другой стороны, в ходе исследования было выявлено, что многие потенциальные поставщики сырья (древесные опилки лиственных пород деревьев) – деревообрабатывающие предприятия, которые самостоятельно начинают осваивать производство пеллет, что при сохранении этой тенденции может привести к риску дефицита на рынке сырья для предприятий-производителей, не имеющих собственной сырьевой базы.

Поэтому наращивание производственных мощностей и увеличение объемов производства и реализации продукции для производителей, не имеющих собственной сырьевой базы, должно быть сопряжено с сокращением риска дефицита сырья.

В качестве основного способа снижения риска можно предложить использовать стратегию обратной вертикальной интеграции.

Эта стратегия может быть реализована путем:

- 1) участия в капитале предприятий-поставщиков;
- 2) организации производства продукции из лиственных пород древесины, что позволит снизить зависимость от поставщиков сырья.

Заключение. Исследование показало, что производство древесных пеллет в Республике Беларусь является перспективным видом деятельности, что, с одной стороны, обусловлено ростом спроса на данный вид продукции со стороны стран ЕС. С другой стороны, обязательства Республики Беларусь в рамках выполнения целей устойчивого развития будут способствовать росту спроса на древесные пеллеты внутри страны и увеличению емкости внутреннего рынка.

Рост спроса приведет к возникновению новых производителей древесных пеллет и увеличению производственных мощностей у существующих производителей, что в перспективе вызовет обострение конкуренции на данном рынке. При этом для производителей, не имеющих сырьевой базы, существует риск возникновения дефицита сырья, так как на базе лесхозов (основных поставщиков сырья) планируется создание пеллетных производств.

Литература

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
2. Сравнительные характеристики топливных пеллет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://woodpellets.com.ua/news-sravnitelnye-xarakterist-253.html>. – Дата доступа: 30.12.2018.
3. Целитан, Н. Стратегические пеллеты [Электронный ресурс] / Н. Целитан. – Режим доступа: <http://lesgazeta.by/economy/rynok-diktuet/strategicheskie-pellety>. – Дата доступа: 30.11.2018.
4. Официальный сайт ГЛХУ «Бегомльский лесхоз» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.begomlles.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
5. Официальный сайт ГЛХУ «Богушевский лесхоз» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bogles.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
6. Официальный сайт ИПСУП «Бризант Энерджи-центр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brizant.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
7. Официальный сайт ОАО «Борисовский деревообрабатывающий комбинат» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://borisovdok.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
8. Официальный сайт ИООО «Свудс экспорт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svuds-eksport.tam.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.
9. Официальный сайт ООО «ГранулаЭкологджи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecopellets.by/o-kompanii>. – Дата доступа: 30.11.2018.
10. Официальный сайт РПУП «Завод газетной бумаги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asnova.by/>. – Дата доступа: 30.11.2018.

Поступила в редакцию 03.05.2019

Eastern Partnership Countries IT Sector Study

Sovetnikova O.P.

Educational Establishment "Vitebsk State Technological University"

The article is devoted to the study of the sector of information and communication technologies in the Eastern partnership countries and to the study of factors that affect its development.

Purpose of article – analysis of the main indicators of the information and communication technologies sector in the Eastern partnership countries and global trends, identification of problems and prospects for development.

Material and methods. The material for the research was the statistical data of the Eastern Partnership countries, publications of specialists in periodicals. The study is also based on the desk research, requests for information and stakeholder information analysis. To carry out the analysis and obtain conclusions and generalizations, the following methods were used: statistical, comparison, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. Analysis of the study showed that overall Information and Communication Technologies sector volumes and trends of the Eastern partnership countries are evaluated in different reports. Armenia, Ukraine and Belarus measure key Information and Communication Technologies industry indicators regularly, other country reports are also available through Government, consultancy or donor supported projects data. National Statistics Offices have updated the older methodology and harmonized Information and Communication Technologies sector industries definitions to European NACE rev.2 classifications that makes data comparison possible and valid. Other ad-hoc reports methodology varies but allows for the higher level trends comparison. IT services and Software sectors are much larger in US and Europe markets, and telecommunications is largest in Asia. The projected further growth in IT services and Software continues to create favorable conditions for developing respective goods and services in Central And Eastern Europe and Eastern partnership countries.

Conclusion. The study showed that integration to global value chains of IT economy is the essential task of national, regional or local IT industries. IT services and Software could contain the greatest potential for development in emerging markets, including Eastern partnership region.

Developing markets might need additional time to adopt some of the new technologies. The businesses and government in the new emerging markets already start to focus on rapid adoption of new technologies. Thus, Local governments engagement with new technologies could already include "aggressive" smart city initiatives and integrating Information and Communication Technologies with "economic planning". All growth in considered "traditional" IT technology spending will be driven by just four platforms: cloud, mobile, social and data/analytics. At the same time, these growing traditional technologies leverage deployment of the new emerging technologies.

Key words: Information and Communication Technologies, Eastern Partnership countries, IT industry, IT technology, economic development, local governments, traditional technologies.

Исследование IT-сектора стран Восточного партнерства

Советникова О.П.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Статья посвящена исследованию сектора информационно-коммуникационных технологий в странах Восточного партнерства и изучению факторов, влияющих на его развитие.

Цель статьи – анализ основных показателей сектора информационно-коммуникационных технологий в странах Восточного партнерства и глобальных тенденций, выявление проблем и перспектив развития.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили статистические данные стран Восточного партнерства, публикации специалистов в периодических изданиях. Кроме того, использовались кабинетное исследование, запросы на информацию и анализ информации заинтересованных сторон. Для проведения анализа и получения выводов и обобщений применялись следующие методы: статистический, сравнение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Исследование показало, что общие объемы и тенденции сектора информационно-коммуникационных технологий в странах Восточного партнерства оцениваются в разных отчетах. Армения, Украина и Беларусь регулярно измеряют ключевые показатели отрасли информационно-коммуникационных технологий, отчеты по другим странам также доступны на основе данных проектов партнерства, консультантов или доноров. Национальные статистические управления обновили более старую методологию и согласовали определения отраслей сектора информационно-коммуникационных технологий с европейскими классификациями NACE rev.2, что делает сравнение данных возможным и обоснованным. Методология других специальных отчетов варьируется, но позволяет сравнивать тенден-

ции более высокого уровня. Сектора IT-услуг и программного обеспечения намного больше на рынках США и Европы, а телекоммуникации являются крупнейшими в Азии. Прогнозируемый дальнейший рост в сфере IT-услуг и программного обеспечения продолжает создавать благоприятные условия для развития соответствующих товаров и услуг в странах Центрально-Восточной Европы и Восточного партнерства.

Заключение. Исследование выявило, что интеграция в глобальные цепочки создания стоимости IT-экономики является важнейшей задачей национальных, региональных или местных IT-отраслей. IT-услуги и программное обеспечение могут содержать наибольший потенциал для развития на рынках, включая регион Восточного партнерства.

Развивающимся рынкам может потребоваться дополнительное время для внедрения некоторых новых технологий. Бизнес и правительство на новых развивающихся рынках уже начинают ориентироваться на быстрое внедрение новых технологий. Таким образом, участие местных органов власти в новых технологиях уже может включать «агрессивные» инициативы умного города и интеграцию информационно-коммуникационных технологий с «экономическим планированием». Весь рост расходов на «традиционные» IT-технологии будет обусловлен всего четырьмя платформами: облачной, мобильной, социальной и данные / аналитика. В то же время эти растущие традиционные технологии усиливают внедрение новых технологий.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии, страны Восточного партнерства, IT-индустрия, IT-технологии, экономическое развитие, местные органы власти, традиционные технологии.

The development of the Information and Communication Technologies (ICT) sector in the Eastern partnership countries (EaP countries) has been influenced by multifaceted factors that usually could not be limited to common denominators.

However, considering geographical proximity and similar historical legacy, also ongoing joint initiatives and programs fostering connections and experience sharing, certain overall trends could be pointed out. Some of these common characteristics could be attributed to the mostly global nature of the IT sector and necessity to address global needs to ensure high-level of growth. That mainly is considered relevant to software products and services development, IT services outsourcing and nurturing IT startup economy.

Noting that national governments are often leading the efforts in ICT sector development, the more sustainable growth is made possible through private sector uptake that is also influenced by the global trends. Certain regional and country specific landscape has been already established, and the article shall make effort to take its snapshot outlining opportunities for willing local governments to put forward more pro-active initiatives that could leverage IT enabled economic development at the local level.

The growth of the IT sector and its influence on the economies and societies during the last several decades have been reflected in the emerged global surveys. International organizations often teamed up with universities and think-tanks have developed indicator systems that provide a methodological ground to comparing individual economies and regions. With different focal points around IT, innovation or competitiveness, these instruments consolidate the data, opinion surveys and analysis from different sources and thus could be considered mostly reliable tools, especially in the medium term historical perspective.

Regional surveys, targeting the subject of the current article – Eastern Partnership Countries,

add more insights and common trends, that could be found useful for developing common platforms, sharing best practices and investing in cross-border cooperation. The regional dimension is mostly covered by the EU Initiatives, and the reports under Harmonisation of Digital Markets project is the main source of comparative information and benchmarking results against EU baselines.

National surveys often provide further details that are relevant for the national policy makers or businesses willing to invest in the IT economy. With exception of national statistical yearbooks, they lack coherence with other regional reports or documents and methodological uniformity could not be guaranteed. However, these reports could provide more recent and relevant data, cases and trends that are collected locally and seen through the preference lenses of the report authors or national stakeholders.

At the same time Regional and Global survey results provide common methodology and historical data that could help better understand the tendencies and trends influencing the EaP countries as a whole. Regional and Global surveys data could also encourage national stakeholders to support Local Governments by matching their initiatives with infrastructure or human capital development programs.

Not only reports and policies, but programs like European initiatives of Smart solutions for Cities and Local Governments aiming at promoting growth hubs beyond capitals could also serve examples that would support national growth and cohesion by reducing regional inequalities in EaP countries.

The overall objective of the survey is to conduct market analysis of the IT sector in the EaP region.

Material and methods. The material for the research was the statistical data of the Eastern Partnership countries, publications of specialists in periodicals. The study is also based on the desk research, requests for information and stakeholder information analysis.

To carry out the analysis and obtain conclusions and generalizations, the following methods were used: statistical, comparison, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. The worldwide IT industry turnover is projected to reach 5 trillion USD in 2019. United States is the largest tech market in the world accounting for 31% of total, followed by Asia with 26% and Europe with 19%. Central and Eastern Europe Region accounts for 3%. Middle East and Africa with 5%, Latin America 6% and Pacific with 7%.

The consolidated regional share of traditional ICT sectors is presented in picture 1.

The figure shows that IT services and Software sectors are much larger in US and Europe markets, and Telecom is largest in Asia that could be partially explained by large population of the continent and almost universal mobile penetration. Hardware is largest in Asia due to leading production capacity of China and other countries. The projected further growth in IT services and Software continues to create favorable conditions for developing respective goods and services in CEE and EaP countries, delivered mainly through digital means.

The overall development trends analysis presented by IDC gives the following distribution of the global market between the five major IT sector categories. On top of four known sub-sectors of Hardware, Software, IT services and Telecom -considered traditional ICT, the fifth diverse category contain Emerging Technologies.

Current leading sector is Telecom, followed by Hardware and Services, Software accounts for 10% and Emerging Technologies – for 17% (picture 2).

These new emerging technologies are predicted to drive a dramatic acceleration in industry growth. Those include:

- Internet of Things IoT;
- Robotics;
- AR/VR (Augmented and Virtual Reality);
- AI (Artificial Intelligence);
- 3D printing.

The global IT industry annual growth rate in the period of 2009–2018 was in the stable range between 3% to 5% and is predicted to be at 4% level in 2019.

According to CompTIA Industry Outlook predictions the Emerging Technologies could account to 50% of the overall IT sector revenue growth in the period of 2017–2022, exceeding 2x–3x fold the GDP growth, with other ICT sectors also growing on a slower rate, in line with the projected GDP growth ((picture 3) [2].

According to CompTIA, international trade remains a backbone of global technology market and “many countries eagerly import and export technology products and services from trade

partners, enjoying the benefits of consumption and economic value creation”.

Thus integration to global value chains of IT economy is the essential task of national, regional or local IT industries. With Telecom markets and Hardware being dependent on Global trends and Multi-National Corporations, IT services and Software could contain the greatest potential for development in emerging markets, including EaP region.

Developing markets might need additional time to adopt some of the new technologies. At the same time the businesses and government in the new emerging markets already start to focus on rapid adoption of new technologies. Thus, Local governments engagement with new technologies could already include “aggressive smart city initiatives and integrating ICT with economic planning”.

The IDC predicts that all growth in considered “traditional” IT technology spending will be driven by just four platforms: cloud, mobile, social and big data/analytics. At the same time, these growing traditional technologies leverage deployment of the new emerging technologies.

IoT holds the largest share of 1 trillion current market of the emerging technologies – 85% in 2017, distantly followed by Robotics with 14%, and AR/VR, Robotics and AI only at 1–2% – but still generating 10 B \$ globally. Other growing technologies include SaaS (Software as a Service), Big Data/Analytics, Enterprise Social Software, New Generation Security.

EaP regions international trade data analysis was performed based on the UN Comtrade database consolidated data and its derivative ICT subgroups provided by UNCTAD [3].

Considering the importance of tradable IT services and products, the UNICTAD provides consolidated data for ICT sector exports and imports for individual countries, regions and country groups.

The chart below shows the volumes and percentage of ICT goods and services in total trade for EaP countries in five categories:

1. Computers and peripheral equipment.
2. Communication equipment.
3. Consumer electronic equipment.
4. Electronic components.
5. Miscellaneous.

It contains bilateral exports, imports, re-exports and re-imports of information and communication technology (ICT) goods aggregated at the ICT goods category level (picture 4).

Ukraine is by far a regional leader in the ICT goods production and trade volumes with 404 million \$ in 2016, followed by Belarus with 205 million USD. Georgia is distant 3rd with

15,2 million USD, and other countries volumes were not exceeding 6 million USD.

At the same time, share of ICT goods as percentage of total trade of EaP countries ranges in a comparable, small interval, as seen from the chart 5 below.

ICT sectors in individual EaP countries. Overall ICT sector volumes and trends of the EaP countries are evaluated in different reports. Armenia, Ukraine and Belarus measure key ICT industry indicators regularly, other country reports are also available through Government, consultancy or donor supported projects data. National Statistics Offices have mostly updated the older methodology and harmonized ICT sector industries definitions to European NACE rev.2 classifications that makes data comparison possible and valid. Other ad-hoc reports methodology varies but allows for the higher level trends comparison.

Armenian IT sector turnover is growing steadily capitalizing on the constant growth of companies and IT workforce. During the period from 2010 through 2018, the ICT industry's average annual growth rate amounted to 25,6 percent. In 2018 the total turnover of ICT sector reached 922,3 million USD from 765,2 million USD in 2017 [4]. About 800 companies operated in the sector in 2018. The number of IT workforce in 2018 was 19500, with over 15200 among them- IT technical specialists, and the rest-managing and business personnel.

In Azerbaijan IT sector is second most profitable and second largest recipient of foreign FDI after oil and gas industry. The government investment invested in IT development over 2 billion USD that has contributed to ICT expansion, connectivity and infrastructure growth and more skilled workforce. In 2017 total output of ICT sector has grown from 899 million USD to 978 Million USD or 1,5% of GDP. The number of workers employed in ICT sector is 25600.

In Georgia ICT sector also grows, with telecom sub-sector accounting to half of the turnover. Output of ICT sector has grown from 496 million USD in 2016 to 556 million in 2017, but it grew slightly slower that GDP declining from 3,9% in 2016 to 3,8% in 2017. The number of employees in the sector has grown from 19700 in 2016 to 21400 in 2017, representing about 3% of total workforce [5].

Moldova ICT sector has been developing steadily since 2009. Its main focus is IT services that also have been one of the major drivers for Moldova's economic growth. The fast raise of IT industry is linked to outsourcing services. IT accounted for 5,7% of Moldova GDP in 2017 decreasing from steady 5,9% in previous years, but increasing in overall volume from 476 million in 2016 to 551 million USD in 2017.

The number of employees in IT sector has grown from 19000 in 2016 to 20200 in 2017. Its IT services market has the estimated value of \$154,40 million with \$120,90 million originating from exported IT services.

Belarus IT sector has been experiencing stable growth during the last decade. Computer and IT services is the third largest service sector in the country, following transport and construction services, and share of IT services is second in total exports. The IT sector accounts to 5,1% of GDP.

The ICT sector output has grown from 2976 million in 2016 USD to 3563 million USD in 2017. The High Technology Park has contributed to total IT services exports with more than 1 billion USD. Foreign Investments in the sector accounted for 509 million USD. The total workforce employed in ICT sector has grown from 85400 in 2016 to 92200 in 2017 [6]. IT professionals count in the High-Technology Park resident companies is estimated at more than 30000. The number of IT sector organizations has grown from 2,700 in 2016 to 3120 in 2017.

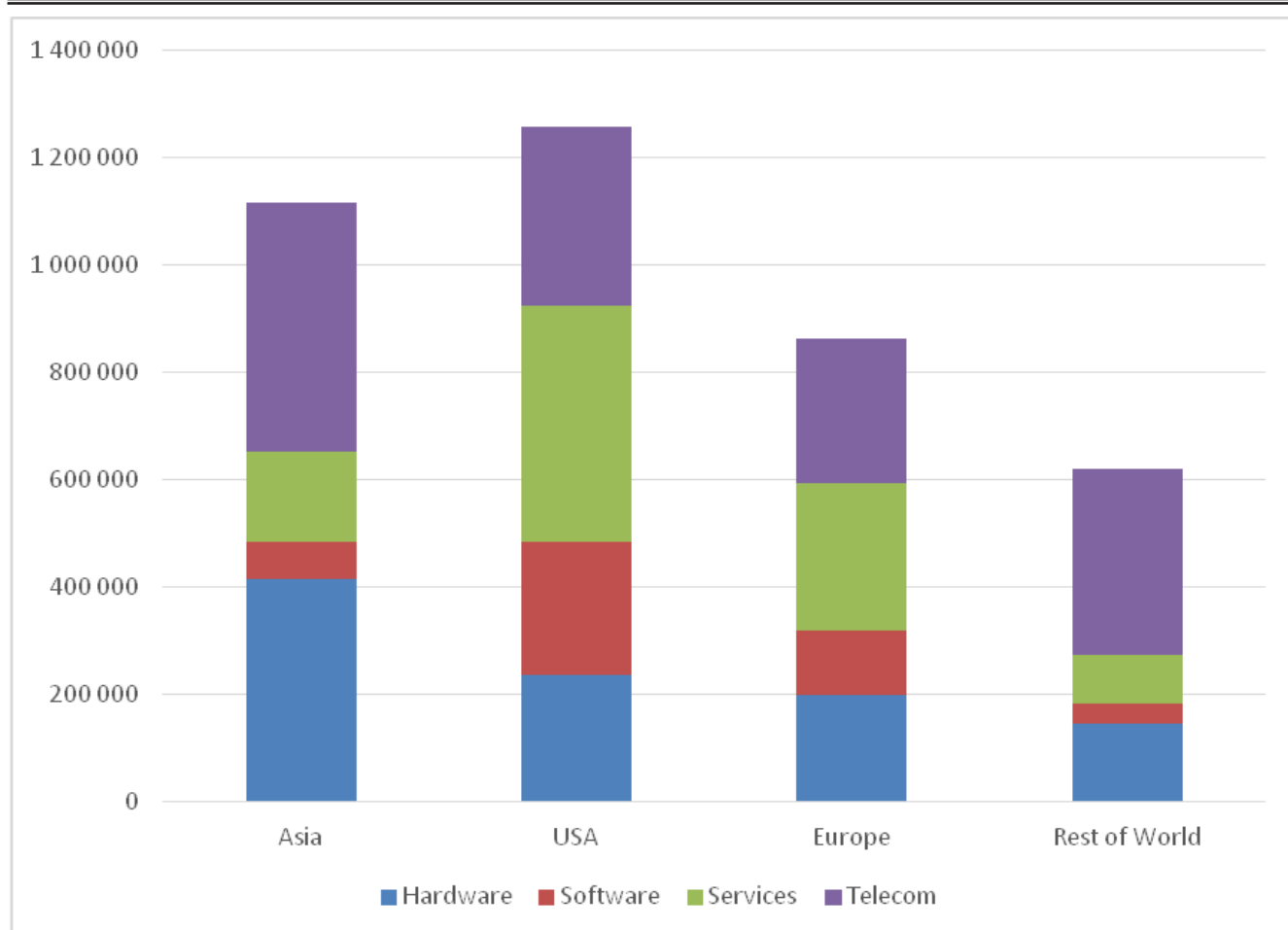
Ukraine is the leading country in the region by size and outputs of IT market and by number of IT professionals. Its fast growing IT services exports sector is estimated currently at 4 billion USD. The overall production of ICT sector output has grown from 6773 million USD in 2016 to 8059 million USD in 2017. That accounted to 7,12% of GDP. There are about 4000 tech companies, and about 185000 professionals in ICT sector, with about 160000 estimated number of developers.

The figure 6 provides ICT industry output of EaP countries in 2017.

The overall output of EaP region countries ICT sectors is estimated at 14,63 Billion USD that is about 0,3% of total global ICT market value in 2017. However, as indicated above, for ICT services exports (that is mostly outsourcing), the region's share in global market is 3-times higher with 0,94%.

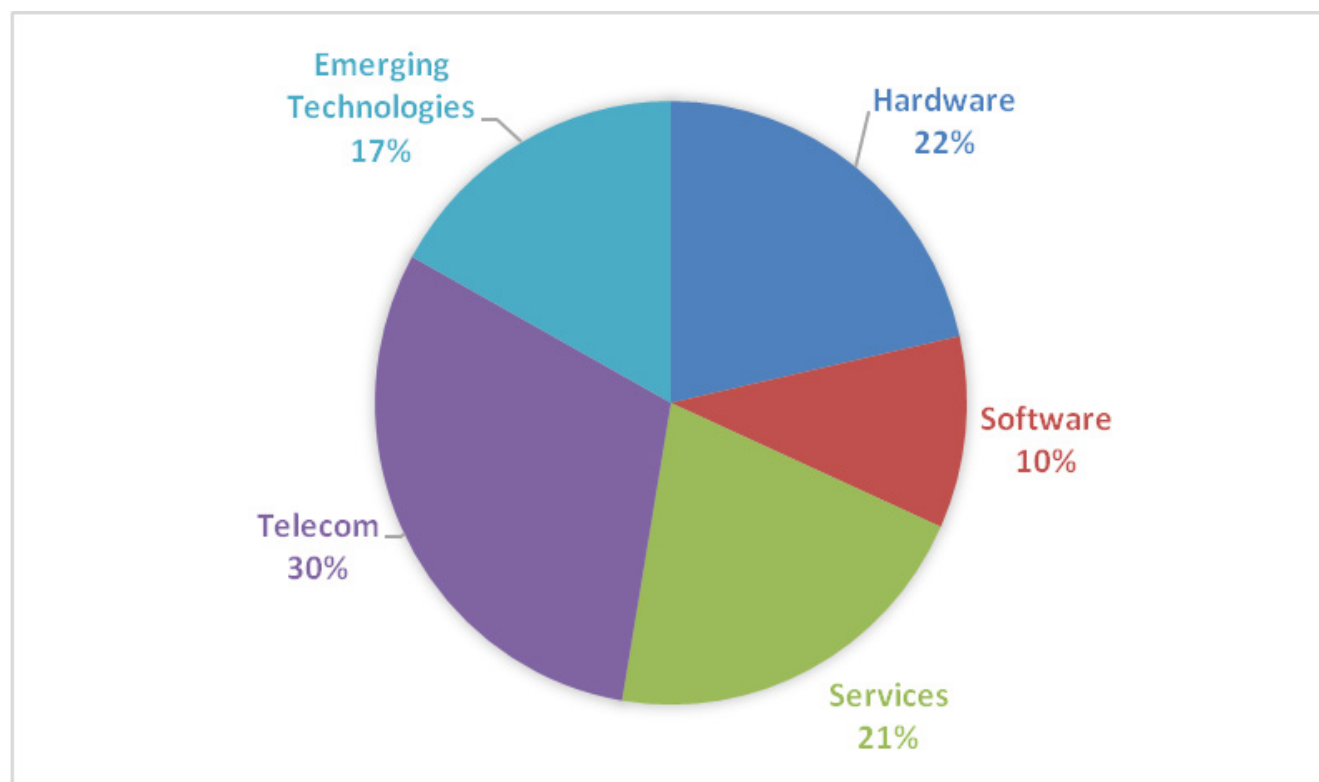
While in volumes Ukraine ICT output is a clear frontrunner, per capita calculation gives a different distribution putting Belarus and Armenia in leading positions with ICT industry output per capita exceeding 300\$. Georgia, Moldova, and Ukraine reside in a lower range corridor from 150\$ to 200\$, and Azerbaijan has slightly about 100\$ per capita value of IT industry output.

Conclusion. Thus integration to global value chains of IT economy is the essential task of national, regional or local IT industries. With Telecom markets and Hardware being dependent on Global trends and Multi National Corporations, IT services and Software could contain the greatest potential for development in emerging markets, including EaP region.

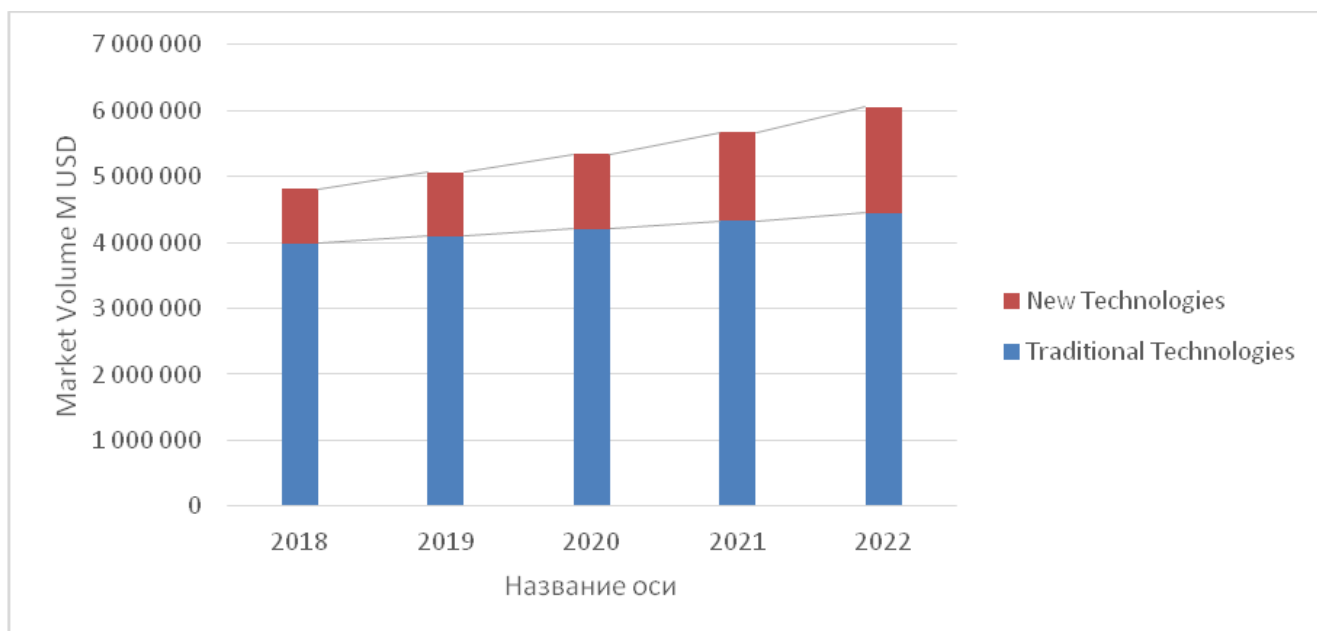
Picture 1 – Regional Share of ICT markets in 2017, million USD

Source: [1].

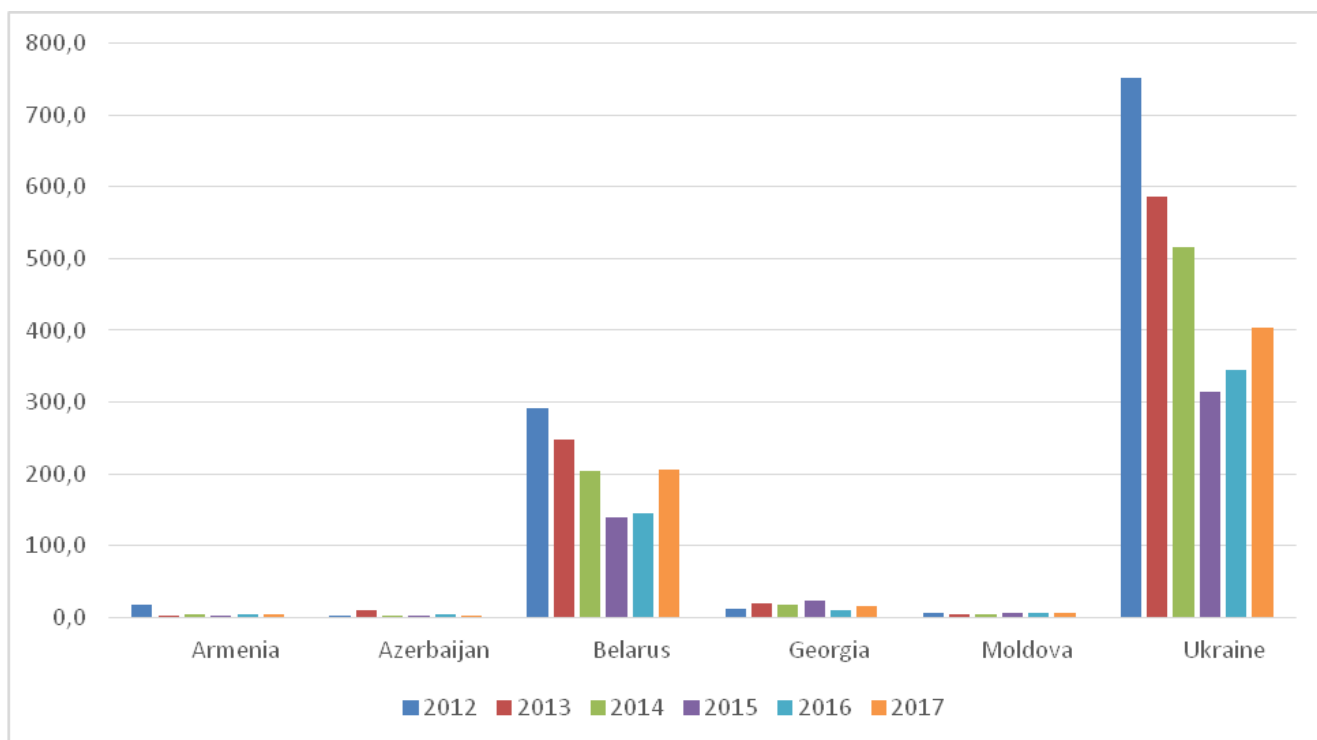
Picture 2 – Global IT Market in 2017, %

Source: [1].

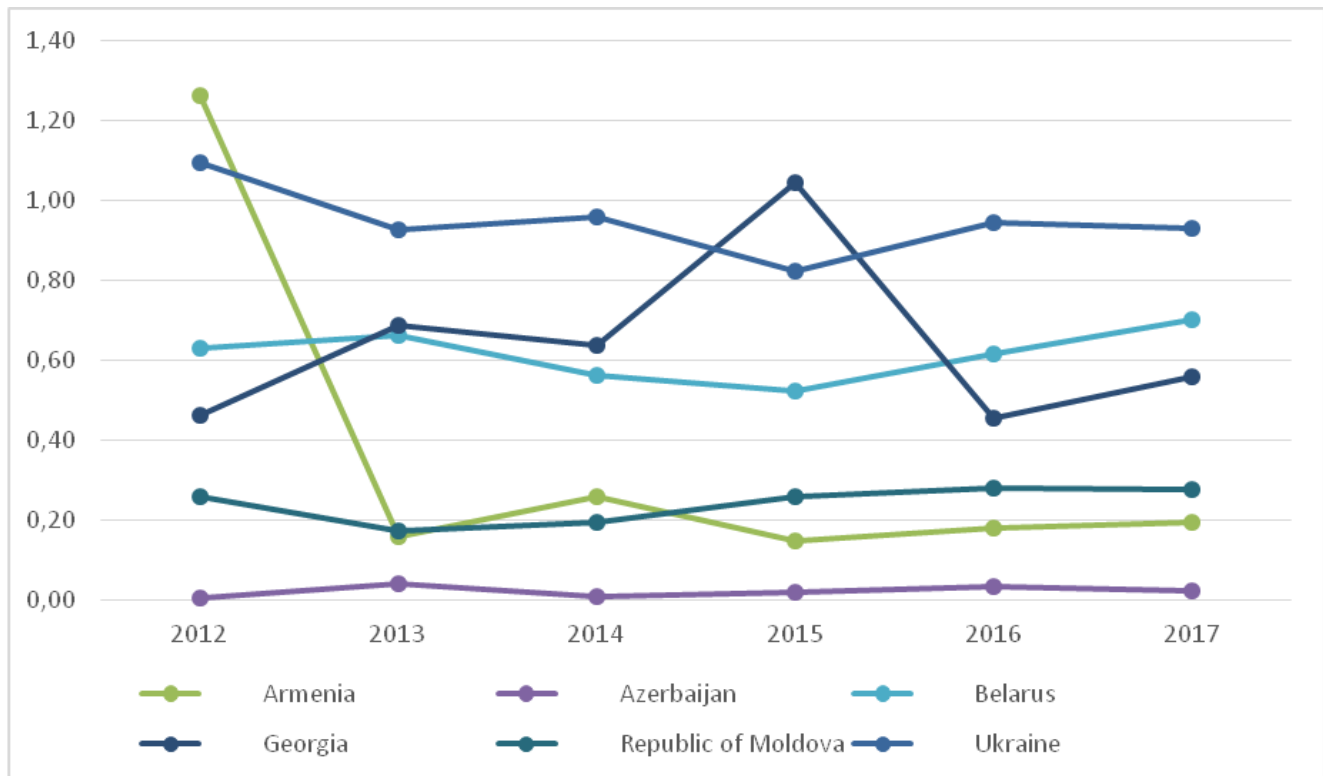
Picture 3 – Growth Projection for Global ICT Spending, million USD

Source: [2].

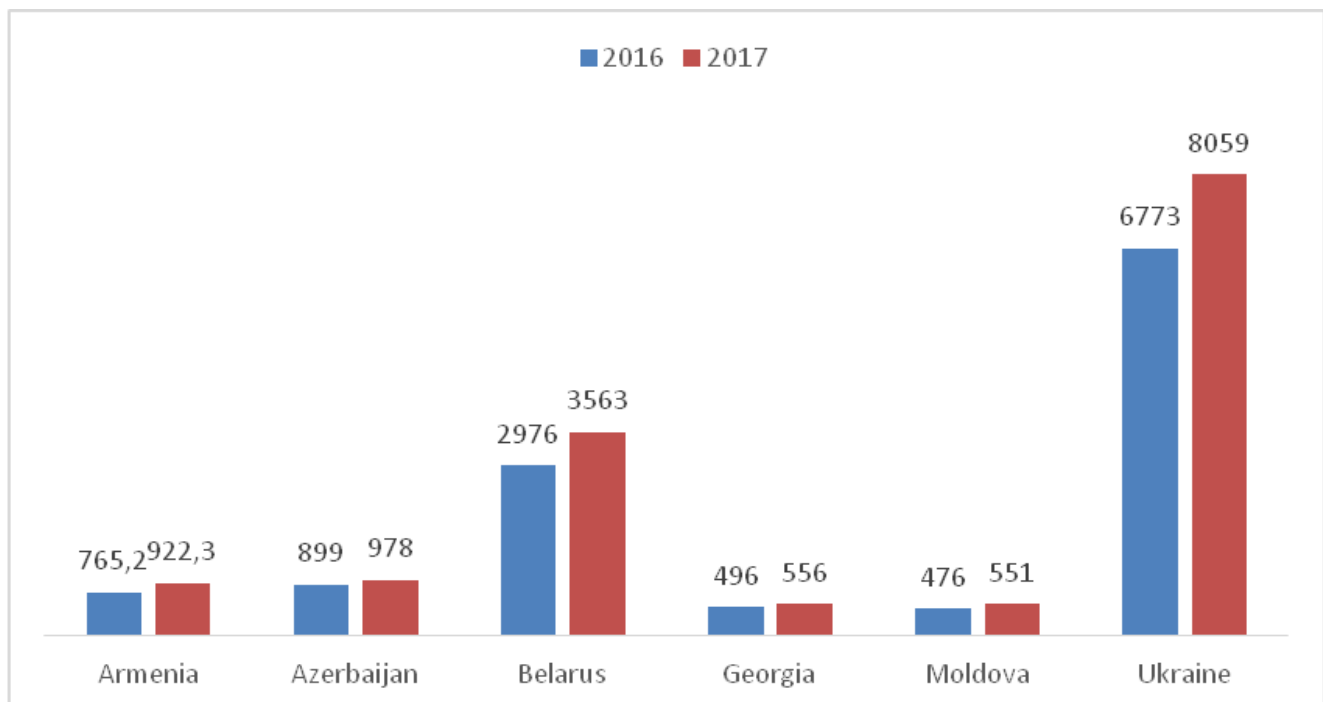
Picture 4 – Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual million USD

Source: compiled by the author.

Picture 5 – Share of ICT goods as percentage of total trade

Source: compiled by the author.

Picture 6 – ICT industry output of EaP Countries, M\$

Source: compiled by the author.

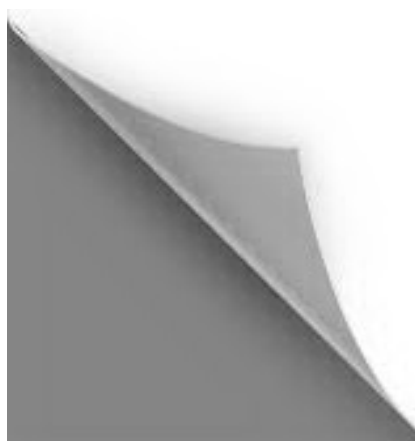
Developing markets might need additional time to adopt some of the new technologies. At the same time the businesses and government in the new emerging markets already start to focus on rapid adoption of new technologies. Thus, Local governments engagement with new technologies could already include “aggressive smart city initiatives and integrating ICT with economic planning”.

The IDC predicts that all growth in considered “traditional” IT technology spending will be driven by just four platforms: cloud, mobile, social and big data/analytics. At the same time, these growing traditional technologies leverage deployment of the new emerging technologies.

LIST OF REFERENCES

1. Regional Markets Overview [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.idc.com/promo/global-ict-spending/regional-markets>. – Date of access: 12.09.2019.
2. ICT Spending Forecast. IDC [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.idc.com/promo/global-ict-spending/forecast>. – Date of access: 15.09.2019.
3. UN Comtrade is a repository of official international trade statistics and relevant analytical tables [Electronic resource]. – Mode of access: <https://comtrade.un.org>. – Date of access: 12.09.2019.
4. Armenian ICT sector 2018. State of the Industry Report: Information and Telecommunication Technologies Sector in Armenia [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKewi1gu-nwPbkAhUz6KYKHRSgDc0QFjAAegQIABAC&url=http%3A%2F%2Fwww.eif.am%2Ffiles%2F2282%2F2018-ICT-Industry-Report_Eng_v2.pdf&usg=AOvVaw1yi5fXNGw-3Bh4TkNchPUe. – Date of access: 21.09.2019.
5. Statistical Yearbook of Georgia 2018. National Statistics Office of Georgia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.geostat.ge/en/single-archive/3254>. – Date of access: 12.09.2019.
6. National Statistics Indicators of Digital Economy Development in Belarus [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/publications/statistical-publications-data-books-bulletins/public_compilation/index_14281/. – Date of access: 12.09.2019.

Received by the Editor 30.09.2019

Влияние социально-психологических факторов на выраженность надежды / безнадежности в юношеском возрасте

Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

Исследование надежды и безнадежности весьма актуально в современной психологии, при этом их социально-психологические факторы изучены недостаточно.

Цель научной работы – проанализировать характер влияния состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды и безнадежности в юношеском возрасте.

Материал и методы. Выборка испытуемых составила 75 человек в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 18,93$; $SD = 1,30$), среди них 36 юношей и 39 девушек. В качестве эмпирического метода применялся метод опроса (методика «Шкала надежды и безнадежности» А.А. Горбаткова). Для обработки данных использовался многофакторный дисперсионный анализ.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что в юношеском возрасте на выраженность надежды на достоверном уровне влияют состав семьи и наличие близкого друга. Наиболее низкие показатели надежды обнаружены у студентов из полных семей при отсутствии близкого друга (по сравнению с испытуемыми из полных семей, у которых есть близкий друг, и из неполных семей – при его отсутствии). Для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей.

Заключение. Перспектива изучения состоит в определении иных социально-психологических факторов надежды и безнадежности в юношеском возрасте и расширении выборки исследования.

Ключевые слова: надежда, безнадежность, состав семьи, близкий друг.

Influence of Social and Psychological Factors on the Severity of Adolescents' Hope / Hopelessness

Andreyeva I.N.

Educational Establishment "Polotsk State University"

The studies of hope and hopelessness are highly relevant in modern psychology, while their social and psychological factors have not been studied enough.

The purpose of the study is to study the nature of the influence of family composition and the presence of a close friend on the severity of adolescents' hope and hopelessness.

Material and methods. The sample of the subjects was 75 people aged 17 to 24 years old ($M = 18,93$; $SD = 1,30$), among them 36 boys and 39 girls. As an empirical method, a survey method was used (the test "Scale of Hope and Hopelessness" by A.A. Gorbakov). A multivariate disperse analysis was used in processing the data.

Findings and their discussion. It has been established that the composition of the family and the presence of a close friend affect the severity of adolescents' hope at a reliable level. The lowest indicators of hope were found in students from complete families in the absence of a close friend (compared with subjects from complete families who have a close friend and from incomplete families – in his absence). For individuals raised in incomplete families, a higher level of hopelessness is characteristic than for subjects from complete families.

Conclusion. The prospect of the study is to identify other social and psychological factors of adolescents' hope and hopelessness and expanding the sample of the study.

Key words: hope, hopelessness, family composition, close friend.

Исследование надежды весьма актуально в современной психологии, поскольку данное переживание – исходное начало для самоопределения, автономии и суверенности человека, предвидения им будущего. Популярность изучения надежды и безнадежности связана как с изменением доминирующего типа мышления исследователей (от мышления в категориях реактивности к мышлению в категориях проактивности поведения) [1], так и со значением этих эмоций в качестве факторов успешности, субъективного благополучия и здоровья человека [2; 3]. Жизнь человека утрачивает смысл, если он теряет надежду. «Где жизнь, там и надежда», – гласит пословица.

Античные мыслители рассматривали указанный феномен двояким образом: одни – как «добро», т.е. как утешение, которое может избавить человека от страданий, другие – как «зло», как добровольный самообман, который может способствовать отчаянию [4]. Отметим, что надежда понимается Аристотелем как мера существования между наименьшей для этого возможностью, невозможностью и не слишком большим, но достижимым [5].

В христианской традиции надежда является одним из центральных понятий триединого комплекса универсальных человеческих ценностей (Вера, Надежда и Любовь) [4]. В рамках религиозных представлений «упование», т.е. надежда «крепкая, совершенная, непоколебимая никакими сомнениями» [6], тесно связано с доверием Божественной воле и смирением с ней, при этом важнейшей характеристикой надежды выступает терпение.

В современной философии античные и христианские представления о надежде переосмысливаются. При этом одни философы, в частности А. Камю, отождествляя надежду с иллюзией, противопоставляют ей безнадежность как отсутствие всякого обмана, другие (П. Рикер, Э. Блох, Э. Фромм) признают надежду эффективной силой развития в личностном, социальном и иных аспектах. Особое место в понимании бытийной роли надежды занимают исследования Э. Блоха [5]. Его рассуждения строятся на основе новой модели человека как человека надеющегося. Надежду он наделяет деятельным в практическом отношении характером. При этом практически деятельная надежда противопоставляется пассивной, иррациональной – рациональной, осознаваемая – неосознаваемой. Деятельный характер надежды подчеркивает и Э. Фромм, указывая на то, что она ориентирована на активное преобразование человеком окружающей действительности в направлении «большей жизненности» [4, с. 7]. Надежда может иметь отношение как к отдельным

людям, так и к группе людей, отсюда выделение индивидуальной и групповой форм надежды [4].

В современной психологической науке нет единого понимания и, соответственно, определения надежды. В поведенческой психологии надежда понимается как способность действовать ради достижения блага, в экзистенциальной – как элемент жизни, зависящий от определенных жизненных событий, в когнитивной – как позитивное осознанное ожидание наступления желаемых событий. Отечественные психологи интерпретируют надежду по-разному: как ценностную ориентацию (Г.В. Дьяконов) [4], эмоциональное состояние (А.А. Горбатков) [1], мотивационное состояние (Е.П. Ильин) [7], ресурсное состояние человека, которое дает жизненные силы и энергию для реализации жизненных перспектив (Т.А. Климонтова) [2]. Очевидно, что в каждом из определений надежды акцентируется только одна ее составляющая, поэтому наиболее убедительной представляется интерпретация надежды как интегрального образования, в структуру которого входят эмоционально-оценочный, когнитивный и мотивационно-поведенческий компоненты [3]. Онтологический подход к надежде, интегрируя все ее компоненты, позволяет рассматривать ее как «системное духовное качество, репрезентирующее одновременно и чувственную, и рациональную, и деятельностьную сторону мироотношения человека» [8, с. 23].

Благодаря анализу литературы [1–5; 8–10] можно выделить следующие функции надежды: смыслообразующая («инобытия», надежда как общечеловеческая ценность), стимулирующая (противостояния бытию), регулирующая (преобразования бытия), защитная (примирения с бытием).

В зависимости от степени активности индивида определяются такие ее виды, как активная и пассивная [4; 10]. Реализация первых трех функций, перечисленных выше, характерна для активной надежды, которая направлена в будущее, сопряжена с преобразовательной активностью субъекта. Последняя ориентирована на объект, позитивно значимый для личности, но отсутствующий в данное время, хотя и достижимый с определенной вероятностью. Пассивная надежда обусловлена расчетом на то, что все уладится само собой. С одной стороны, она выполняет защитную функцию, которая позволяет примириться с реальностью, а с другой – может способствовать лени, безответственности и необязательности. По мнению Э. Фромма, пассивная надежда есть не что иное, как замаскированная форма безнадежности [4].

С учетом адекватности оценки ситуации выделяется реальная надежда, которая строится на ожидании объективно возможного, соответствующего ресурсам и усилиям индивида, и иллюзор-

ная надежда, основанная на искаженном восприятии реальности [4].

Касаемо преобладания эмоционального либо когнитивного и мотивационно-поведенческого компонентов в структуре надежды определяются эмоциональная надежда и рациональная надежда [10; 11]. Представители эмоционального вида надежды видят будущее более оптимистично, однако, учитывая недостаточную представленность в структуре данного вида надежды планирования и антиципации будущих событий (когнитивный компонент надежды), а также стремления к достижению поставленных целей (мотивационный компонент), такое отношение к будущему способно привести к разочарованию и усилению безнадежности. Обладатели рационального вида надежды способны находить различные пути достижения целей, двигаться к ним планомерно и осознанно, в то же время их слабой стороной являются сомнения в успехе и неуверенность [10].

Смысловое содержание надежды в обыденном сознании включает как эмоциональную пассивную, так и рациональную активную сторону [11], при этом в житейских представлениях доминирует первая [10]. Синонимом выражения «надеяться на кого-либо» является словосочетание «рассчитывать на кого-либо» [4]. Иными словами, в сложных ситуациях человек надеется, что его поддержат и защитят близкие люди.

Реакция на несбыточность надежды может проявляться в безнадежности, которая понимается как «утверждение безвыходности ситуации, убежденность в невозможности реализации желаний, отказ от каких-либо ожиданий, чего-то позитивного в будущем» [12, с. 24]. Безнадежность чаще всего возникает в результате череды неудач, что приводит человека в состояние уныния, порождает негативные ожидания, блокирует способность к нормальному общению. При этом снижается способность анализировать, планировать события, находить иные способы решения трудностей, субъективное ощущение контроля над событиями, что приводит к состоянию беспомощности с характерными для нее симптомами – торможением попыток активного вмешательства в ситуацию, трудностью последующего научения тому, что в подобных ситуациях действие приносит положительный эффект, чувству грусти, депрессии и подавленности. В терапевтических подходах безнадежность характеризуется как совокупность негативных представлений и мыслей о будущей жизни. В качестве последствий безнадежности приводятся суицидальное поведение, шизофрения, алкоголизм, депрессия [13], а также соматические заболевания [4; 10].

Хотя индивиды обоего пола склонны воспринимать будущее как исполненное надежд

[3], между мужчинами и женщинами обнаруживаются значимые различия в выраженности надежды и безнадежности. Так, женщины чаще испытывают состояние безнадежности, а мужчинам свойственна более высокая степень надежды как обобщенного ожидания достижения цели [3]. Различаются и представления о надежде: мужчины чаще понимают надежду как бессилие, отсроченное разочарование, а женщины – как чувство, стимулирующее к достижениям. Женщины прибегают к надежде чаще, в то время как мужчины склонны полагать, что они действуют, не прибегая к ней [11].

Безнадежность не обязательно является следствием неудовлетворенности жизнью, а надежда не всегда основывается на позитивной, оптимистической оценке жизненного пути [10]. Иногда надежда и отчаяние как следствие безнадежности рассматриваются не как два «полюса» переживания, а как два взаимосвязанных и равноценных пути к подлинному существованию человека, к преобразованию его жизни [14].

Проблема надежды и безнадежности особенно актуальна для юношеского возраста, который является одним из наиболее ответственных периодов формирования личности, поскольку включает осознание смысла жизни и ее целей. Хотя молодым людям, которые находятся в процессе индивидуации, поиска своего места в жизни, свойственна выраженная надежда на свои силы, однако в этот период индивиды все еще зависимы от семьи, нуждаются в рекомендациях и поддержке по жизненно важным вопросам, что актуализирует надежду на значимых других [15; 16]. Для молодых людей в период вхождения в раннюю взрослость (20–29 лет) по сравнению с респондентами старшего возраста вместе с надеждой на себя более характерна надежда на членов семьи и друзей [11].

При всей значимости дружеских отношений и семьи для переживания надежды в юношеском возрасте нами не обнаружено исследований влияния состава семьи и наличия близкого друга на надежду и безнадежность, что и обусловило научную новизну нашего исследования.

Цель научной работы – проанализировать характер влияния состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды и безнадежности в юношеском возрасте.

Материал и методы. Выборка испытуемых составила 75 человек (студенты Полоцкого государственного университета в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 18,93$; $SD = 1,30$); среди них 36 юношей и 39 девушек). В качестве эмпирического метода применялся метод опроса (методика «Шкала надежды и безнадежности» А.А. Горбаткова [1], преимуществом которой является ее двухмерное

строение, т.е. она позволяет измерять надежду и безнадежность как относительно независимые друг от друга феномены, причем применима также и к студентам [17]. Для обработки данных использовался многофакторный дисперсионный анализ в рамках пакета компьютерных программ STATISTICA 8.0.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования, проведенного под нашим руководством Ю.Д. Оленченко, была изучена выраженность надежды / безнадежности у студентов с учетом половых различий. Достоверных различий по показателям надежды и безнадежности между юношами и девушками не обнаружено ($p > 0,05$). В дальнейшем анализ результатов проводился без учета пола.

Установлено, что более чем половине респондентов (53%) свойствен средний уровень надежды, почти треть из них (30%) продемонстрировала высокий уровень, для 10% характерен очень высокий, а для 7% – низкий уровень. В среднем величина данного показателя по выборке составляет $25,10 \pm 3,79$. При этом средний и низкий уровни безнадежности обнаружены соответственно у 48% и 42% испытуемых, высокий уровень безнадежности – у 10%. В среднем величина данного показателя по выборке составляет $22,0 \pm 7,54$.

Далее изучалось влияние социально-психологических факторов на показатели надежды и безнадежности. На достоверном уровне выявлено совместное влияние независимых переменных «Состав семьи» и «Наличие близкого друга» на выраженность зависимой переменной – надежды ($F(1,71) = 4,35, p = 0,041$). Результаты исследования представлены в таблице и на рисунке 1.

Как видно из таблицы и рисунка 1, у студентов из полных семей показатели надежды более выражены при наличии близкого друга, нежели при его отсутствии ($p < 0,05$). Значимость близкого друга в этом возрасте объясняется возрастной эмансипацией от своих родителей, связанной с потребностью в самостоятельности и самопознании. Заметим, что именно друг своим присутствием в жизни индивида как бы гарантирует независимое существование. У индивидов в юношеском возрасте складываются ценности, которые более близки и понятны сверстнику, чем взрослому. Их часто волнует то, что для взрослого не является важным. Общение со взрослыми уже не может полностью удовлетворить социальные потребности молодого человека, ему зачастую недостает глубины и интимности, характерных для доверительного общения с друзьями [15; 16]. По этой причине именно близкий друг становится для молодого человека источником надежды в трудной ситуации, именно на него он может рассчитывать в первую очередь.

Вместе с тем при отсутствии близкого друга выраженность надежды достигает более высокого уровня у студентов из неполных семей по сравнению с испытуемыми из полных ($p < 0,05$). Возможной причиной этого является большая эмоциональная близость юноши (девушки) с одиноким родителем, которая объясняется по-разному: формированием избыточной патологической привязанности к матери, тем, что в такой семье родители и дети тесно связаны целым конгломератом эмоций, среди которых не только любовь и забота, но и страх, печаль, страдание, боль [18]. Тесная эмоциональная близость с одиноким родителем в определенной мере восполняет отсутствие друга-сверстника. Подобная компенсация менее характерна для индивидов из полных семей, поскольку в данном случае, согласно представлениям автора теории семейных систем М. Боуэна, родители, которые находятся в более тесных эмоциональных отношениях друг с другом, образуют «диад», а юноша, обладая иным, чем родители, статусом, выступает в семейном треугольнике в качестве «аутсайдера», взаимоотношения с которым не столь близки [19]. Родители в этом случае не пытаются заменить друзей.

Не обнаружено совместного влияния состава семьи и наличия близкого друга на показатели безнадежности ($p > 0,05$). При этом установлено, что для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей ($F(1,71) = 4,33, p = 0,041$) (рисунок 2).

На наш взгляд, такие результаты объясняются рядом ограничений, которые создаются условиями воспитания в неполной семье (например, социально-психологических: эмоциональная депривация, нарушение процесса полоролевой идентификации, неконструктивный стиль воспитания [18], необходимость совмещения одиноким родителем функций главы семьи и профессиональных ролей, неоднозначные стереотипы воспитания такой семьи со стороны микросоциума и общества в целом, высокий уровень тревожности детей и родителей, массовое социальное одиночество подростков из неполных семей, ограниченность моделей взаимоотношений и связанная с этим низкая социальная компетентность подростков [20]), материальных [18; 20]. Они требуют дальнейшего комплексного исследования.

Безнадежность в таких условиях может выступать как иллюзия со знаком «минус», когда негативный эмоциональный фон семьи как бы окрашивает в мрачные тона будущее индивида, хотя серьезные основания для этого отсутствуют. Если же рассматривать безнадежность как отсутствие иллюзий, то можно предположить, что индивиды, воспитывающиеся в неполных семьях,

Таблица – Влияние состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды (апостериорный критерий Дункана)

Состав семьи	Наличие близкого друга	(1) M = 22,85	(2) M = 25,00	(3) M = 24,66	(4) M = 17,40
1. Неполная	есть		0,53	0,57	0,09
2. Неполная	нет	0,53		0,91	0,03
3. Полная	есть	0,57	0,91		0,03
4. Полная	нет	0,09	0,03	0,03	

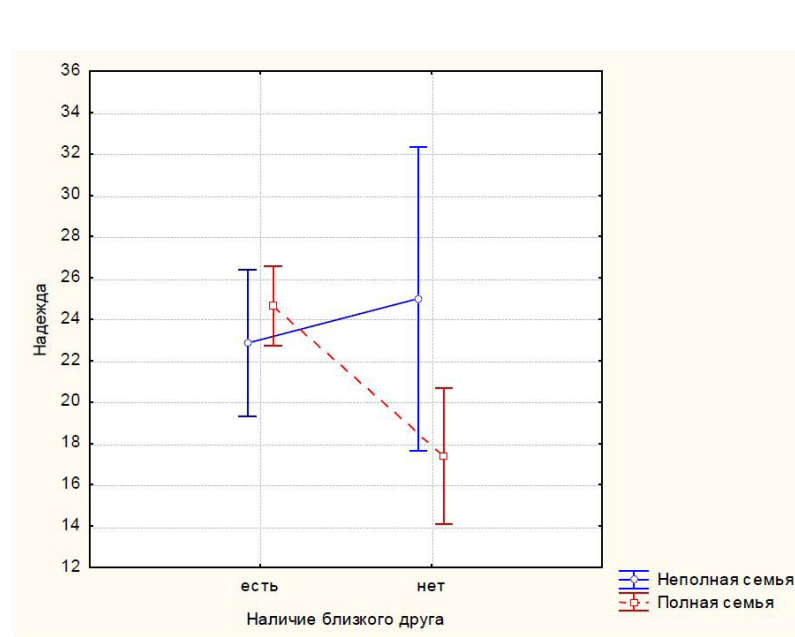

Рисунок 1 – Влияние состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды

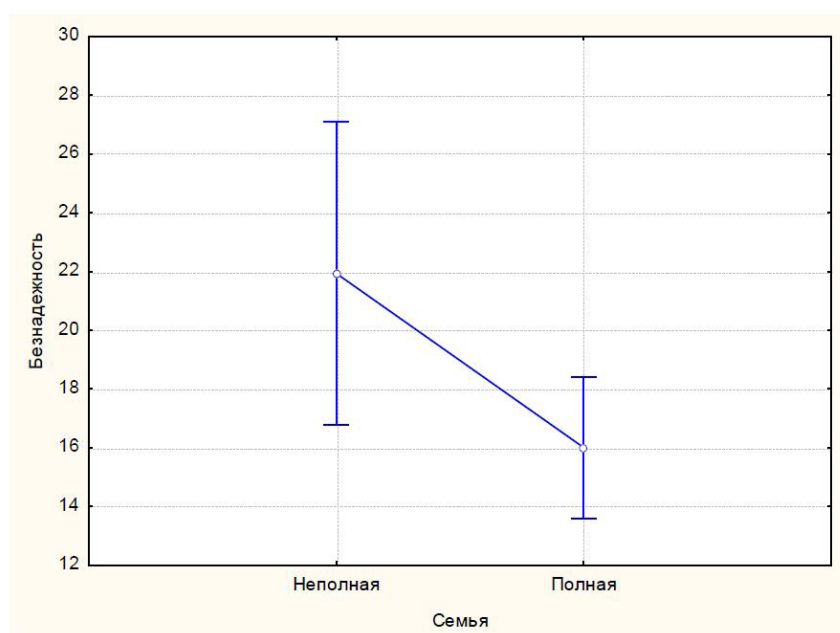

Рисунок 2 – Выраженность безнадежности у студентов из полных и неполных семей

сталкиваясь с различными трудностями, с неприятными аспектами жизни, вырабатывают более реалистичный взгляд в отношении перспективы собственной жизни, нежели их сверстники из полных семей.

Заключение. Обобщая результаты исследования, отметим, что его гипотеза частично подтвердилась: выявлено, что в юношеском возрасте такие социально-психологические факторы, как наличие близкого друга и состав семьи, совместно влияют только на выраженность надежды. Наиболее низкие показатели надежды обнаружены у студентов из полных семей при отсутствии близкого друга (по сравнению с испытуемыми из полных семей, у которых есть близкий друг, а также из неполных семей – при его отсутствии).

На выраженность безнадежности оказывает влияние только состав семьи. Для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей.

Перспектива исследования состоит в определении иных социально-психологических факторов надежды и безнадежности в юношеском возрасте и расширении выборки исследования.

Литература

1. Горбатков, А.А. Шкала надежды и безнадежности для подростков: некоторые аспекты валидности / А.А. Горбатков // Психологическая наука и образование. – 2002. – № 3. – С. 89–103.
2. Климонтова, Т.А. Надежда как фактор психологического благополучия личности / Т.А. Климонтова, Л.Б. Козьмина, Ю.В. Чепурко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6, ч. 2. – С. 270–274.
3. Мансурова, И.С. Надежда как фактор совладающего поведения в значимых жизненных ситуациях / И.С. Мансурова, Е.В. Ежак, К.Н. Кошко // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 65–70.
4. Ильин, Е.П. Психология надежды: оптимизм и пессимизм / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2015. – 288 с.
5. Блох, Э. Принцип надежды. Утопия и утопическое мышление / Э. Блох. – М., 2007. – 194 с.
6. Иоанн (Максимович). В чем заключается упование на Господа [Электронный ресурс] // Православная жизнь. – Режим доступа: <https://pravlife.or>. – Дата доступа: 25.02.2019.
7. Ильин, Е.П. Психифизиология состояний человека / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.
8. Андрусенко, В.А. Объективные основания надежды (мировоззренческий аспект) / В.А. Андрусенко // Вестн. Оренбург. ун-та. – 1999. – № 3. – С. 19–23.
9. Вершинин, С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха / С.Е. Вершинин. – Екатеринбург, 2000. – 293 с.
10. Лабунская, В.А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества / В.А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2011. – № 4. – С. 15–26.
11. Фадеева, Т.Ю. Представления о надежде в разных возрастных группах / Т.Ю. Фадеева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, вып. 3(23). – С. 267–272.
12. Муздыбаев, К. Феноменология надежды / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2000. – № 4. – С. 5–21.
13. Anxiety, Depression and Hopelessness in Adolescents: A Structural Equation Model / Sh. Cunningham [et al.] // J. Can. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry. – 2008. – Aug; 17(3). – P. 137–144.
14. Больнов, О.Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма / О.Ф. Больнов // Философская мысль. – 2001. – № 2. – С. 15–27.
15. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека: учеб. пособие / Е.Е. Сапогова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 461 с.
16. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. И.В. Дубровиной. – М.: МПСИ, 2012. – 150 с.
17. Горбатков, А.А. Шкала надежды-безнадежности: дименсиональная структура и ее детерминанты / А.А. Горбатков // Рос. психол. журнал. – 2007. – Т. 4, № 2. – С. 26–34.
18. Ушницкая, Н.Е. Проблемы воспитания ребенка в неполной семье / Н.Е. Ушницкая, М.И. Андросова // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 99–101.
19. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / под ред. К. Бейкер, А. Варга. – М.: Когито-центр, 2012. – 496 с.
20. Клипинина, В.Н. Гармонизация процесса воспитания подростков в неполной семье / В.Н. Клипинина, Е.В. Минич // Сацьяльна-педагогічна работа. – 2012. – № 7. – С. 3–6.

Поступила в редакцию 01.04.2019

Сравнительный анализ формирования психологических аспектов гендерной культуры студентов университета

Богомаз С.Л., Медвецкая Н.М., Матюшкова С.Д.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются проблемы и психологические аспекты формирования гендерной культуры у студентов университета. В последнее время гендерная проблематика все активнее стала заявлять о себе в различных отраслях научного знания. Эта тенденция коснулась и психологии. В психологических публикациях все чаще можно встретить такие понятия, как гендер, гендерный, гендерные исследования.

Изучение гендерной культуры является неотъемлемой частью большинства гуманитарных наук. В статье осуществлен сравнительный анализ психологических аспектов формирования гендерной культуры у студентов университета.

Цель работы – анализ влияния специфики получаемого образования на формирование у студентов гендерной культуры. Для реализации поставленной цели была определена следующая задача: выявить наличие знаний о гендере, степени выраженности гендерных стереотипов у студентов.

Материал и методы. В исследовании приняли участие студенты факультета физической культуры и спорта и факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова. При этом были использованы методики на выявление наличия у них уровней гендерной культуры.

Результаты и их обсуждение. В работе получены данные наличия различных представлений о гендерной культуре у студентов с различной направленностью образовательного процесса, но при этом их объединяет недостаток знаний по вопросам формирования гендерной культуры. В процессе подготовки будущего педагога к руководству формированием гендерной культуры необходимо выделить следующие этапы: этап актуализации самопознания в области гендерной культуры; этап усвоения необходимости формирования гендерной культуры учащихся как педагогической деятельности; этап практической деятельности по формированию гендерной культуры. Сравнительный анализ начального и заключительного этапов диагностики в контрольных и экспериментальных группах учащихся позволил установить изменения в отношениях к проблемам гендерной культуры, рост уровня гендерных знаний и умений формирования гендерной культуры. Рекомендовано формирование готовности проводить во взаимосвязи всех ее (гендерной культуры) компонентов на основе создания благоприятной психологической атмосферы на занятиях; применение на занятиях психологических задач, приближенных к реальным жизненным условиям; создание спецкурса с включением в него вопросов гендерной психологии с последующим вычленением данного раздела в отдельную дисциплину.

Заключение. В работе предложены методики исследования проблем гендерной культуры, повышения уровня гендерных знаний студентов и формирования у них гендерной культуры.

Ключевые слова: аспекты формирования гендерной культуры, студенты, знания о гендере.

A Comparative Analysis of Shaping the Psychological Aspects of University Students' Gender Culture

Bogomaz S.L., Medvetskaya N.M., Matyushkova S.D.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article discusses the problems and psychological aspects of shaping the gender culture of university students. Recently, gender issues have become increasingly active in various branches of scientific knowledge. This trend has also affected psychology. In psychological publications, one can increasingly come across such concepts as "gender", "gender related", "gender studies".

The study of gender culture is an integral part of most humanities. The article provides a comparative analysis of the psychological aspects of shaping university students' gender culture.

The purpose of the work is to study the influence of the specificity of education on shaping students' gender culture. To achieve this goal, the following tasks were identified: to find out the presence of knowledge about gender, the degree of the expression of students' gender stereotypes.

Material and methods. The study involved students of the Faculty of Physical Culture and Sports and the Faculty of Social Pedagogy and Psychology of Vitebsk State P.M. Masherov University using techniques for identifying the level of their gender culture.

Findings and their discussion. The work obtained data on the presence of different ideas about gender culture among students with different orientations of the educational process, but at the same time they are united by a lack of knowledge on gender culture shaping. In the process of training a would-be teacher for leadership in shaping the gender culture, it is necessary to distinguish the following stages: the stage of updating self-knowledge in the field of gender culture; the stage of mastering the need for shaping gender culture of students as a pedagogical activity and the stage of practical

activity for shaping gender culture. A comparative analysis of the initial and final stages of diagnosis in the control and experimental groups of students made it possible to establish changes in attitudes to the problems of gender culture, an increase in the level of gender knowledge and skills in shaping gender culture. The formation of readiness to conduct in the interconnection of all its (gender culture) components on the basis of creating a favorable psychological atmosphere in the classroom is recommended; the use in the classroom of psychological tasks close to real life conditions; the creation of a special course with the inclusion of gender psychology in it with the subsequent isolation of this section into a separate discipline.

Conclusion. The paper proposes methods of studying the problems of gender culture, increasing the level of gender knowledge of students and shaping their gender culture.

Key words: aspects of shaping the gender culture; students; gender knowledge.

Социальная трансформация белорусского общества сопровождается противоречивыми процессами в духовной сфере и неотделима от преобразования сложившихся ценностных систем. Современное общество непрерывно ищет новые подходы к решению нравственных проблем. В условиях ослабления воспитательной функции семьи и учреждений образования, при отсутствии программ гендерного воспитания, формирования гендерной культуры гендерная социализация превратилась в стихийный процесс.

Исследования по проблемам психологических аспектов и критериев наличия гендерной культуры в обществе представлены в широком диапазоне [1–4]. Поскольку большинство авторов однозначны во мнении, что сегодня не существует строгой системы полового и гендерного образования в школах, учреждениях среднего и даже высшего образования, то изучение гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью большинства социальных и гуманитарных наук. Среди обществоведческих дисциплин наиболее интенсивно в последние годы осваивает гендерную проблематику психология – с акцентом на психологические аспекты формирования основ гендерной культуры как важной составляющей общечеловеческой культуры любого развитого общества [1].

Существенные изменения в экономической и политической жизни за последние десятилетия обострили многие проблемы различных поколений. Но, общеизвестно, что никакие реформы не достигнут своей цели, если они будут оказывать негативное воздействие на психику и здоровье человека. Особенно остро эти проблемы отражаются на молодежи, и студенты по наличию психогенных факторов относятся к группе риска, поскольку обучение в высшем учебном заведении по сравнению со школой характеризуется значительно более высокой степенью напряженности и предъявляет повышенные требования к личности студента, его способности адаптироваться к новым условиям, добиваться собственной самореализации [2].

Известно, что высшее образование предусматривает подготовку будущих педагогов и психологов по определенным специальностям.

В то же время имеются так называемые междисциплинарные предметы. К ним можно отнести гендерологию, объектом изучения которой являются мужчины и женщины [3]. Известно, что в юношеском возрасте представители обоих полов достигают физической и половой зрелости, их уровень самосознания себя как личности и представителя противоположного пола значительно увеличивается. Поэтому именно в этом возрасте человек осознает сложность взаимоотношений между юношей и девушкой во всех психофизиологических и духовно-нравственных аспектах.

Гендерные исследования представлены в двух аспектах: реализация гендерного подхода как научной теории и исследовательской практики, образовательной практики, включающей разработку и преподавание гендерно-ориентированных учебных дисциплин. Особенно востребованы такие учебные дисциплины при подготовке специалистов психологической сферы, так как формирование нового гендерного сознания, свободного от стереотипов, может осуществляться только просвещенными в гендерной политике специалистами.

В последнее время гендерная проблематика все активнее стала заявлять о себе в различных отраслях научного знания. Эта тенденция коснулась и психологии. В психологических публикациях все чаще можно встретить такие понятия, как гендер, гендерный, гендерные исследования. Словарь гендерных терминов дает разъяснения, что «слово “гендер”» не имеет однозначного перевода на русский язык, а одно из значений слова “gender” определяется как “классификация пола, пол”, то есть “gender” – это категория, ссылающаяся на пол. Другое значение слова “gender” – “представление”, то есть гендер понимается как представление отношений, показывающее принадлежность к классу, группе» [4].

Гендерная культура – это культура взаимоотношений между полами. Она является базовым компонентом культуры личности. В работах Ю.Е. Алешиной, А.С. Волович актуализированы некоторые проблемы усвоения ролей мужчины и женщины в процессе жизни и даны критерии сформированности гендерной культуры. Ключевыми понятиями по их психологии являются: установление принятых в обществе взаимоотношений между юношами и девушками, мужчинами и

женщинами; наличие знаний о физиологических, психологических и эстетических особенностях представителей обоих полов; проявление заботы юношей и девушек друг о друге; наличие искренности, доверия, взаимопонимания, верности, честности во взаимоотношениях с представителями противоположного пола.

Цель данной научной работы – анализ влияния специфики получаемого образования на формирование у студентов гендерной культуры. Для реализации поставленной цели была определена следующая задача: выявить наличие знаний о гендере, степени выраженности гендерных стереотипов у студентов, обучающихся по различным специальностям в ВГУ имени П.М. Машерова.

Материал и методы. Материалом явились представленные в научной литературе исследования по гендерной проблематике. Нами был проведен сравнительный анализ, целью которого стало изучение влияния специфики получаемого образования на формирование у студентов культуры взаимоотношения между полами, т.е. гендерной культуры на примере факультета физической культуры и спорта (ФФК и С) и факультета социальной педагогики и психологии (ФСП и П).

В опросе приняли участие 172 студента ФФК и С и ФСП и П. В исследовании использовались: тест «Знаете ли вы психологию мужчины и женщины?»; тест С. Бем, помогающий определить у исследуемых развитие психологического пола (преобладание маскулинных, феминных, андрогинных черт характера); опросник «Гендерные стереотипы» И.С. Клециной; анкета на выявление гендерной культуры студентов.

Результаты и их обсуждение. При помощи методики опроса «Знаете ли вы психологию мужчины и женщины?», состоящего из 40 вопросов, проведены исследования студентов обоих факультетов [1]. Перечень вопросов теста включает противоположные утверждения о знаниях гендерной культуры, за каждый совпадающий с ключом ответ выставляется один балл, затем баллы суммируются. Ниже приведена оценка тестов на основании баллов (таблица 1).

Характерно, что 80% студентов ФФК и С составляли юноши 18–20 лет, занимающиеся активно физической культурой и спортом, причем 40% из них – спортсмены-разрядники. Девушки-спортсменки набрали по тесту в среднем 20–25 баллов, в то время как юноши отвечали более уверенно и диапазон их ответов соответствовал 25–27 баллам.

Характеристики ответов студентов и студенток ФСП и П наглядно отличались значительной осведомленностью психологии мужчины и женщины. Результаты исследований по психоло-

гическому тесту позволяют сделать заключения, что совпадения в ответах и итоговая сумма баллов у студентов факультета физической культуры и спорта характеризуют специфику поведения и физической деятельности студентов.

Таким образом, систематические занятия физической культурой и спортом влияют на их психическую и эмоциональную сферу. Личностное развитие человека осуществляется в течение всей его жизни. Поэтому качество личности не может быть абсолютным определением человека, но лишь относительным для данного момента развития и становления индивидуума, его самообразования [5].

Данная методика служит начальным этапом в выяснении наличия гендерной культуры у студентов, поскольку не является достаточно информативной. Для более достоверных результатов были проведены дополнительные исследования в тех же группах студентов.

На вопрос о существовании гендерных проблем в нашем обществе «нет» ответили большинство студентов обоих факультетов, значительный процент респондентов дали ответы «не знаю», «затрудняюсь ответить». Причем те незначительные знания о взаимоотношениях мужчин и женщин в обществе и семье, которыми обладают студенты, почерпнуты ими в кругу сверстников или через средства массовой информации. 40% опрошенных ощущают необходимость в дополнительных знаниях о гендерной культуре. Обращает на себя внимание тот факт, что ответ студентов ФФК и С на вопрос «Когда вы в первый раз слышали о гендере?» в 90% случаев был «Сейчас, во время анкетирования», а студенты ФСП и П этот ответ выбрали лишь в 8,6% случаев. Большинство будущих социальных педагогов узнали о гендере более 1 года назад. Тем не менее 60% респондентов ФФК и С и 55% ФСП и П представляют понятие «гендер» как «половые различия мужчин и женщин» и только 35% и 29% соответственно выбрали вариант «набор характеристик, определяющих социальное поведение женщин и мужчин». И только 5% опрошенных студентов ФФК и С не знают данного понятия.

Результаты проведенного опроса студентов обоих факультетов по методике С. Бем, которая определяет степень андрогинности, маскулинности и феминности личности (показатели феминности (F) и маскулинности (M); основной индекс (IS) равен $(F-M) \cdot 2,322$), представлены в таблице 2.

Большинство студентов ФФК и С имеют основной индекс < -1 (53%), что позволяет сделать заключение о выраженности у них маскулинности и в 25% случаев – о ярко выраженной степени данного гендерного стереотипа.

Юноши обоих факультетов представляют идеального мужчину сильным, смелым, мужественным, независимым, нравственным, вежливым, культурным, красивым и добрым. Идеал мужчины у девушек несколько отличается: сильный, умный, заботливый, понимающий, добрый, порядочный.

Гендерная культура предполагает наличие знаний о психологических особенностях мужчины и женщины – знаний психологии пола.

Известно, что мужчины выступают инициаторами большинства деловых свиданий. В ситуации, где нет распределения ролей, они чаще берут на себя роль лидера. Мужчины более склонны к авторитарности, а женщины – к демократии. Мужчинам лучше удается директивный и проблемно-ориентированный стиль социального лидера, а женщинам – стиль лидера, создающего и поддерживающего дух команды. Люди охотнее воспринимают «сильное и напористое» мужское руководство, чем «навязчивое и агрессивное» женское.

Важную роль в формировании гендерной культуры играют личные взгляды педагога по основным гендерным вопросам (дискриминация по признаку пола, роль женщины и мужчины в развитии общества, гендерные стереотипы, самореализация женщины и мужчины в семейной и профессиональной сферах и др.) [6].

Исследование гендерных стереотипов у студентов по методике И.С. Клециной, целью которого является выяснение мнения о различиях мужчин и женщин по двадцати чертам и свойствам личности, наиболее часто упоминающихся в литературе, отразило следующее (таблица 3, 4):

- большинство опрошенных студентов ФФК и С имеют низкий и средний индексы стереотипов по маскулинности и феминности (40% и 45%);
- большинство опрошенных студентов ФСП и П имеют высокий уровень стереотипов по маскулинности и феминности (65%).

Как известно, на макросоциальном уровне анализируются отношения в системах: «личность–общество, культура», «группа–общество, культура». Социально-психологическими детерминантами отношения этого уровня являются социальные представления, а детерминантами гендерных отношений выступают гендерные представления как отражения полового символизма. На уровне межгруппового взаимодействия отношения анализируются в системе «группа–группа». Детерминантами (социально-психическими) факторами отношений этого уровня служат социальные стереотипы, а детерминантами межполовых отношений являются гендерные стереотипы (таблица 5) [7].

На основе данных, полученных в ходе исследования, можно сделать вывод, что необходимо

в подготовку специалистов включать гендерную информацию. Распространение гендерных знаний может осуществляться по следующим направлениям:

- введение в учебные планы дисциплин по гендерной проблематике («Феминология», «Гендерология», «Основы гендерных исследований», «Гендерная психология»);

- включение материала по гендерным проблемам в содержание программ таких дисциплин, как «Психология», «История педагогики», «Социальная педагогика», «Педагогика семьи», «Культурология» и др.;

- специальные гендерные курсы: «Гендерные основы образования», «Основы гендерной культуры образования»;

- написание студентами курсовых и дипломных работ на темы, посвященные гендерным проблемам: «Гендерный анализ и его характеристика», «Гендерный подход в психологии», «Гендерные исследования и феминизм», «Использование гендерного анализа в образовательной среде» и др.

В ходе исследования было выявлено, что у студентов обоих факультетов разное представление о гендерной культуре и гендерных стереотипах. При этом объединяет их недостаток знаний по вопросам формирования гендерной культуры.

Таким образом, в результате изучения предложенных курсов студенты должны приобрести теоретические знания и научиться анализировать социальные проблемы с применением метода гендерной интерпретации.

По результатам исследования, описанного выше, на базе ФСП и П были реализованы основные направления распространения гендерных знаний [7]. В эксперименте приняли участие 112 студентов, обучающихся по специальности «Социальная педагогика. Практическая психология». При разработке направлений подготовки студентов к формированию гендерной культуры были использованы возможности спецкурса «Гендерные аспекты образования» и педагогической практики, в основу которой был положен субъективно-деятельностный подход.

Профессиональные качества личности как субъекта профессиональной деятельности формируются и проявляются в этой деятельности или деятельности ее моделирующей – учебной или учебно-профессиональной. При этом формирование данной готовности необходимо рассматривать во взаимосвязи с личным развитием студентов.

В процессе подготовки будущего социального педагога к руководству формированием гендерной культуры школьников необходимо выделить следующие этапы:

- актуализации самопознания в области гендерной культуры;

– усвоения необходимости формирования гендерной культуры учащихся как педагогической деятельности;

– практической деятельности по формированию гендерной культуры школьников.

Первый этап в системе эксперимента определил адаптацию студентов к новым условиям их жизнедеятельности, активизировавшую у них процессы познания собственных индивидуально-психологических особенностей. Основной целью первого этапа подготовки к формированию гендерной культуры было развитие мотивационного компонента готовности. При этом предусматривалась реализация следующих задач: актуализация у студентов потребности в личностном и профессиональном самосознании, развитие у них рефлексии, обеспечение познания своих профессионально значимых качеств средствами диагностики, потребление опыта конструктивного самопознания.

Реализации данных задач способствовало содержание интегрированного курса «Гендерные аспекты образования», при изучении которого уделялось внимание теоретическим и практическим основам. Спецкурс дает возможность углубить и систематизировать знания будущих педагогов в области гендерного образования и воспитания, а также позволяет студентам ознакомиться с основными понятиями курса, гендерными теориями, теориями формирования гендера, методами гендерного исследования.

Прохождение курса раскрывает целесообразность и возможности применения гендерного подхода в различных областях педагогического знания, учит самостоятельно ориентироваться в научной литературе по изучаемой проблеме, осуществлять гендерный анализ и интерпретировать статистические данные и результаты исследований по проблематике курса и т.д.

В процессе работы использовались возможности аудиторной, внеаудиторной и самостоятельной работы студентов. Диагностика, проведенная до начала эксперимента, позволила выявить невысокий уровень сформированности гендерной культуры студентов (экспериментальная группа). Средний коэффициент сформированности гендерной культуры студентов (ГКср) составил 3 балла, что указывает на средний уровень (таблица 6).

В начале анализа сформированности гендерной культуры студентов было сформулировано предположение, что распределение студентов по уровням проявления признака в контрольной и экспериментальной группах до начала эксперимента одинаковое, после эксперимента различное. Для определения достоверности совпадений

и различий в уровне гендерной культуры студентов мы использовали критерий однородности χ^2 , эмпирическое значение $\chi^2_{\text{эмп}}$. В нашем случае применяется порядковая шкала с L различными баллами. Характеристикой группы будет число ее членов, набравших тот или иной балл.

Уровни сформированности гендерной культуры студентов в контрольной и экспериментальной группах до и после эксперимента представлены в таблице 7.

Сформированность гендерной культуры студентов рассматривалось на четырех уровнях $L = 4$. Следовательно, $L - 1 = 3$. Таблица 8 отражает уровни для $L - 1 = 3$: $\chi^2_{0,05} = 7,82$.

Все эмпирические значения критерия χ^2 , кроме результата $\chi^2_{\text{эмп}} = 11,72$ сравнения экспериментальной и контрольной групп после окончания эксперимента, меньше критического значения. Следовательно, характеристики всех сравниваемых выборок, кроме экспериментальной и контрольной после окончания эксперимента, совпадают с уровнем значимости 0,05.

Из полученных данных можно сделать вывод, что эффект представленных изменений обусловлен именно применением экспериментальной методики обучения.

Сравнительный анализ начального и заключительного этапов диагностики в контрольных и экспериментальных группах позволил установить рост уровня гендерной культуры.

Так, например, средний коэффициент сформированности гендерной культуры студентов в контрольной группе до начала и после эксперимента не изменился, а в экспериментальной группе вырос.

Результаты диагностики отношения студентов факультета социальной педагогики и психологии к формированию гендерной культуры показали: 8,6% респондентов отрицательно относятся к формированию гендерной культуры; 10,3% – безразличное отношение; 20% – данная тема мало интересует; 55,2% – нормальное отношение; 6,9% – проявляют повышенный интерес к предложенной теме.

Исследование уровня знаний студентов в области гендерной культуры показало, что у 20,69% респондентов знания отсутствуют; у 44,83% – низкий уровень; у 22,41% – средний уровень; у 12,07% – достаточный. Никто из опрошенных не оценил свой уровень гендерных знаний как высокий.

Изучение уровня умений студентов в формировании гендерной культуры показало, что у 31% респондентов умения отсутствуют; у 36,2% – низкий уровень; у 18,9% – средний; у 13,8% – достаточный. Никто из опрошенных не оценил свой уровень

Таблица 1 – Результаты исследования различий знаний психологии у студентов

Факультет, м/ж	0–11 баллов	12–20 баллов	21–32 балла	33–40 баллов
ФФК и С	1/3	20/18	76/78	3/1
ФСП и П	10/10	54/56	34/30	2/4

Таблица 2 – Гендерная оценка степени гендерного стереотипа по методике С. Бем

Факультет	Основной индекс (IS) %				
	±1	<-1	>+1	<-2,025	>+2,025
ФФК и С	15	53	7	25	–
ФСП и П	1	14	70	–	15

Таблица 3 – Степени значимости черт характера у юношей

ФФК и С	ФСП и П
Соревновательность, активность, агрессивность, авторитарный стиль общения, уважение к себе, сила, выносливость	Целеустремленность, уступчивость, уверенность в себе, заботливость, уважение к себе, стремление руководить, математические способности

Таблица 4 – Степени значимости черт характера у девушек

ФФК и С	ФСП и П
Разговорчивость, умение строить отношения, стремление руководить, уважение к себе, соревновательность, активность	Заботливость, эмоциональность, застенчивость, умение строить отношения, тревожность уважение к себе, скромность

Таблица 5 – Распределение индексов гендерных стереотипов

Факультет	Индексы гендерных стереотипов (степени)		
	Низкая	Средняя	Высокая
ФФК и С	40	45	15
ФСП и П	10	25	65

Таблица 6 – Общий коэффициент сформированности гендерной культуры студентов

	контрольная группа до начала эксперимента	контрольная группа после окончания эксперимента	экспериментальная группа до начала эксперимента	экспериментальная группа после окончания эксперимента
ГКср	2,94	2,96	3	3,55

Таблица 7 – Уровни сформированности гендерной культуры студентов в контрольной и экспериментальной группах до и после эксперимента

Уровень знаний	контрольная группа до начала эксперимента		экспериментальная группа до начала эксперимента		экспериментальная группа до начала эксперимента		экспериментальная группа после окончания эксперимента	
	Абс. доли	%	Абс. доли	%	Абс. доли	%	Абс. доли	%
очень низкий	0	0	0	0	0	0	0	0
низкий	4	7,4	4	7	4	7,40	0	0

средний	49	90,7	49	84,50	48	88,88	26	45
высокий	1	1,85	5	8,50	2	3,70	32	55
всего	54	100	58	100	54	100	58	100

Таблица 8 – Критические значения критерия χ^2 для уровня значимости $\alpha = 0,05$

L-1	1	2	3	4	5	6	7	8	9
$\chi^2_{0,05}$	3,84	5,99	7,82	9,49	11,07	12,59	14,07	15,52	16,92

Таблица 9 – Результаты работы по подготовке студентов экспериментальной группы до начала и после эксперимента факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова к формированию гендерной культуры (первый этап)

Показатели		Оценка показателей в процентах				
		1	2	3	4	5
Отношение к формированию гендерной культуры	До эксперимента	8	10	20	55	7
	После эксперимента	2	2	3	62	31
Уровень знаний в области формирования гендерной культуры	До эксперимента	20,7	44,8	22,4	12,1	0
	После эксперимента	–	2	30	58	10
Уровень умений по формированию гендерной культуры	До эксперимента	31	36,3	18,9	13,8	0
	После эксперимента	2	12	26	55	5
Адекватность самооценки	До эксперимента	2	2	36	60	0
	После эксперимента	0	3	13,8	69,4	13,8

умений в формировании гендерных знаний как высокий.

Сравнительный анализ начального и заключительного этапов диагностики в контрольных и экспериментальных группах позволил установить изменения в отношениях к проблемам гендерной культуры, рост уровня гендерных знаний и умений формирования гендерной культуры. Основные результаты работы по подготовке студентов экспериментальной группы до начала и после эксперимента факультета социальной педагогики психологии ВГУ имени П.М. Машерова к формированию гендерной культуры отражены в таблице 9.

На втором этапе проводилась преимущественно самостоятельная работа по развитию компонентов готовности к формированию гендерной культуры. Особое место на данном этапе по подготовке студентов к формированию гендерной культуры отводилось выполнению курсовой работы. Целенаправленная работа со студентами экспериментальной группы по готовности к формированию гендерной культуры в школе отразилась на результатах производственной педагогической практики, которая проходила в учреждениях образования города Витебска и Витебской области.

В программу педагогической практики было включено задание по формированию гендерной культуры, которое они должны были выполнить в процессе прохождения практики в школе.

Третий этап формирования профессиональной готовности к формированию гендерной культуры в школе имел целью развитие компонента готовности будущего социального педагога к формированию гендерной культуры.

Общий анализ результатов экспериментальной работы основывается на использовании системы рейтинга студентов по оцениванию их готовности к формированию гендерной культуры у учащихся. Рейтинг включал суммарные значения усредненных баллов, выставляемых каждому студенту им самим. Использованные методики позволили выявить уровни готовности студентов к формированию гендерной культуры: низкий, средний и высокий.

Низкий уровень готовности характеризуется отсутствием интереса к проблеме формирования гендерной культуры и нежеланием осуществлять эту работу в учреждении образования, а также отсутствием необходимых знаний, умений и навыков.

Средний уровень готовности характеризуется интересом к проблеме формирования гендерной культуры, имеющимся необходимым объемом знаний и попытками помочь разобраться в этих вопросах учащимся.

Высокий уровень готовности характеризуется проявлением заинтересованности к проблеме формирования гендерной культуры, дети имеют систему знаний в данной области, постоянно ее пополняют, успешно решали педагогические задачи во время прохождения практики, эффективно использовали комплекс необходимых методик.

Результативность подготовки студентов ФФС и П к формированию гендерной культуры в экспериментальной группе оказалась значительно выше, по сравнению с контрольной, где не осуществлялась такая целенаправленная подготовка [8].

Заключение. В результате исследования было выявлено, что у студентов двух факультетов ФСП и П и ФФК и С имеется разное представление о гендерной культуре. При этом их в неодинаковой мере объединяет недостаток знаний по вопросам формирования гендерной культуры.

Данный факт можно объяснить спецификой получаемого образования студентов с формированием различных аспектов личности. Так, студенты, занимающиеся физической культурой и спортом, в 75% представляют юношей, а будущие социальные работники и психологи – девушек.

Предложенный выше исследовательский материал используется в психологической подготовке студентов ФФС и П в рамках преподаваемых дисциплин и рекомендован к изучению на ФФК и С в качестве специального курса для осознания

необходимости осуществления их профессиональной деятельности и формирования готовности во взаимосвязи всех ее (гендерной культуры) компонентов на основе создания благоприятной психологической атмосферы на занятиях. Эти дисциплины помогают студентам приобрести теоретические знания и научиться анализировать социальные проблемы с применением метода гендерной интерпретации для представления о социокультурных, медико-биологических и психологических факторах, влияющих на самоопределение мужчин и женщин в современном обществе.

Литература

1. Алешина, Ю.Е. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины / Ю.Е. Алешина, А.С. Волович // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С. 74–82.
2. Хвостов, А.А. Гендерные особенности организационного поведения / А.А. Хвостов // Вопросы психологии. – 2004. – № 3. – С. 29–37.
3. Клецина, И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии / И.С. Клецина // Вопросы психологии. – 2003. – № 1. – С. 61–78.
4. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток – Запад: Женские инновационные проекты». – М.: «Информация – XXI век», 2002. – 256 с.
5. Надолинская, Л.Н. Влияние гендерных стереотипов на воспитание и образование / Л.Н. Надолинская // Педагогика. – 2004. – № 5. – С. 30–35.
6. Знаков, В.В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 1. – С. 41–51.
7. Медвецкая, Н.М. Сравнительно-сопоставительный анализ гендерных представлений и установок студентов факультета физической культуры и спорта и факультета социальной педагогики и психологии / Н.М. Медвецкая, С.Д. Матюшкова // Весн. Вісн. дзярж. ун-та. – 2010. – № 3(57). – С. 147–152.
8. Голод, С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация / С.И. Голод // Человек. – 2004. – № 4. – С. 113–123.

Поступила в редакцию 10.07.2019

Различия в социальных репрезентациях зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса

Климович Д.В.

Белорусский государственный университет

Индустрия туризма и гостеприимства – сфера, где межличностное взаимодействие является доминирующим фактором, обеспечивающим высокий уровень сервиса, который, в свою очередь, не может быть достигнут без учета персоналом особенностей психологии и норм поведения гостей – представителей различных стран и культур. Вместе с тем вопрос о том, как специалисты индустрии туризма и гостеприимства репрезентируют иностранных гостей, остается не до конца изученным.

Цель работы – определение содержания социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса.

Материал и методы. В данном эксперименте приняло участие 107 работников гостиничных предприятий в возрасте от 18 до 57 лет. Для исследования была выбрана методика личностного семантического дифференциала, адаптированная сотрудниками НИИ имени В.М. Бехтерева.

Результаты и их обсуждение. В результате проведения кластерного анализа было выявлено 6 кластеров. Первый кластер образовали представители России, Украины и Италии. Второй кластер сформировали исключительно представители Беларуси. В третий кластер вошли представители Китая, Израиля и Турции. Четвертый кластер образовали представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарии и Германии. В состав пятого кластера вошли представители США, Франции и Польши, а шестой кластер сформировали представители Литвы, Латвии и Эстонии. На основе проведенной кластеризации были описаны внутрикластерные различия по 21 критерию семантического дифференциала.

Заключение. Полученные данные могут стать основой для создания программ, направленных на улучшение межкультурного взаимодействия, поиск разрешения межнациональных проблем и коррекцию поведения работников индустрии гостеприимства.

Ключевые слова: социальные репрезентации, семантический дифференциал, гостиничный бизнес, индустрия гостеприимства, иностранные туристы.

Differences in the Social Representations of Foreign Guests According to the Hotel Business Employees

Klimovich D.V.

Belarusian State University

The tourism and hospitality industry is a sphere where interpersonal interaction is the dominant factor providing a high level of service, which can't be achieved without taking into account the psychology and behavior of guests from different countries and cultures. At the same time, the question of how specialists in the tourism and hospitality industry represent foreign guests remains not fully understood.

The purpose of the work is to identify and describe close and significantly different groups of foreign guests.

Material and methods. 107 employees of hotel enterprises aged 18 to 57 years old took part in the research. For the research the method of personal semantic differential, adapted by the staff of V.M. Bekhterev Research Institute was chosen.

Findings and their discussion. As a result of a cluster analysis, 6 clusters were identified. The first cluster was formed by representatives from Russia, Ukraine and Italy. The second cluster was formed exclusively by representatives of Belarus. The third cluster included representatives from China, Israel and Turkey. The fourth cluster was formed by representatives from the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Switzerland and Germany. The fifth cluster included representatives of the United States, France and Poland, and the sixth cluster was formed by representatives of Lithuania, Latvia and Estonia. As a result of clustering intracluster differences by 21 criteria of the semantic differential were described.

Conclusion. The research data can be the basis for development programs improving intercultural interaction, finding solutions to inter-ethnic problems and correcting the behavior of employees of the hospitality industry.

Key words: social representations, semantic differential, hotel business, hospitality industry, foreign tourists.

Стремительные процессы глобализации и интеграции способствуют многократному увеличению количества контактов в системе социальных отношений между представителями различных культур. Для улучшения межкультурного взаимодействия и поиска разрешения межнациональных проблем необходимо исследование механизмов и процессов, участвующих в кросскультурном социальном взаимодействии.

Люди различных национальностей склонны взаимодействовать между собой через призму собственных паттернов. Неверные, не соответствующие действительности, или негативные представления могут спровоцировать разного рода разногласия, противоречия и конфликты. Полноценное общение и сотрудничество, управление качеством оказываемых услуг, социально-политическое взаимодействие невозможны без знания особенностей социальных репрезентаций представителей других наций у лиц, осуществляющих с ними непосредственное взаимодействие. Исследования, проведенные в данной области, сделают возможным создание коммуникативных и информационных программ, основанных на выявленных закономерностях социальных репрезентаций для сферы подготовки и переподготовки кадров, включая обучение менеджеров и представителей контактного персонала предприятий торговли, туризма и гостеприимства, представителей дипломатического корпуса, предпринимателей, осуществляющих международную экономическую деятельность, и других заинтересованных лиц. Полученная информация также может быть использована в рамках повышения эффективности проведения политических мероприятий. Исследовательская информация, для повышения ее доступности и репрезентативности, может быть интегрирована в информационные базы, направленные на устранение информационной недостаточности в отношении психологических особенностей представителей различных национальностей, а также соответствующих им социальных репрезентаций у представителей различных профессиональных групп. Кроме того, данная исследовательская информация также может быть использована при проведении лонгитюдных исследований, направленных на мониторинг динамики социальных репрезентаций.

Особую актуальность изучение социальных репрезентаций о представителях иных национальностей приобретает для индустрии туризма и гостеприимства, поскольку это сфера, где межличностное взаимодействие является доминирующим фактором, обеспечивающим уровень сер-

виса. Высокое качество сервиса, в свою очередь, не может быть достигнуто без учета персоналом особенностей психологии и норм поведения гостей – представителей различных стран и культур. Вместе с тем вопрос о том, насколько специалисты индустрии туризма и гостеприимства способны к репрезентированию и оценке иностранных гостей, остается не до конца изученным. Не ясно, в какой мере специалисты учитывают объективные характеристики, присущие различным национальным культурам, а в какой – поступают согласно сложившимся стереотипам. Правильное представление об иностранных гостях исключительно важно для профессионала в сфере туризма и гостеприимства, поскольку оно является основополагающим при построении качественного взаимодействия и, следовательно, повышении лояльности клиентов.

Перспективным подходом в понимании взаимосвязи факторов, детерминирующих поведение людей, выступает изучение социальных репрезентаций. С. Московичи определяет социальные репрезентации как «осмысленные знания, которые являются в современном обществе эквивалентом тому, что в традиционных обществах рассматривается как мифы и верования, которые, в этой связи, могут быть названы “современной версией здравого смысла”» (цит. по: [1, с. 204]).

Еще одно определение понятия социальных репрезентаций принадлежит Д. Жодле: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми» [2, р. 361].

К. Фламан и М.-Л. Рукетт различают три уровня понимания социальных представлений и предлагают три определения. Первое является дескриптивным и предполагает, что представление может в общем виде трактоваться как «способ видения мира, который выражается в суждении и в действии». Второе определение признается концептуальным и обозначает представление через «совокупность знаний, аттитудов и убеждений», в которых выражаются принятие позиций, ценности

и нормативные предписания. Последнее определение является операциональным, представления рассматриваются как «совокупность когнитивных элементов, связанных глубинными отношениями с определенной группой» (цит. по: [3, с. 55]).

Изучение социальных репрезентаций иностранных туристов у работников предприятий гостиничного бизнеса в рамках теории С. Московичи позволит решить ряд исследовательских задач. Во-первых, проанализировать представления об иностранных туристах для обнаружения возможных проблемных зон, разработки предложений по обучению и коррекции поведения работников индустрии гостеприимства; во-вторых, внести вклад в теорию социальных репрезентаций путем выявления новых закономерностей. Кроме того, интерес может представлять соотнесение полученных данных с данными самооценки представителей исследуемых стран, а также оценку работниками предприятий гостеприимства аналогичных групп туристов из других стран. Также выявление подобного рода репрезентаций сделает возможным их учет в процессе отбора, найма и профессиональной ориентации персонала.

Цель работы – определение содержания социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса.

Материал и методы. Исследование было проведено в гостиничных предприятиях г. Минска различной звездности – от безкатегорийных до пятизвездочных. Выборка состояла из респондентов в возрасте от 18 до 57 лет в количестве 107 человек, среди которых 80 женщин и 27 мужчин. Респонденты были представителями таких должностей, как администраторы, консьержи, швейцары, специалисты по бронированию, телефонные операторы, менеджеры, супервайзеры, горничные, метрдотели, бармены, официанты, крупье, охранники и инструкторы по физической подготовке.

Для исследования была выбрана методика личностного семантического дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ имени В.М. Бехтерева), содержащая 21 биполярную шкалу [4; 5]. Данный вариант психосемантической методики включает полюса трех классических факторов семантического дифференциала: оценки, силы и активности. Методика позволяет изучить отношение как к другим людям, так и к самому себе.

Результаты и их обсуждение. С помощью анализа статистических данных въездного туризма были определены страны-лидеры по поставке туристов в Республику Беларусь (рисунок 1). Таким образом, объектами матрицы личностного семантического дифференциала стали представители данных стран. Далее испытуемым – работ-

никам сферы гостеприимства – было предложено оценить каждый объект по 7-балльной шкале, заданной биполярными конструктами.

Для получения наиболее полной картины вариативности социальных репрезентаций представителей различных стран, а также с целью выделения близких и существенно различающихся групп иностранных гостей был проведен кластерный анализ (рисунок 2).

Наиболее схожими оказались представители Литвы и Латвии, Польши и Франции, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Швейцарии, Турции и Израиля, Украины и Италии (рисунок 2).

На низшем, элементарном, уровне иерархии целесообразно было выделение шести базовых кластеров, поскольку дальнейшее дробление объектов содержательно не продуктивно и статистически не обосновано. В первый кластер вошли представители России, Украины и Италии. Второй кластер образовали исключительно представители Беларуси, которые существенно, статистически значимо, отличались даже от ближайшей к ним группы туристов, в свою очередь, сформировавших третий кластер – Китай, Израиль и Турция. В состав четвертого кластера вошли представители следующих стран: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Швейцария и Германия. Пятый кластер образовали представители США, Франции и Польши, а шестой кластер сформировали представители Литвы, Латвии, Эстонии (рисунок 2).

Первый кластер образовали представители России, Украины и Италии (рисунок 2). Представители Италии оказались более обаятельными ($p \leq 0,01$), разговорчивыми ($p \leq 0,01$), открытыми ($p \leq 0,01$), независимыми ($p \leq 0,05$), деятельными ($p \leq 0,01$), отзывчивыми ($p \leq 0,01$), энергичными ($p \leq 0,01$), дружелюбными ($p \leq 0,01$) и общительными ($p \leq 0,01$), чем представители России (рисунок 3), которые, в свою очередь, были признаны более раздражительными ($p \leq 0,01$).

По сравнению с представителями Украины, представители Италии (рисунок 3) были признаны более независимыми ($p \leq 0,01$), энергичными ($p \leq 0,05$), отзывчивыми ($p \leq 0,05$), дружелюбными ($p \leq 0,01$) и уверенными ($p \leq 0,05$).

Украинцы, по мнению работников индустрии гостеприимства, оказались более разговорчивыми ($p \leq 0,05$), открытыми ($p \leq 0,05$), отзывчивыми ($p \leq 0,01$), по сравнению с россиянами. Россияне же, в свою очередь, были признаны более уверенными ($p \leq 0,05$), упрямыми ($p \leq 0,01$) и раздражительными ($p \leq 0,01$), нежели представители украинской национальности (рисунок 3).

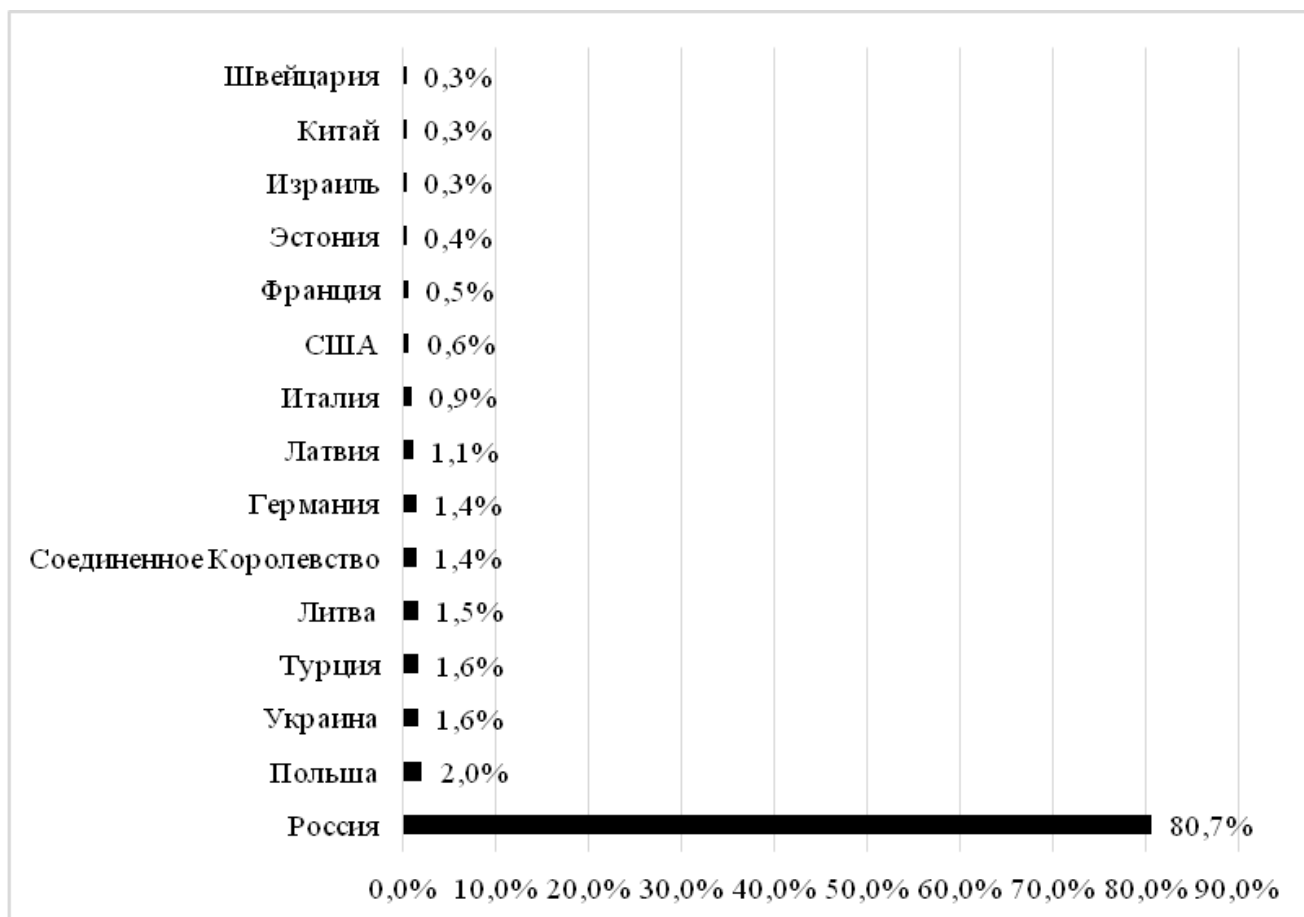

Рисунок 1 – Распределение по странам мира иностранных туристов, принятых в Республике Беларусь с 2011 по 2015 год организациями, осуществляющими туристическую деятельность

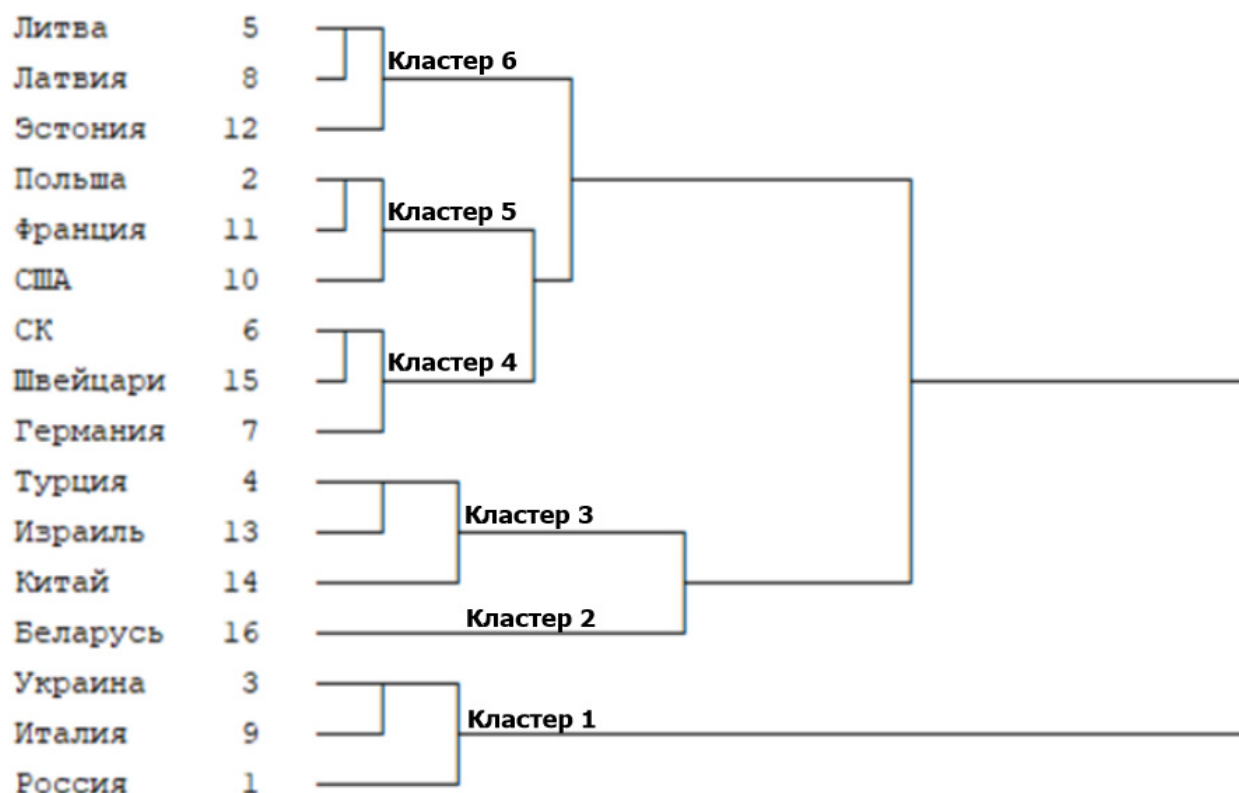

Рисунок 2 – Кластеризация социальных репрезентаций зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса

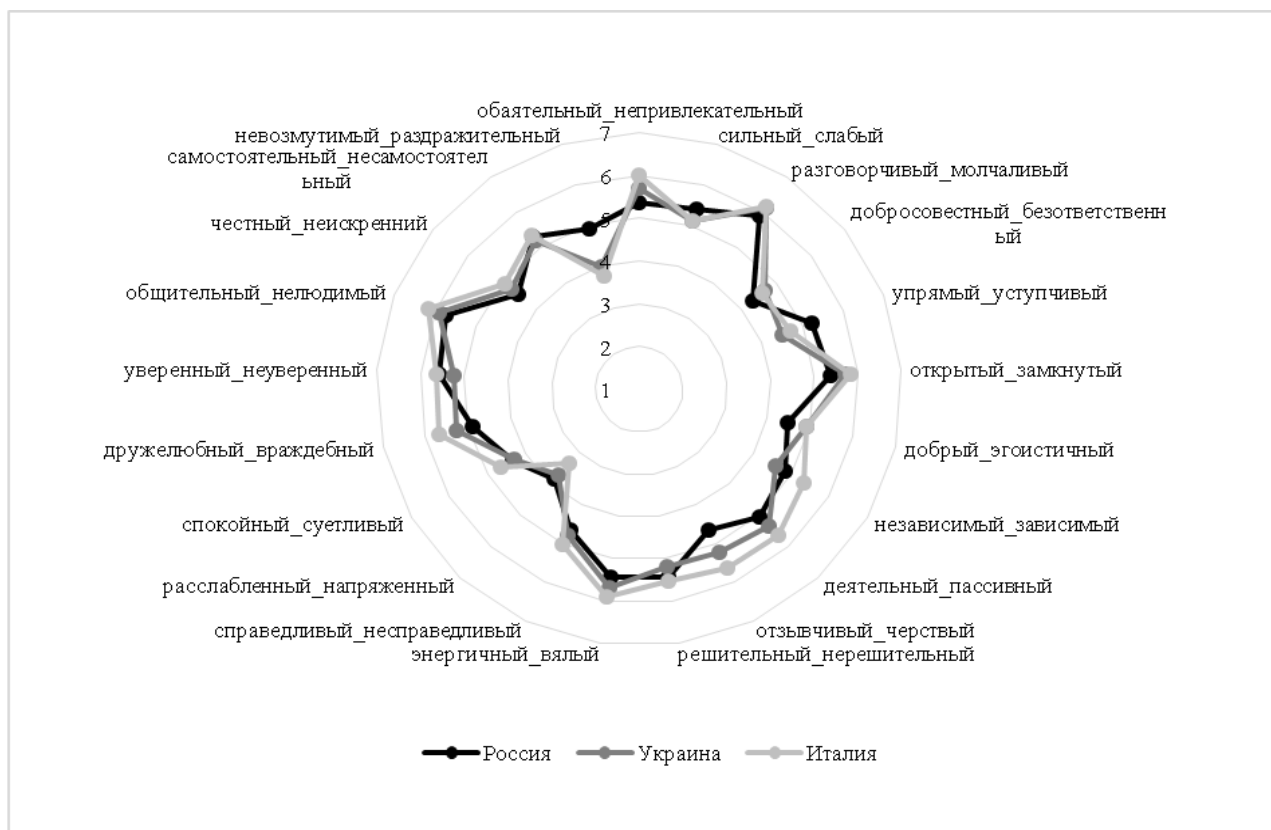

Рисунок 3 – Различия в социальных репрезентациях представителей первого кластера

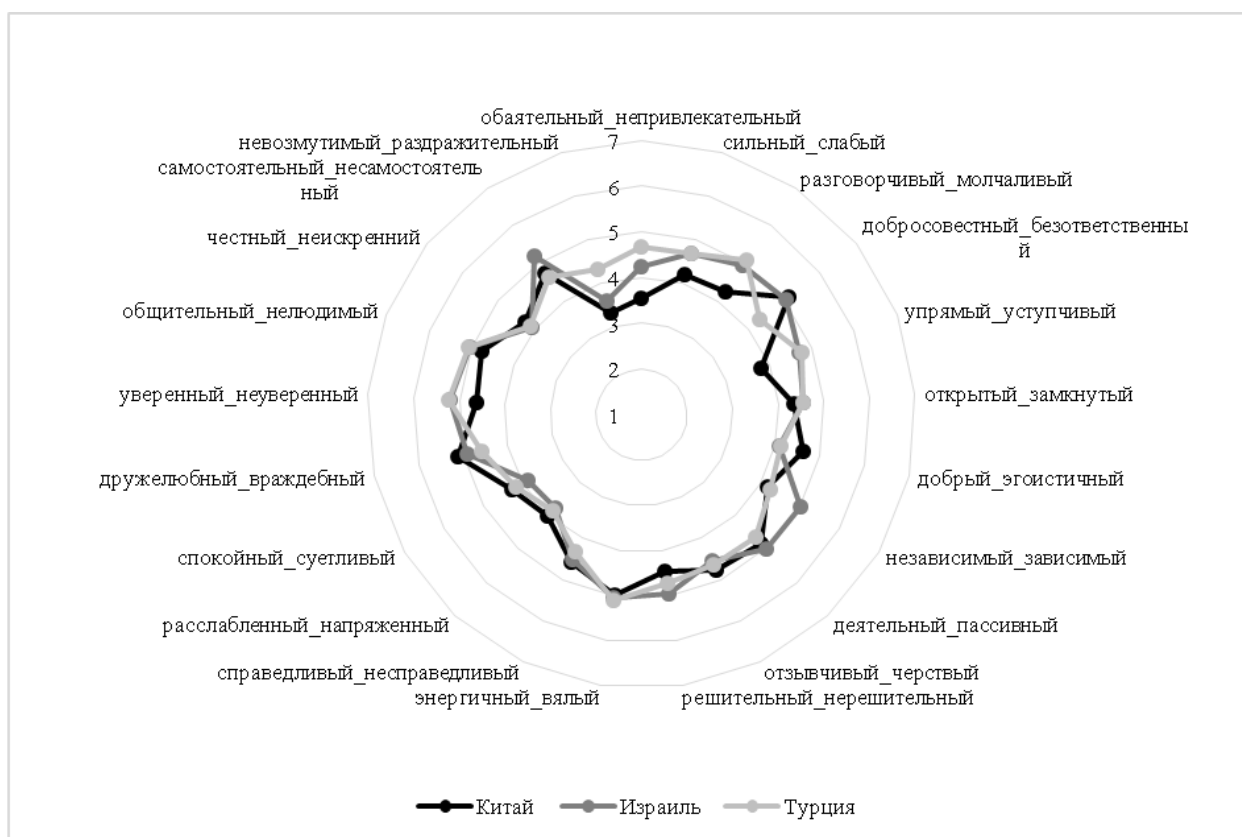

Рисунок 4 – Различия в социальных репрезентациях представителей третьего кластера

Рисунок 5 – Различия в социальных репрезентациях представителей четвертого кластера

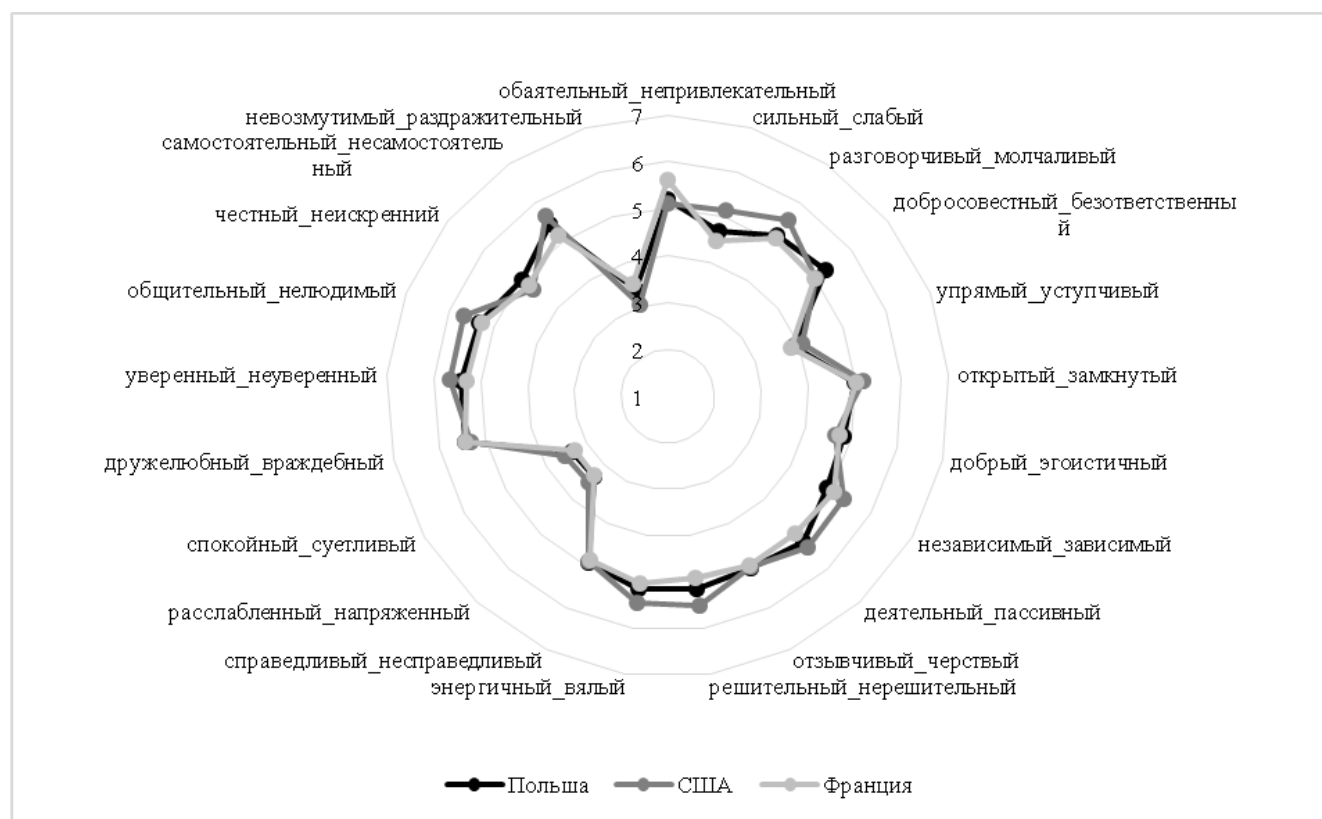

Рисунок 6 – Различия в социальных репрезентациях представителей пятого кластера

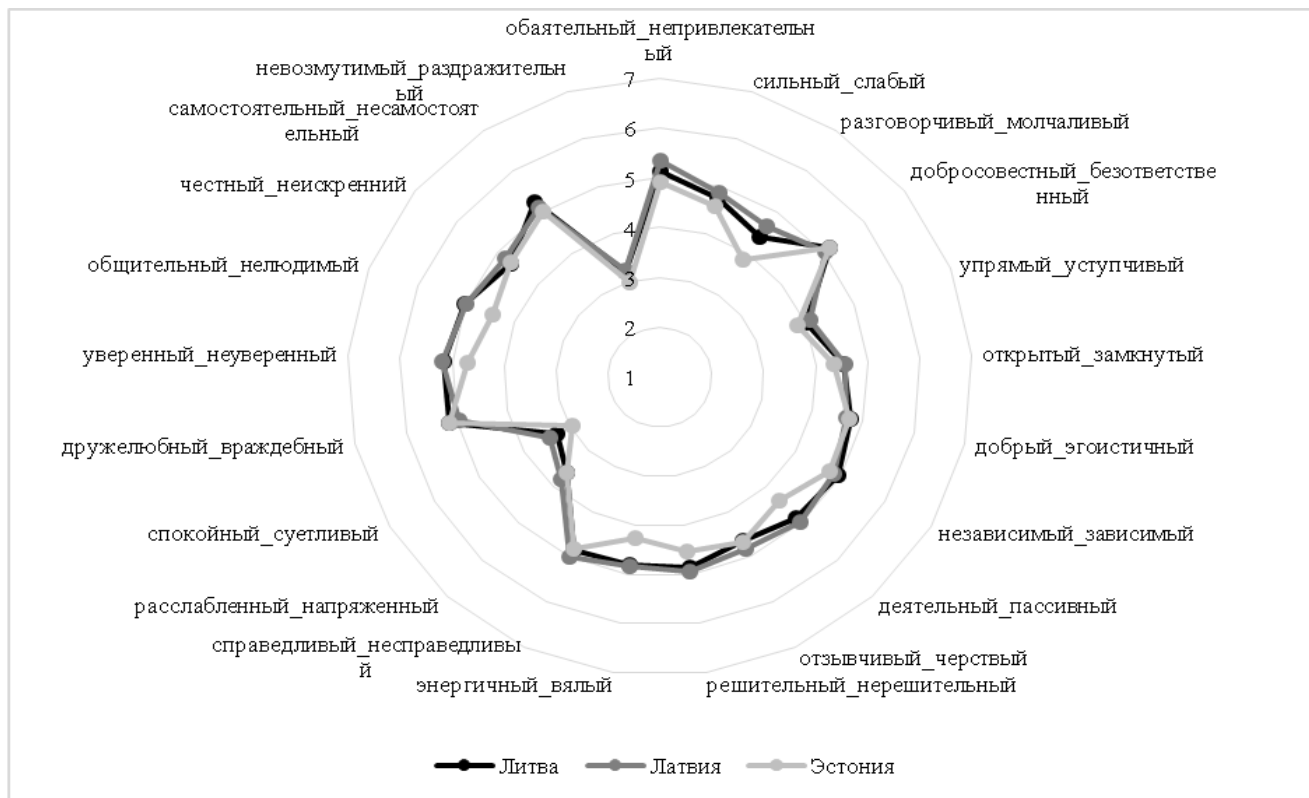

Рисунок 7 – Различия в социальных репрезентациях представителей шестого кластера

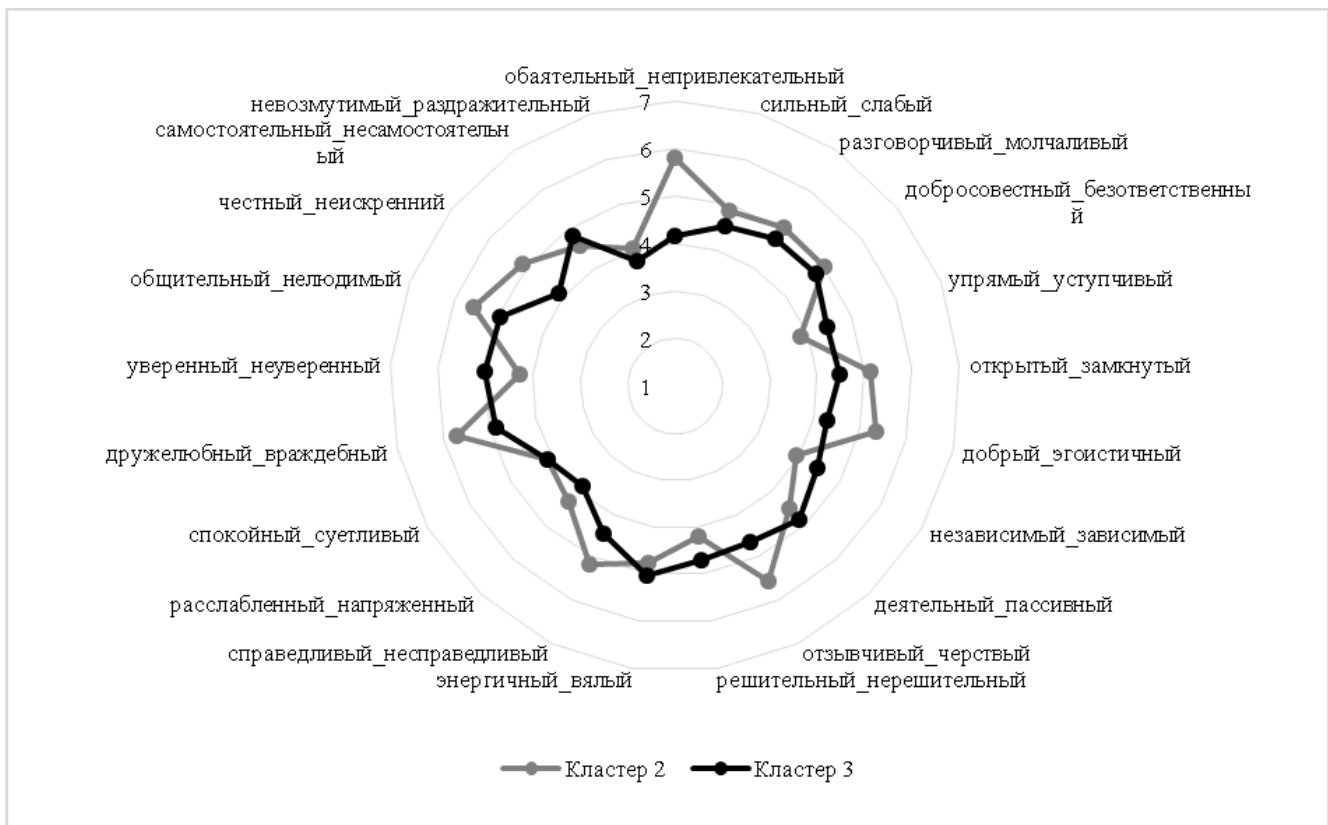

Рисунок 8 – Различия в социальных репрезентациях представителей второго и третьего кластеров

Между представителями стран, образующих первый кластер, статистически значимых различий не было выявлено по конструктам сильный–слабый, добросовестный–безответственный, добрый–эгоистичный, решительный–нерешительный, справедливый–несправедливый, расслабленный–напряженный, спокойный–суетливый, честный–неискренний, самостоятельный–несамостоятельный.

Третий кластер состоял из представителей Китая, Израиля и Турции (рисунок 2). Туристы из Израиля (рисунок 4) представлялись работникам индустрии гостеприимства как более добросовестные ($p \leq 0,01$), независимые ($p \leq 0,01$) и самостоятельные ($p \leq 0,05$), по сравнению с туристами из Турции, которые, в свою очередь, были признаны более раздражительными ($p \leq 0,01$).

Также представители Израиля (рисунок 4) оказались более обаятельными ($p \leq 0,05$), разговорчивыми ($p \leq 0,05$), независимыми ($p \leq 0,01$) и уверенными ($p \leq 0,01$), чем представители Китая, которые оказались более упрямыми ($p \leq 0,01$).

Представители Китая (рисунок 4) были признаны в большей степени добросовестными ($p \leq 0,01$) и дружелюбными ($p \leq 0,01$), нежели представители Турции, которые, в свою очередь, оказались более обаятельными ($p \leq 0,01$), разговорчивыми ($p \leq 0,01$), упрямыми ($p \leq 0,01$), уверенными ($p \leq 0,01$) и раздражительными ($p \leq 0,01$).

По конструктам сильный–слабый, открытый–замкнутый, добрый–эгоистичный, деятельный–пассивный, отзывчивый–черствый, решительный–нерешительный, энергичный–вялый, справедливый–несправедливый, расслабленный–напряженный, спокойный–суетливый, общительный–нелюдимый, честный–неискренний между представителями стран, входящих в состав третьего кластера, статистически значимых различий обнаружено не было.

Четвертый кластер сформировали представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарии и Германии (рисунок 2). Между представителями Швейцарии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии статистически значимых различий выявлено не было (рисунок 5).

Представители Германии (рисунок 5) оказались более сильными ($p \leq 0,01$), чем представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, которые, в свою очередь, названы более обаятельными ($p \leq 0,05$).

Более сильными ($p \leq 0,01$), упрямыми ($p \leq 0,01$), деятельными ($p \leq 0,01$) и решительными ($p \leq 0,05$), по мнению работников индустрии гостеприимства, были признаны представители Германии (рисунок 5), в сравнении с представите-

лями Швейцарии, которые оказались более обаятельными ($p \leq 0,05$).

Статистически значимых различий между представителями стран, входящих в состав четвертого кластера, не было обнаружено по конструктам разговорчивый–молчаливый, добросовестный–безответственный, открытый–замкнутый, добрый–эгоистичный, независимый–зависимый, отзывчивый–черствый, энергичный–вялый, справедливый–несправедливый, расслабленный–напряженный, спокойный–суетливый, дружелюбный–враждебный, уверенный–неуверенный, общительный–нелюдимый, честный–неискренний, самостоятельный–несамостоятельный, невозмутимый–раздражительный.

В пятый кластер вошли представители США, Франции и Польши (рисунок 2). Представители Франции были признаны более обаятельными ($p \leq 0,05$), по сравнению с представителями Польши и США (рисунок 6).

Представители США оказались более сильными ($p \leq 0,05$), независимыми ($p \leq 0,01$), решительными ($p \leq 0,01$) и общительными ($p \leq 0,05$), чем представители Польши, а также более сильными ($p \leq 0,01$), деятельными ($p \leq 0,05$), решительными ($p \leq 0,01$), энергичными ($p \leq 0,01$), уверенными ($p \leq 0,01$), общительными ($p \leq 0,05$) и самостоятельными ($p \leq 0,01$), чем представители Франции (рисунок 6).

Между представителями, образовавшими пятый кластер, статистически значимых различий не было выявлено по конструктам разговорчивый–молчаливый, добросовестный–безответственный, упрямый–уступчивый, открытый–замкнутый, добрый–эгоистичный, отзывчивый–черствый, справедливый–несправедливый, расслабленный–напряженный, спокойный–суетливый, дружелюбный–враждебный, честный–неискренний, невозмутимый–раздражительный.

В состав шестого кластера вошли представители Литвы, Латвии и Эстонии (рисунок 2).

Между представителями Литвы и Латвии статистически значимых различий обнаружено не было (рисунок 7).

Представители Литвы, по мнению работников индустрии гостеприимства, оказались более разговорчивыми ($p \leq 0,05$), деятельными ($p \leq 0,05$), энергичными ($p \leq 0,05$), уверенными ($p \leq 0,05$) и общительными ($p \leq 0,01$), чем представители Эстонии (рисунок 7).

Представители Латвии, по сравнению с представителями Эстонии (рисунок 7), были признаны в большей степени обаятельными ($p \leq 0,05$), разговорчивыми ($p \leq 0,01$), деятельными ($p \leq 0,01$), решительными ($p \leq 0,05$), энергичны-

ми ($p \leq 0,01$), уверенными ($p \leq 0,01$), общительными ($p \leq 0,01$) и суетливыми ($p \leq 0,05$).

Статистически значимых различий между представителями стран, входящих в состав шестого кластера, не было обнаружено по конструктам сильный–слабый, добросовестный–безответственный, упрямый–уступчивый, открытый–замкнутый, добрый–эгоистичный, независимый–зависимый, отзывчивый–черствый, справедливый–несправедливый, расслабленный–напряженный, дружелюбный–враждебный, честный–неискренний, самостоятельный–несамостоятельный, невозмутимый–раздражительный.

Второй кластер был образован исключительно представителями Беларуси, которые существенно, статистически значимо, отличались даже от ближайшего кластера, состоящего из представителей Китая, Израиля и Турции (рисунок 2). По мнению работников гостиничных предприятий, представители Беларуси оказались более обаятельными ($p \leq 0,01$), открытыми ($p \leq 0,01$), добрыми ($p \leq 0,01$), отзывчивыми ($p \leq 0,01$), справедливыми ($p \leq 0,01$), дружелюбными ($p \leq 0,01$), общительными ($p \leq 0,01$), честными ($p \leq 0,01$) и напряженными ($p \leq 0,05$). Представители Китая, Израиля и Турции, в свою очередь, характеризовались большим упрямством ($p \leq 0,01$), независимостью ($p \leq 0,01$), решительностью ($p \leq 0,01$) и уверенностью ($p \leq 0,01$), по сравнению с представителями Беларуси (рисунок 8).

Подобное разделение на кластеры может быть обусловлено типичными паттернами покупательского поведения. Так, например, представителям России, Украины и Италии свойственны открытое проявление эмоций, громкие разговоры в общественных местах, смелое высказывание претензий, легкость в заведении новых знакомств. Для представителей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарии и Германии, наоборот, характерны сдержанность в проявлении эмоций, спокойствие, невозмутимость. Причина близости представителей Турции, Израиля и Китая может быть объяснена тем, что работники индустрии гостеприимства репрезентируют эти нации как народы Востока. Подобное объяснение можно применить и в отношении представителей стран Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии. Также можно полагать, что в случае недостаточного знакомства с представителями различных национальностей работники индустрии туризма и гостеприимства руководствуются стереотипами.

Заключение. Таким образом, в результате проведения кластерного анализа социальных репрезентаций у работников предприятий гостинич-

ного бизнеса относительно туристов из стран, посещающих Республику Беларусь, было выделено шесть базовых кластеров. Первый кластер состоял из представителей России, Украины и Италии, второй – исключительно из представителей Беларуси. В третий кластер вошли представители Китая, Израиля и Турции. Четвертый кластер сформировали представители Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Швейцарии и Германии. Пятый кластер образовали представители США, Франции и Польши, а в шестой кластер вошли представители Литвы, Латвии и Эстонии.

В представлении работников индустрии гостеприимства итальянцы оказались более независимыми, энергичными, отзывчивыми, дружелюбными и уверенными, чем представители Украины, и более обаятельными, разговорчивыми, открытыми, независимыми, отзывчивыми, энергичными, дружелюбными, общительными, невозмутимыми, чем представители России. Представители Украины были признаны более разговорчивыми, открытыми, отзывчивыми, невозмутимыми, а также уступчивыми и неуверенными, по сравнению с представителями России.

Представители Израиля оказались более добросовестными, независимыми, самостоятельными и невозмутимыми, нежели представители Турции, и более обаятельными, разговорчивыми, независимыми, уверенными и уступчивыми, нежели представители Китая. Большей разговорчивостью, обаятельностью, уверенностью и упрямством представители Турции отличались от представителей Китая, которые, в свою очередь, оказались более добросовестными, дружелюбными и невозмутимыми.

Обаятельность в большей степени была присуща представителям Швейцарии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в отличие от представителей Германии, у которых более выраженными были такие качества, как сила, упрямство, деятельность и решительность.

Представители США оказались в большей степени сильными, независимыми, решительными и общительными, чем представители Польши, и более деятельными, энергичными, сильными, решительными, уверенными, общительными и самостоятельными, чем представители Франции. А представители Франции признаны более обаятельными, чем представители Польши и США.

В отличие от представителей Литвы и Латвии, представители Эстонии характеризовались более сильным проявлением таких качеств, как молчаливость, пассивность, вялость, неуверенность, нелюдимость, нерешительность и суетливость.

Представители Беларуси обазовали отдельный кластер, существенно отличающийся даже от ближайшего кластера, состоящего из представителей Китая, Израиля и Турции. По мнению работников предприятий гостиничного бизнеса, представители Беларуси оказались более обаятельными, открытыми, добрыми, отзывчивыми, справедливыми, дружелюбными, общительными, честными, а в то же время менее решительными, уверенными, упрямыми, расслабленными и независимыми.

Наиболее похожими по характеристикам признаны представители Литвы и Латвии, а также Швейцарии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Таким образом, в материалах данной статьи были описаны внутрикластерные различия, а так-

же выделены ключевые детерминанты кластеров, позволяющие наиболее информативно охарактеризовать представителей тех или иных стран.

Литература

1. Андреева, Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. – М.: Аспект-пресс, 2004.
2. Jodelet, D. Représentations Sociales: phénomènes, concept et théorie / D. Jodelet // Psychologie sociale / S. Moscovici (Ed). – 1984. – P. 357–379.
3. Емельянова, Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования / Т.П. Емельянова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
4. Сухов, А.Н. Прикладная социальная психология / А.Н. Сухов, А.А. Деркач. – М.: МОДЭК, 1998.
5. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002.

Поступила в редакцию 05.04.2019

Взаимосвязь детско-родительских отношений и эмоционального состояния дошкольника

Косареvская Т.Е., Молочко И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена рассмотрению семейных взаимоотношений как фактора эмоционального благополучия дошкольников, что определяется современными условиями семейного воспитания. Детско-родительские отношения, являясь одним из важных факторов эмоционального благополучия детей дошкольного возраста, оказывают непосредственное влияние на выработку у них привычек поведения и критериев оценки происходящего.

Цель статьи – выявить и описать характер взаимосвязи между типами детско-родительских отношений и особенностями эмоциональной сферы детей дошкольного возраста.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 25 семей (дети дошкольного возраста и их матери), проживающих в г. Витебске. Для определения типа воспитания использовалась методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис). С целью диагностики детско-родительских отношений применялась методика PARI (parental attitude research instrument). Оценка эмоционального состояния дошкольника проводилась с помощью методики «Несуществующее животное».

Результаты и их обсуждение. Анализ данных показал, что большей половине родителей из опрошенных семей присуща тенденция к гиперпротекции. Также выявлено, что родители, чаще всего, применяют к ребенку минимальное количество требований-обязанностей и требований-запретов. На минимальном уровне также находится применение санкций. Как правило, отклонения в самооценке, агрессивный и демонстративный типы поведения характерны для детей, родители которых имеют тенденцию к гиперпротекции, применяют в воспитании минимальное количество требований-обязанностей, требований-запретов и санкций либо имеют неустойчивый стиль воспитания и воспитательную неуверенность.

Заключение. Теоретический анализ и проведенное эмпирическое исследование взаимосвязи детско-родительских отношений и эмоционального состояния дошкольника позволяют говорить о том, что важную роль в формировании отношений между родителями и детьми играют родительские установки и выбранный ими стиль воспитания. При неблагоприятном эмоциональном состоянии дошкольника важно проводить психологическую работу не только с ним, но и с его родителями, тем самым внося коррекцию в детско-родительские отношения.

Ключевые слова: семья, детско-родительские отношения, дошкольный возраст, эмоциональное состояние.

The Connection between Parent-Child Relationships and the Emotional State of a Preschooler

Kosarevskaya T.E., Molochko I.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University"

The article considers family relationships as a factor of emotional well-being of preschool children, which is determined by the modern conditions of family education. Parent-child relationships, being one of the important factors of the emotional state of the children of preschool age, have a direct impact on the development of their behavioral habits and on forming the criteria for the assessment of what is happening around.

The purpose of the article is to identify and describe the nature of the connection between the styles of parent-child relationships and the specific features of the emotional sphere of the children of preschool age.

Material and methods. The study involved 25 families (children of preschool age and their mothers) who live in the city of Vitebsk. The method of "Family Relationship Analysis" by E.G. Eidemiller, V.V. Justitskis (DIA) was used to determine the type of upbringing and education. In order to diagnose parent-child relationship the PARI (parental attitude research instrument) Method was used. Evaluation of the emotional state of a preschooler was carried out using the method of "non-existent animal".

Findings and their discussion. The data analysis showed that more than half of the parents have a tendency to hyperprotection. It also indicates that parents apply the minimum number of requirements-duties and requirements-prohibitions. At the minimum level, sanctions are applied. Analysis of the data showed that, as a rule, an aggressive type of behavior, deviations in self-assessment and a demonstrative type of behavior are typical for children whose parents: have a tendency to hyper protection, use a minimum number of requirements, duties, restrictions and sanctions in the process of upbringing; or have an unsustainable parenting style and uncertainty in the ways of upbringing and education.

Conclusion. The theoretical analysis and empirical study of the connection of parent-child relations and emotional state of preschool children suggest that an important role in the formation of relations between parents and children is played by parental attitudes and their chosen style of education. When the emotional state of a preschooler is unfavorable, it is important to carry out psychological work not only with him, but also with his parents, thereby making a correction in the parent-child relationship.

Key words: family, parent-child relationships, preschool age, emotional state.

Актуальность рассмотрения семейных взаимоотношений как фактора эмоционального благополучия дошкольников определяется условиями современного семейного воспитания. Детско-родительские отношения составляют важнейшую подсистему отношений семьи, в которой происходит формирование личности ребенка. Именно в семье ребенок получает первые представления о жизненных ценностях, учится взаимодействию с микросредой, усваивает нормы поведения в различных ситуациях, определяет свои потребности и интересы. Тип родительского поведения, семейные установки и атмосфера непосредственно влияют на эмоциональное состояние ребенка, способствуют формированию у него привычек поведения и критериев оценки происходящего. Особенности взаимодействия ребенка с родителями, степень их отзывчивости, наличие эмоциональных связей и отношений привязанности оказывают влияние как на протяжении всего периода детства, так и в дальнейшей жизни, являются своеобразным эталоном построения отношений с другими людьми. Психические потребности ребенка лучше всего удовлетворяет хорошая семейная обстановка [1–3].

Эмоциональное развитие ребенка в дошкольном возрасте связано с появлением новых потребностей и уникальных мотивов. Развивается социальная мотивация, не направленная на достижение эгоцентрических, утилитарных целей. Происходит формирование нравственных критериев, которые или полностью отсутствуют, или только зарождаются в преддошкольном возрасте. Дошкольник способен к эмоциональному предвосхищению, которое позволяет испытывать переживания по отношению к исходу ситуации и предвидеть реакцию окружающих людей на конкретные поступки. Опираясь именно на эмоциональную сферу ребенка, можно решить целый ряд проблем его развития в процессе становления личностной сферы [4].

Семья предоставляет ребенку не только оптимальные возможности для формирования его личности, но также естественно вводит его в постоянно расширяющиеся социальные отношения, создает предпосылки для его социализации. У ребенка формируется эмоциональное поведение в отношении самого себя и других членов семьи, он учится эмоционально реагировать на постоянно изменяющиеся ситуации взаимодействия. Глубокие контакты с родителями создают у детей устойчивое жизненное состояние, ощущение уверенности и надежности, формируют предпосылки для эмоционального благополучия. Дети, растущие в атмосфере любви и понимания, имеют

меньше проблем, связанных со здоровьем, общением со сверстниками. Нарушение детско-родительских отношений, чаще всего, ведет к формированию различных психологических проблем. К сожалению, часто родители, не осознавая всей ответственности за развитие личности ребенка, недооценивают роль детско-родительских отношений. В такой ситуации ребенок может некритично усваивать предъявляемые ему нормы и образцы поведения [1; 2; 5].

Цель статьи – выявить и описать характер взаимосвязи между типами детско-родительских отношений и особенностями эмоциональной сферы детей дошкольного возраста.

Материал и методы. Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные положения психологии, представленные в трудах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна; культурно-историческая концепция Л.С. Выготского и др. Для анализа характера взаимосвязи между типами детско-родительских отношений и эмоционального состояния детей дошкольного возраста было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 25 семей (дети дошкольного возраста и их матери), проживающих в г. Витебске. Для определения типа воспитания использовалась методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис). С целью диагностики детско-родительских отношений применялась методика PARI (parental attitude research instrument). Оценка эмоционального состояния дошкольника проводилась с помощью методики «Несуществующее животное» [6; 7].

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования по методике АСВ указывают на наличие гиперпротекции в 58% опрошенных семей. Из них 29% имеют ярко выраженные показатели (рисунок 1).

Также выявлено, что гиперпротекции сопутствует потворствование, что наглядно представлено на рисунке 2. Как правило, чем больше семья концентрируется на ребенке, тем больше она стремится к удовлетворению всех его желаний. В некоторых случаях семьи потворствуют ребенку больше, чем занимаются его воспитанием.

Соотнесение показателей требований и санкций (рисунок 3) показывает, что при воспитании детей семьи чаще прибегают к запретам, нежели к обязанностям и санкциям. Около половины опрошенных семей практически не используют наказание. В целом у большинства семей прослеживаются либо усредненные, либо высокие значения данных показателей. Возможно, родители считают детей слишком маленькими для выполнения обязанностей и использования санкций.

В пяти семьях отмечается резкая смена приемов воспитания: строгий стиль воспитания сменяется либеральным, а затем – наоборот. Двум из этих семей присуще расширение родительских чувств. Вообще данный тип отклонения воспитания отмечается у четырех семей.

В таблице представлены результаты исследования по методике PARI, которые свидетельствуют о том, что вовлеченность в семейную роль (пункт 1) характерна для всех семей, участвовавших в исследовании, за исключением семьи 3, которая имеет низкие значения по всем критериям, входящим в данный параметр. Большинство семей имеет низкие показатели по шкалам «Уравнение отношений» и «Стремление ускорить развитие ребенка», что говорит о незрелости установок по данным позициям. При оценке отношений к ребенку (пункт 2) выявлено, что оптимальный родительско-детский контакт присущ не всем родителям. Чаще всего, значения показателя «Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» ниже двух остальных, что может свидетельствовать об излишней концентрации на ребенке. При этом показатели организации семейной жизни (пункт 3), как правило, в рамках одной семьи отличаются незначительно.

Результаты исследования эмоционального состояния детей дошкольного возраста (методика «Несуществующее животное») показали, что большинство детей активно интересуются различными сферами человеческой жизни, склонны к демонстративному и агрессивному поведению.

На основании полученных эмпирических материалов были сделаны заключения по каждой семье, кратко представленные ниже.

Семья 1: у матери хорошо развита семейная роль. К ребенку применяется минимальное количество требований и санкций. В воспитании присутствует проекция на ребенка собственных нежелательных качеств. При этом у ребенка наблюдается склонность к агрессивности и самозащите. Для него характерны своеобразие и основательность суждений и установок, любознательность и уверенность в себе.

Семья 2: по отношению к ребенку наблюдаются гиперпротекция, минимальное количество требований-обязанностей и требований-запретов. Стиль воспитания имеет неустойчивый характер, конфликты между супругами выносятся в сферу воспитания ребенка, у которого отмечаются склонность к низкой самооценке, чувствительность, зависимость от мнения окружающих.

Семья 3: по отношению к ребенку применяется низкое количество запретов и санкций. Он имеет склонность к вербальной и невербальной агрессии и самозащите, поверхностности суждений.

Семья 4: к ребенку применяется минимальное количество требований-запретов. Ему свойственны энергичность, склонность к агрессивному и демонстративному поведению. Также для него характерна нерешительность в действиях.

Семья 5: наблюдаются неустойчивость воспитательного стиля, высокая степень потворствования, излишняя концентрация на ребенке в сочетании с низким количеством запретов и санкций. Ребенку свойственны эгоцентризм, заинтересованность в мнении окружающих, демонстративность поведения. Он ценит рациональность в себе и окружающих, склонен к размышлениям, энергичен, стремится к охвату различных сфер деятельности.

Семья 6: отмечаются концентрация на ребенке, неустойчивый стиль воспитания, низкое количество санкций. Ребенку свойственны эгоцентричность, истерично-демонстративная модель поведения, зависимость от мнения окружающих, активность, сомнения в правильности своих действий.

Семья 7: к ребенку применяется низкое количество требований-обязанностей, родителям присущи проекция на ребенка своих нежелательных качеств, конфликтность. У ребенка наблюдаются склонность к завышенной самооценке, спонтанная или защитно-ответная агрессия, тревожность, демонстративность, энергичность и сомнения в правильности своих действий.

Семья 8: мать стремится избегать конфликтов, и по отношению к ребенку используется низкое количество санкций. Плохо развита установка «исключение внесемейных влияний». Ребенку присущи эгоцентризм, зависимость от мнения окружающих, агрессивность, обдуманность при принятии решений, своеобразие суждений и установок, любознательность.

Семья 9: для родителей характерны тенденция к гиперпротекции, опасение обидеть и уравнивающие отношения. Ребенок имеет заниженную самооценку, не уверен в себе, агрессивен, демонстративен.

Семья 10: склонность к гиперпротекции в сочетании с минимальными санкциями. Ребенку присущи тенденция к действию, заниженная самооценка, эгоцентризм, вербальная агрессивность, большая речевая активность, импульсивность в принятии решений.

Семья 11: ярко выраженная потворствующая гиперпротекция, неустойчивый стиль воспитания, боязнь утраты ребенка, предпочтение женских качеств. У ребенка наблюдаются высокая самооценка, эгоцентризм, склонность к импульсивности и самопрезентации.

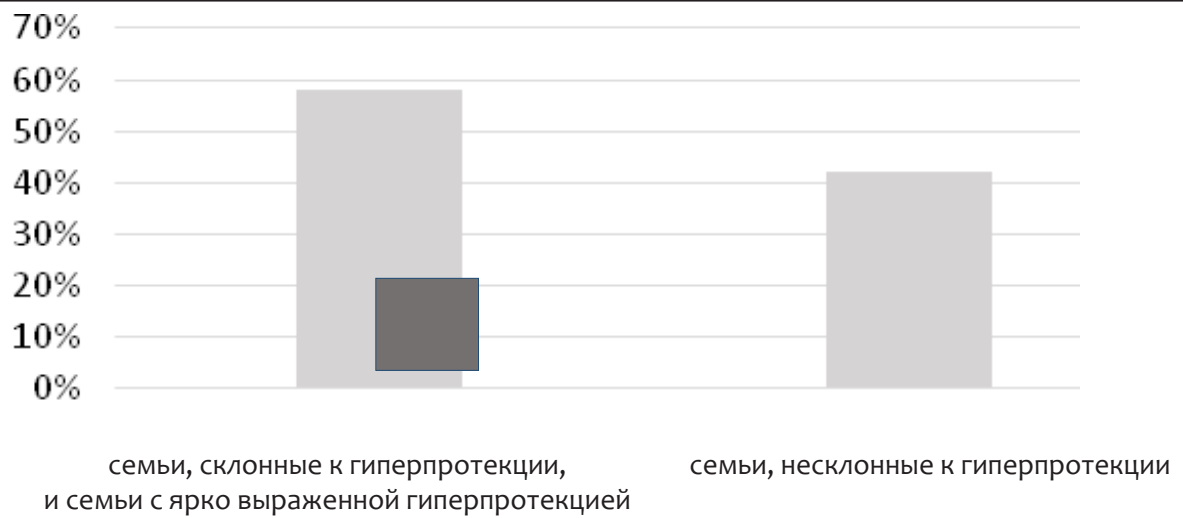

Рисунок 1 – Показатели гиперпротекции в семьях

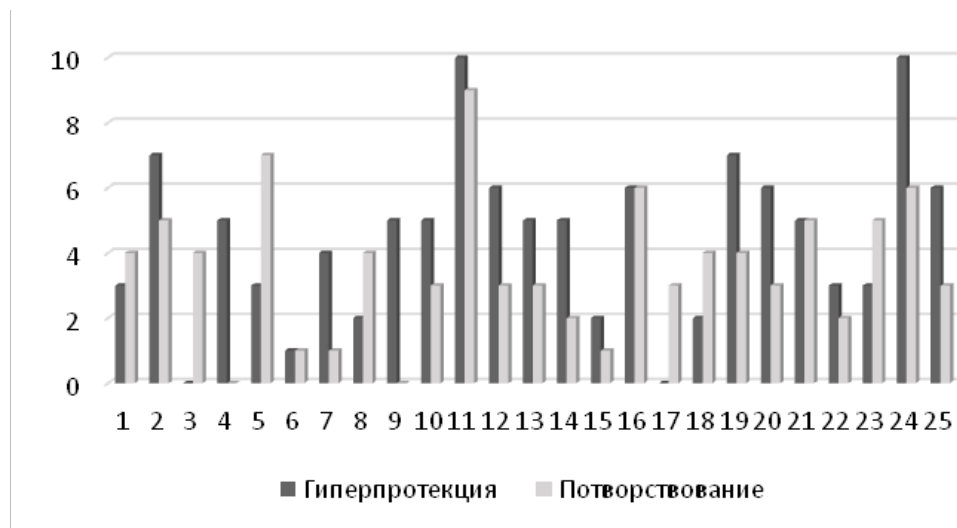

Рисунок 2 – Гиперпротекция и потворствование в семье

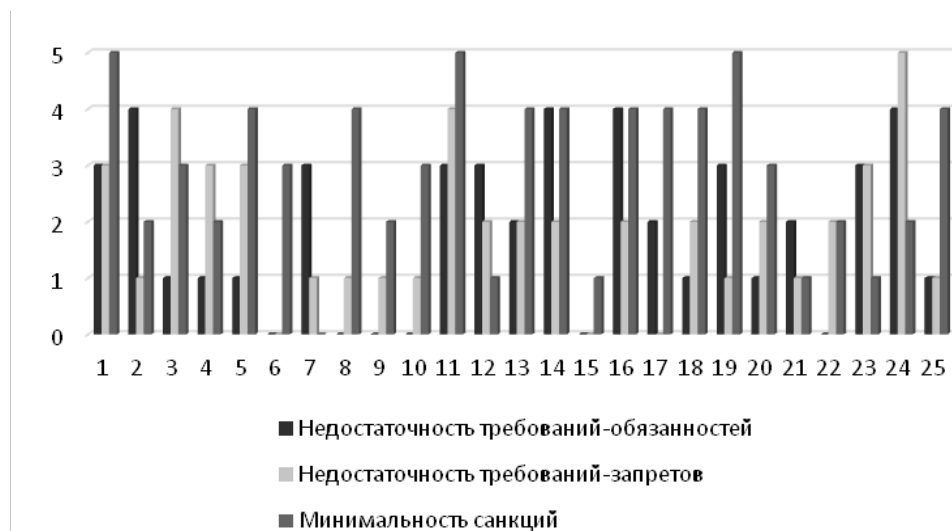

Рисунок 3 – Недостаточность требований и санкций к ребенку

Таблица – Оценка отношений к различным сторонам семейной жизни

№ п/п	Наименование шкал	Семьи																								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
1	Отношение к семейной роли (среднее значение по шкалам: 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23)	14	16	8	14	13	13	12	12	12	14	14	14	14	13	12	13	12	13	16	10	13	13	12	11	12
2	Отношение родителей к ребенку:																									
2.1	– оптимальный эмоциональный контакт (среднее значение по шкалам: 1, 14, 15, 21)	14	16	13	17	16	13	9	15	12	15	14	14	15	15	13	15	14	15	16	15	15	16	14	12	15
2.2	– излишняя эмоциональная дистанция с ребенком (среднее значение по шкалам: 8, 9, 16)	9	12	6	10	11	11	9	9	9	15	12	9	12	11	12	10	10	10	12	10	11	11	12	10	10
2.3	– излишняя концентрация на ребенке (среднее значение по шкалам: 2, 4, 6, 10, 12, 18, 20, 22)	11	15	9	15	12	13	10	12	14	14	13	12	12	12	12	13	14	13	15	12	14	13	13	11	13
3	Отдельные аспекты отношений:																									
3.1	– хозяйственно-бытовые (среднее значение по шкалам: 3, 13, 19, 23)	13	16	8	14	14	13	11	12	12	14	14	13	15	12	12	13	11	14	16	9	13	13	13	10	13
3.2	– межличностные (шкала 17)	14	18	5	11	11	12	11	12	15	14	14	9	12	13	13	13	9	10	13	7	11	11	13	12	12
3.3	– отношения, обеспечивающие воспитание детей, «педагогические» (среднее значение по шкалам: 5, 11)	13	14	8	15	11	14	12	13	12	13	16	16	13	14	13	15	16	12	15	14	16	16	11	12	13

Семья 12: гиперпротекция в сочетании с низким количеством обязанностей и запретов. Также родителям присущи расширение сферы родительских чувств и предпочтение детских качеств, недостаточно развит навык межличностных отношений. Ребенок не уверен в себе, ценит рациональность мышления в себе и других.

Семья 13: к ребенку применяется минимальное количество запретов и санкций. Ребенок недоверчив по отношению к окружающим, опасается насмешек и непризнания.

Семья 14: родителям присуща воспитательная неуверенность. По отношению к ребенку применяется минимальное количество требований и санкций. Семейная роль для матери имеет большое значение. Ребенку свойственны эгоцентричность и агрессивность, он ценит рациональность в себе и других, фантазирует.

Семья 15: характерна тенденция к расширению родительских чувств. У ребенка наблюдаются повышенная самооценка и вербальная агрессия.

Семья 16: гиперпротекция и минимальность требований-обязанностей. Ребенок активен, для него важно мнение окружающих.

Семья 17: к ребенку практически не применяется наказание, происходит расширение родительских чувств, мать предпочитает мужские качества. Ребенок энергичен, имеет интерес к различным сферам человеческой деятельности, демонстративен, для него важно мнение окружающих, склонен к агрессивному поведению.

Семья 18: родители используют наказание в минимальном количестве. Ребенку свойственны необдуманные поступки.

Семья 19: в семье присутствует ярко выраженная гиперпротекция, санкции к ребенку минимальны. Ребенок активен, склонен к демонстративному поведению.

Семья 20: тенденция к гиперпротекции, минимальность санкций. Ребенок склонен к саморефлексии и агрессивному поведению.

Семья 21: склонность к гиперпротекции, предпочтение женских качеств. Ребенок интересуется различными сферами человеческой деятельности, энергичен, склонен к необдуманности поступков, демонстративному поведению и агрессивности.

Семья 22: у матери присутствует предпочтение женских качеств. Ребенок активен, склонен к заниженной самооценке.

Семья 23: в семье отмечаются неустойчивый стиль воспитания и сверхавторитет родителей. Ребенок активен, ему интересны различные сферы человеческой деятельности, имеет интерес к мнению окружающих.

Семья 24: в семье присутствует неустойчивый стиль воспитания. Ребенок активен, склонен к необдуманному поступкам.

Семья 25: гиперпротекция совмещается с неустойчивым стилем воспитания. Мать склонна к расширению родительских чувств. Ребенок склонен к активным действиям, интересуется различными сферами человеческой деятельности, для него важно мнение окружающих.

Закключение. Анализ эмпирических данных показал, что большей части родителей из опрошенных семей присущи тенденция к гиперпро-

текции (воспитание ребенка стоит в центре их жизни) и применение к ребенку минимального количества требований в виде обязанностей и запретов. На минимальном уровне также находится применение санкций. Также анализ данных показал, что, как правило, агрессивный тип поведения, отклонения в самооценке и демонстративный тип поведения характерны для детей, родители которых имеют тенденцию к гиперпротекции, применяют в воспитании минимальное количество требований-обязанностей, требований-запретов и санкций; либо имеют неустойчивый стиль воспитания и воспитательную неуверенность. При этом одна часть детей склонна к саморефлексии, другая – к активным действиям.

Теоретический анализ и проведенное эмпирическое исследование взаимосвязи детско-родительских отношений и эмоционального состояния дошкольника позволяют говорить о том, что важную роль в формировании отношений между родителями и детьми играют родительские установки и выбранный ими стиль воспитания. Поэтому при неблагоприятном эмоциональном состоянии дошкольника важно проводить психологическую работу не только с ним, но и с его родителями, тем самым внося коррекцию в детско-родительские отношения.

Литература

1. Валитова, И.Е. Психология развития ребенка дошкольного возраста / И.Е. Валитова. – Минск, 1997. – 160 с.
2. Кухтова, Н.В. Коррекция негармоничного воспитания в детско-родительских отношениях посредством метафорических карт / Н.В. Кухтова, А.И. Чаченко // Современное образование Витебщины. – 2018. – № 2. – С. 67–70.
3. Саченко, Л. Детско-родительские отношения: поиск оптимального стиля / Л. Саченко // Пачатковая школа. – 2010. – № 5. – С. 28–31.
4. Янкина, Е.И. Эмоции в развитии интеллекта ребенка дошкольного возраста / Е.И. Янкина // Ананьевские чтения – 99: тез. науч.-практ. конф. – СПб., 1999. – С. 238–239.
5. Ежкова, Н.С. Социализация дошкольников: через развитие представлений об эмоциях и эмоциональных состояниях / Н.С. Ежкова // Дошкольная педагогика. – 2015. – № 5. – С. 9–13.
6. Грег, М. Тайный мир рисунка: пер. с англ. / М. Грег. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – 176 с.
7. Погодина, Е.К. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: учеб.-метод. пособие / Е.К. Погодина. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – 146 с.

Поступила в редакцию 13.03.2019

Протекание семейного кризиса в ситуации воспитания ребенка с расстройством аутистического спектра

Черного Т.А.

Учреждение здравоохранения «Центральная районная больница г. Солигорска»

Динамика жизненного пути человека связана с преодолением различных бытийных преград. Закономерные эпизоды проблем в психологии называются кризисами и свойственны как в определенном возрасте человека (возрастные кризисы), так и на определенном социальном этапе. Но иногда в жизни человека встречаются нетипичные события, где на пути преодоления сложностей необходимо прибегать к некоторым психологическим личностным изменениям, черпать определенные знания, перераспределять свое личностное и социальное пространство, находить различные копинг-стратегии. Таким образом, кризисные процессы могут трансформироваться в травматические события и требуют определенных усилий (внутренних преобразований) для нахождения оптимального комфортного состояния личностью.

Цель работы – раскрыть феномен внутрисемейного кризиса с точки зрения проживания хронического стресса родителями, имеющими детей с расстройством аутистического спектра.

Материал и методы. В статье анализировались различные научные мнения по вопросу протекания и преодоления кризиса таких авторов, как Вирджиния Сатир, Gabriel Barbara, M. Perez, O.A. Карабанова, И.Б. Карвасарская, И.В. Ковалец, Я.Л. Коломинский, Т.Л. Лещинская, С.А. Морозов, Г.В. Омарова, С.Л. Рубинштейн и т.д. В нашем исследовании удалось соединить практические сравнительные позиции с научно-теоретическими подходами в психологии.

Результаты и обсуждение. В результате проведенного анализа удалось выявить взаимосвязь средовых и личностных ресурсов родителей, обратить внимание на различные личностные и социальные, системные изменения, отметить личностные и социальные деформации родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра.

Заключение. Данное исследование выстраивает позицию мультисубъектного изучения личностно-социальных процессов, проводит границу в психологии личности и социальной психологии. Также данная статья является частью современного психологического исследования, где происходит дополнение и расширение знаний о современных кризисных процессах личности в семье.

Ключевые слова: ненормативный семейный кризис; кризисные изменения родителей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического поведения; психосоциальная специфика.

The Flow of Family Crisis in a Situation of Parenting a Child with Autism Spectrum Disorder

Chernego T.A.

Health Care Establishment "Central District Hospital of Soligorsk"

The dynamics of human life is associated with overcoming various existential barriers. Natural episodes of problems in psychology are called crises and are peculiar both at a certain age of the person (age crises), and at a certain social stage. However, sometimes in a person's life there are atypical events, where on the way to overcome difficulties it is necessary to resort to certain psychological personal changes, to draw certain knowledge, to redistribute your personal and social space, to find different coping strategies. Thus, crisis processes can be transformed into traumatic events and require certain efforts (internal transformations) to find the optimal comfortable state of the person.

The purpose is to consider the phenomenon of intra-family crisis, from the point of view of parents of children with autism spectrum disorder living through chronic stress.

Material and methods. The article analyzes various scientific opinions on the course and overcoming of the crisis by such authors as Virginia Satir, Gabriel Barbara, M. Perez, O.A. Karabanova, I.B. Karvasarskaya, I.V. Kovalets, Ya.L. Kolominsky, T.L. Leshchinskaya, S.A. Morozov, G.V. Omarova, S.L. Rubinstein, etc. In the study we managed to combine practical comparative positions with scientific and theoretical approaches in psychology.

Findings and their discussion. As a result of this study, it is possible to emphasize the relationship of environmental and personal resources of parents, to pay attention to various personal and social, systemic changes, to note the personal and social deformation of parents raising a child with autism spectrum disorder.

Conclusion. The study builds up the position of a multisubject study of personal and social processes, draws a boundary in the psychology of personality and social psychology. This article is also a part of a modern psychological research, where there is contribution to and expansion of knowledge about the modern crisis processes of the personality in the family.

Key words: non-normative family crisis; crisis transformations of parents raising a child with autistic behavior disorder; psychosocial specificity.

На протяжении жизненного пути человек встречает многочисленные преграды и сложности, преодолевает их или старается не замечать, справляется в одиночку или пользуется социальными ресурсами в лице близких и знакомых людей. Все динамические процессы, которые меняют или могут попрепятствовать жизненной траектории, принято называть кризисом. Кризис – ситуация переживания невозможности реализации жизненного замысла, возникает в поворотных пунктах жизненного пути личности [1]. Кризис – от греч. решение, поворотный пункт, исход, тяжелое переходное состояние, вызванное стрессом, болезнью, травмой и т.д. Также кризис трактуется как эмоционально значимое событие или радикальное изменение статуса в персональной жизни. Кризис расценивается как перелом в психическом развитии личности в онтогенезе, проявляется в обнаружении личностных новообразований. Типичным психологическим новообразованием является появление порочного круга внутренних защитных конфликтов, которые создают субъективное ощущение тупика и безвыходности, что приводит к дезадаптации личности (З. Фрейд, К. Хорни). Кризис возникает и проживается как персонально человеком, так и может иметь системное существование, захватывать жизненное пространство нескольких людей, изменять систему отношений и привычные жизненные механизмы.

Цель статьи – раскрыть феномен внутрисемейного кризиса с точки зрения проживания хронического стресса родителями, имеющими детей с расстройством аутистического спектра.

Материал и методы. Материалом послужили различные научные мнения по вопросу протекания и преодоления кризиса у таких авторов, как Вирджиния Сатир, Gabriel Barbara, M. Perez, O.A. Карабанова, И.Б. Карвасарская, И.В. Ковалец, Я.Л. Коломинский, Т.Л. Лещинская, С.А. Морозов, Г.В. Омарова, С.Л. Рубинштейн и т.д. В нашем исследовании удалось соединить практические сравнительные позиции с научно-теоретическими подходами в психологии.

Результаты и их обсуждение. Семейный кризис – это семейные сложности и трудности, которые могут встречаться закономерно или непреднамеренно на пути существования семейного микросоциума. Принято различать нормативные и ненормативные семейные кризисы. Нормативные или предсказуемые, закономерные кризисные процессы связаны с переходом одного жизненного этапа на другой (например, зачатие и беременность, рождение ребенка, развитие речи ребенка и социализация в различных социальных институтах и т.д.). Преодоление нормативных се-

мейных кризисов является естественным условием развития семейных отношений и существования семьи.

Вирджиния Сатир понимает семейные отношения так: «... семейная жизнь, пожалуй, самый трудный вид деятельности в мире. Семейные отношения напоминают организацию совместной деятельности двух предприятий, объединивших свои усилия для производства единого продукта» [2]. Данное выражение подтверждает сложность и деликатность существования семьи. В идеале – это процесс с высокой личностной мотивацией главных субъектов существующей семьи (супруги), которые естественным образом проживают нормативные кризисы. В нашем исследовании поставлен акцент на описание проживания семейного кризиса, который связан с нетрадиционными, специфическими обстоятельствами в семье, где в рамках нормативного кризиса накладывается и проблема появления и воспитания ребенка с расстройством аутистического спектра (далее РАС).

Для семьи с данной проблемой характерно психологическое движение внутри социальной системы. Это семьи, где происходит реформация не только личностных конструктов, но и выстраивание новых форм внутрисемейного и социального сотрудничества / взаимодействия. Тем самым затрагиваются процесс преодоления семейного дискомфорта, работа с семейным кризисом.

Преодоление ненормативного семейного кризиса – процесс сложный, мультисубъектный, предполагает различные личностные и системные изменения в результате воздействия определенного фрустратора или стрессора. В качестве внешнего стрессового преобразователя мы выделили ситуацию, когда в семье появляется ребенок с РАС. Данная категория семьи имеет свои этапы проживания стрессового события, которые объясняются динамикой протекания РАС.

В рамках описания особенностей прохождения кризисной истории членами семей, воспитывающих детей с РАС, в психологической науке и практике встречаются, хотя и в недостаточном количестве, различные исследования. В основном авторы придерживаются фактов изменения определенных психоконструктов: личностных, форм копинг-стратегий, форм внутрисемейных связей и отношений, прилегания к различным социальным ресурсам и т.д. В. Сатир предлагает рассматривать кризисные изменения по четырем позициям:

- 1) изменения в самооценке или самоценности – это мысли и чувства по отношению к себе и другим;
- 2) способы коммуникации – это возможности передавать друг другу какую-либо информацию, делиться обратной связью и проявлять эмпатию;

3) правила в семье, которые устанавливаются и транслируются участниками семьи, воздействуют на семейную систему;

4) методы взаимодействия с обществом, социальные ресурсы семьи.

Как мы видим, в структуре кризиса происходят не только внутрисемейные изменения, но и личностные изменения членов семьи. Это проявляется в непонимании травмирующего события, неготовности к принятию проблемы, отсутствии опыта психологического преодоления стрессовой ситуации. Некоторые исследователи описывают *личностные особенности родителей* (С.А. Морозов, Г.В. Омарова), другие затрагивают *ситуацию преодоления стрессового состояния* (Е.П. Белинская), некоторые характеризуют *внутрисемейные особенности и внутрисемейные взаимоотношения между членами семей* (О.А. Карабанова, Gabriel Barbara). Психологи, практикующие в коррекционной поддержке детям с РАС, исследуют возможности родителей, которые можно применять для нивелирования аутистического поведения ребенка (И.В. Ковалец, Т.Л. Лещинская) [3–5].

В современном психологическом поле исследований, которые касаются психологических особенностей семей, проживания ими семейного кризиса, связанного с появлением и воспитанием ребенка с РАС, недостаточно информации об особенностях семейного института и взаимоотношениях внутри его. Больше идет фокусировка на профессиональную помощь ребенку с РАС и возможность закрепления положительной динамики результатов коррекционных программ, моделирование родительского коррекционного поведения. Мы же отмечаем важность и необходимость в использовании знания семейной системы и особенностей ее субъектов для минимизации «психологической инвалидизации» семьи. Необходимость этих исследований обуславливается фактами «психологического выпадения» из социальной действительности потенциально перспективных людей.

Встреча с проблемой

Особенности конструирования новых взаимоотношений в семейном институте определяются субъективным отражением изменившихся условий каждым членом семьи, ощущением тотальности или временности события. Данные субъективные отражения складываются из специфичности протекания нарушения развития ребенка, а именно:

- изменения / деформации поведения у ребенка,
- специфичности развития речевых навыков и понимания обращенной речи ребенком,
- нарушения режима дня (сон / бодрствование,

особенности питания, соматическое состояние, уровень самообслуживания и т.д.).

Кроме того, нестандартностью в воспитании ребенка с РАС является то, что родители не сразу сталкиваются с клиническими особенностями заболевания. Как правило, на первом году жизни у ребенка внешне достаточно гармонично формируются психофизиологические навыки (по возрасту), нарушения имеют латентный или слабовидимый характер. Те особенности, которые могут указывать на аутизм, достаточно долго остаются вне поля родительского внимания по причине неопытности родителей в коммуникации с ребенком вообще, увлеченности собственными жизненными ценностями, тяжестью и страхом осознания специфичности развития ребенка. Нивелирование особенностей ребенка детерминировано определенными собственными представлениями родителя о процессе взросления ребенка, отсутствием подтверждения аномальности развития ребенка со стороны компетентных органов (как правило, медицинских сотрудников). В этот жизненный момент только от родительского внимания и желания замечать может начаться поиск ответов на вопросы нестандартного / особенного поведения ребенка. Родители, как правило, достаточно долго (до определения ребенка в дошкольное учреждение) «законсервированы» в собственных предположениях и надеждах на то, что развитие ребенка происходит сугубо индивидуально, и находятся в ожидании того времени, когда их ребенок «созреет» и начнет соответствовать другим условно здоровым детям. Обращение внимания родителей на поведенческие и речевые особенности у ребенка является тем стартовым семейным событием, которое меняет частично или полностью (у одного из родителей или всех членов семьи) представление о взаимодействии с ребенком и сопровождается поиском ответов на множество вопросов. При осознании ненормальности развития ребенка семейная система начинает меняться.

В конструктивном течении семейной системы «включается» процесс принятия ситуации, адаптации к определенным потребностям и поведению ребенка. Затрагиваются многие стороны личностной сферы каждого из членов семьи, меняется система взаимодействия с социальным окружением. В свою очередь, может происходить формирование определенных личностных качеств как конструктивного, так и деструктивного характера.

Эмоциональный ответ событию

Каждый человек сензитивен к определенному типу событий. Это определено задачами его индивидуального развития. Поэтому осознание

и переживание события уникально и неповторимо. Данную внутреннюю активность определяют как *персогенные переживания* по принятию изменений во внутреннем и внешнем мире и сопровождаются построением нового «Я». Момент «перестройки», в принципе, как и момент совладания со стрессовым событием, сопровождается внутренним напряжением, присутствием сильных эмоций, большой физической и психологической затратой. Персогенность переживания подчеркивается событием, которое описывается Я.Л. Коломинским, как инсайтное открытие и, несомненно, ведет к перестраиванию личности: «...другими словами, субъективная интерпретация не является зеркальным отражением внешней ситуации, но не является она и продуктом произвольного “конструирования реальности”» (Я.Л. Коломинский, 2009) [6].

Также учитывается тот факт, что возникают противоречия между устремлениями личности и его жизненными условиями, которые меняют установки и потребности личности, ценностные ориентации, самооценку, вызывают смысловой кризис. Новая жизненная система создает психическую готовность к отказу от «старообразований», влечет к приобретению новых моделей жизни, новых вариантов интерпретации события. При этом данный процесс перестройки не безразличен или нейтрален с эмоциональной точки зрения. Ситуация может способствовать определенному «толчку» развития, стать своеобразным персонифицированным материалом для развития, выстраивания специфической преобразованной модели самоактуализации личности. Данные реформационные изменения мы констатируем как феноменологический факт, как преобразование «личности в ситуации». Персогенная ситуация, связанная с пониманием проблемы воспитания (лечение, обучение, социализация ребенка), представляет собой феноменологический внутрисемейный эпизод, который переживается субъектом аффективно, когнитивно и деятельностно и ведет к трансформации старого личностного конструкта на новый. Подтверждением нашей концепции является позиция С.Л. Рубинштейна, в которой автор опирается на связь личностных изменений с жизненными условиями. В данном случае не человек распоряжается жизнью, а жизненные обстоятельства поглощают человека и диктуют ему свои правила [7].

Эмоциональное состояние родителей, воспитывающих ребенка с РАС, специфичным образом отличается от состояния семей, где воспитываются дети с другими тяжелыми нарушениями развития. По мнению исследователей, вся семья испытывает эмоциональный стресс, который име-

ет тенденцию к нарастанию. Сильнейший стресс переживают именно матери детей: ограничение личной свободы и в профессиональной жизни, снижается самооценка (в результате нереализованной материнской надежды на полноценного ребенка). Зачастую отсутствует так необходимый эмоциональный ответ ребенка на любовь и заботу родителей, провоцируя у родителей эмоциональное выгорание, повышенную тревожность с переходом в депрессивное состояние, повышенную раздражительность и агрессию.

Личностные изменения

По мнению С.А. Морозова, родители, воспитывающие детей РАС, принадлежат, как правило, к расширенному аутистическому фенотипу, т.е. отдельные признаки аутизма встречаются примерно у 75% из них. Это проявляется в наличии определенных черт личности, акцентуаций характера, психопатий. И хотя эти отклонения не являются психическими заболеваниями, не учитывать их нельзя при построении сотрудничества и взаимодействия.

Кроме того, С.А. Морозов обращает внимание на возникновение определенных переживаний родителей, связанных с постановкой диагноза ребенку, наличием дефицита или невозможностью получения помощи для ребенка (отдаленность специалистов, высокая стоимость услуг, регулярность терапии и т.д.). Данные причины становятся следствием депрессивных расстройств, фрустрации, состояния хронического стресса, что, очевидно, находит отражение в поведении членов семьи. В целом, также отмечает С.А. Морозов, в литературе недостаточно отражаются психологические (а тем более патопсихологические) особенности родителей, воспитывающих детей с РАС. Автор предполагает присутствие фактора наследования аутистических характеристик, только степень выраженности невелика, не выходит за понятия нормы, изменчива под воздействием психогенных факторов и поэтому трудна в установлении данного факта, описании и квалификации. Мы же можем замечать состояние отдаленности родительской группы и характеризовать ее как проявление бессознательной формы психологической защиты – изоляции. На наш взгляд, родители осознанно выстраивают собственное поведение в виде аутистического с целью минимизации травматического состояния.

По мнению С.А. Морозова, «...у родителей маленьких (2–2,5 года) детей с РАС отмечается повышенный уровень психического напряжения, причем для матерей большую роль как психотравмирующий фактор играют трудности контроля за поведением ребенка, для отцов – как выглядит такое поведение со стороны, т.е. социальный ответ.

Стрессовая реакция была обусловлена в большей степени самим фактом наличия отклонения в развитии ребенка, нежели выраженность коммуникативных и когнитивных проблем».

Мы также можем отметить, что время появления неуверенности и напряжения родителей может варьироваться: появляться раньше по достижении ребенком двух лет или позже, что зависит от степени включенности родителей в процесс реализации родительской роли. Констатируется также определенное отношение семьи к взаимодействию со специалистами как оппозиционное, формальное доверие, неполное доверие или конструктивное взаимодействие. Отмечается так называемая эволюция родителя – от простого исполнителя рекомендаций специалиста до самостоятельного, творческого «терапевта» для своего ребенка и других детей с РАС. Но в данном случае может появляться опасность – вытеснение проблем собственного ребенка профессиональной (чаще общественной) деятельностью.

Важно отметить, что система семейных ценностей с появлением ребенка с РАС подвергается постоянным изменениям, переориентации на различные нужды и потребности ребенка (индивидуальные потребности и запросы ребенка, коррекционные занятия, медицинские назначения, коррекция образовательных маршрутов – смена учебных заведений, специалистов и т.д.). По мере взросления ребенка, в результате комбинаторности и резкости проявления клинической картины заболевания ребенка, можно отметить деструктивные изменения семейной системы, что выражается в сокращении социальных контактов, изменении эмоционального фона в ней (И.Б. Карвасарская). Возможно возникновение нового семейного стереотипа, появление состояния созависимости, которые вызывают изменения психологического состояния близких ребенка.

Часто у родителей встречаются сформированные псевдонадежды на наличие так называемой «гениальности» у ребенка, что не служит конструктивным инструментом в адекватном решении проблемы ребенка, но является особой, ресурсной формой психологического комфорта.

Помимо деформационных психологических изменений внутри родительской группы важно обратить внимание на взаимоотношения между сиблингами, где воспитывается особенный ребенок. Возможно появление претензий о дефиците внимания к родителям со стороны здоровых детей, провоцируются тем самым протестные реакции. Некоторые здоровые дети – сиблинги – «капсулируют» свои противоречия и переживания, тем самым конструируется определенный личностный типаж. У сиблингов формируются характерные

личностные черты: закрытость, подозрительность, беспричинная агрессия, изолированность в общении. Некоторые подростки избегают собственных братьев / сестер с особенностями, стесняются их, испытывают страх перед снижением интереса к себе со стороны значимого социального окружения. Вероятность непоявления данного личностного конструкта определенно зависит от способностей родителей гармонично и рационально выстраивать отношения внутри всей семейной группы. Значение имеет количественное соотношение особенного ребенка к здоровым сиблингам. В многодетной семье здоровые дети более эмоционально сохранены, более спокойно и толерантно относятся как к ребенку с РАС, так и к факту дополнительной родительской заботы о нем.

В контексте понимания особенностей семей, имеющих детей с РАС, Г.В. Омарова предложила рассматривать определенную типологию психостатуса и психоорганизации этих родителей. Автор считает, что данным родителям присущи:

- сложности в построении внутрисемейной коммуникации как со стороны родителей, так и со стороны сиблингов;
- особая ранимость и нестабильность эмоциональных реакций, тенденции к истощению компенсаторных механизмов;
- нарушение подпороговых личностных конструктов до уровня клинических, которые отражаются в поведении.

Справедливо отмечено, что родителям, имеющим ребенка с РАС, необходимо определенное количество времени для принятия особенного ребенка, что, по результатам некоторых исследований, составляет два года [4]. Конечно, время для принятия условно и глубоко индивидуально. Иногда можно наблюдать внешнее несогласие, а следовательно, непринятие родителями особенностей ребенка на протяжении многих лет. Родителям свойственно искать более приемлемое объяснение нарушений у ребенка («удобный» диагноз, при котором возможно выздоровление или значительное улучшение).

Изменения в социальной жизни

Важно обратить внимание на разнообразие протекания кризиса, что детерминируется многообразием и комбинаторностью клинических проявлений ребенка с РАС. Но определенно едино утверждение о том, что у родителей, воспитывающих ребенка с РАС, происходят снижение компенсаторных возможностей и практически всегда снижение уровня профессиональной актуализации. Исключение составляют родители, где профессия или вид деятельности выбирается / меняется исходя из обретенного дефекта у ребенка. Наблюдаются случаи «погружения» родителей в поиск реше-

ния проблемы с помощью дефектологического, медицинского образования, повышается уровень профессионального развития до возможностей самостоятельно проводить коррекционные и супервизорские интервенции в проблему.

Супружеские отношения

Между супругами могут возникать неровные, конфликтные ситуации. Микроклимат в семье полностью зависит от физиологического состояния ребенка: его сна, бодрствования, страхов, двигательной активности, привязанности к значимым близким и т.д. Постоянное напряжение влияет на сексуальные отношения супругов, вызывает опасения по поводу появления последующих детей. Достаточно часто звучат претензии по вопросу виновности одного из родителей в аномальном развитии ребенка или об упущенных / неправильно выбранных возможностях в лечении ребенка [8–15].

Заключение. Таким образом, мы считаем, что семьи, имеющие ребенка с РАС, определенно можно отнести к категории семей с повышенным стрессовым фактором, наличием определенных требований к социальным событиям (общественные мероприятия, семейные праздники, выбор в социальных учреждениях). Но каждая семья развивается по особому, удобному и подходящему только для данной семьи сценарию. Все процессы в семье, воспитывающей ребенка с РАС, и есть феноменологическая картина, сложная и динамическая.

Поэтому существует сложность в выделении типологии протекания семейного кризиса. Сложность заключается в многообразии вариантов заболевания ребенка, особенностях семейных конструктов при выстраивании отношений внутри семьи, личностных особенностях и ресурсах каждого члена семьи; степени принятия собственного ребенка, постоянной динамике внутрисемейных процессов. Данное исследование требует продолжения с целью как изучения специфики семьи, так и нахождения адекватных инструментов для помощи семьям, воспитывающим ребенка с РАС.

Литература

1. Шмелев, А.Г. Проблемы психологии переживания / А.Г. Шмелев // Вопросы психологии / ред. А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский. – 1985. – № 2. – С. 180–182.
2. Сатир, В. Как строить себя и свою семью: пер. с англ.: улучш. изд. / В. Сатир. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.: ил.
3. Морозов, С.А. Основы диагностики и коррекции расстройств аутистического спектра: учеб.-метод. пособие для слушателей системы повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования / С.А. Морозов. – М., 2014. – 448 с.
4. Омарова, Г.В. Психологические особенности семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) [Электронный ресурс] / Г.В. Омарова. – Режим доступа: www.b17.ru/article/39981/. – Дата доступа: 12.11.2018.
5. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2004.
6. Коломинский, Я.Л. Социальная психология развития личности / Я.Л. Коломинский, С.Н. Жеребцов. – Минск: Высш. шк., 2009. – 336 с.
7. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Изд-во Питер, 2002. – 720 с.
8. Perez, M. (2008). Psychologie des Familienund Psychologie des Familien – und Paarstressen: Forschungsentwicklungen. In K.A. Schneewind (Hrsg.), Familienpsychologie im Aufwind. Brückenschläge zwischen Forschung und Praxis. – Göttingen: Hogrefe. – S. 69–88 [Elektronische Quelle]. – Zugriffsart: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-322-97603-1_13. – Zugriffsdatum: 12.11.2018.
9. Salentin, Kurt Niedrigeinkommen: psychische Belastung und Bewältigung Soziale Probleme. – 5 (1994) 1/2. – S. 31–59 [Elektronische Quelle]. – Zugriffsart: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/24725>. – Zugriffsdatum: 12.11.2018.
10. Анцыферова, Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности / ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1981. – С. 3–19.
11. Гапанович-Кайдалов, Н.В. Основы психологии: учеб. пособие / Н.В. Гапанович-Кайдалов, И.П. Левицкая, А.Н. Крутолевич; общ. ред. Н.В. Гапанович-Кайдалов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2015. – 256 с.
12. Семаго, Н.Я. Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго. – М.: АРКТИ, 2000. – 207 с.
13. Черного, Т.А. Преодоление социальной изолированности членами семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра средствами коммуникативных проектов // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Вып. 15 / 3-41 / рэдкал.: А.П. Манастырны (гал. рэд.) [і інш.]; ДУА «Акад. паслядыплом. адукацыі». – Мінск: АПА, 2017. – С. 407–415.
14. Черного, Т.А. Проблемно-ориентированная копинг-стратегия родителей в ситуации появления ребенка с аутистическим спектром поведения / Т.А. Черного // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Вып. 14 / 3-41 / рэдкал.: А.П. Манастырны (гал. рэд.) [і інш.]; ДУА «Акад. паслядыплом. адукацыі». – Мінск: АПА, 2016. – С. 478–491.
15. Пархомович, В.Б. Характеристика структуры семьи, воспитывающей детей с особенностями психофизического развития / В.Б. Пархомович // Спецыяльная адукацыя. – 2007. – № 6. – С. 14–23.

Поступила в редакцию 05.06.2019

Любовные аттитюды в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет

В последнее время получила распространение идея о необходимости сравнения двух так называемых поколений Y и Z. Любовь играет центральную роль в сохранении и функционировании близких отношений и, вероятно, является универсальным интрапсихическим феноменом, присущим человеку переживающему (*homo experienter*) любой эпохи.

Цель статьи – определить различия в любовных аттитюдах поколений Y и Z.

Материал и методы. Сравнивались результаты исследований, проведенных на респондентах 18–22 лет в различных странах в период с 1990 по 2000 год и с 2000 года по настоящее время. Анализировались данные, полученные с помощью методики «Шкала любовных аттитюдов» (LAS) К. Хендрика и С. Хендрика (1986).

Результаты и их обсуждение. Статистический анализ не выявил значимых различий между любовными стилями разных поколений. Также не было обнаружено влияния принадлежности к поколению на выраженность тех или иных любовных стилей представителей разных поколений. Вместе с тем были установлены различия в структурах взаимосвязей аттитюдов поколений Y и Z. Независимо от принадлежности к поколению определены три базовые группы близких по своим свойствам любовных стилей: Мания, Агапе и Сторге; Эрос; Людус и Прагма.

Заключение. В любовных аттитюдах поколений Y и Z не существует значимых различий.

Ключевые слова: концепции любви, любовные установки, межпоколенное сравнение, Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Мания, Агапе.

Love Attitudes during the Transition to Early Adulthood: Intergenerational Comparison

Fourmanov I.A.

Belarusian State University

Recently, the idea of comparing the two so-called Y and Z generations has become widespread. Love plays the central role in maintaining and functioning of close relations and, possibly, is a universal intramental phenomenon inherent in the experiencing person (*homo experienter*) of any epoch.

The aim is to identify differences in love attitudes of Y and Z generations.

Material and methods. Research findings obtained from 18–22 year old respondents in different countries during the period of 1990 to 2000 and from 2000 to the present were compared. We analyzed data obtained using “Love Attitudes Scale” (LAS) by K. Hendrick and S. Hendrick (1986).

Findings and their discussion. The statistical analysis revealed no significant differences between the love styles of different generations. The influence of belonging to a generation on the severity of certain love styles of representatives of different generations was not found out either. At the same time, differences were established in the structures of the attitudes of the generations of Y and Z. Regardless of belonging to the generation, three basic groups of love styles close in their properties were determined: Mania, Agape and Storge; Eros; Ludus and Pragma.

Conclusion. The hypothesis that there are no significant differences in the love attitudes of generations Y and Z was confirmed.

Key words: concepts of love, love attitudes, intergenerational comparison, Eros, Ludus, Storge, Pragma, Mania, Agape.

Любовь – чувство, которое особенно выражено у людей, вовлеченных в романтические отношения, и наряду со многими другими компонентами (такими как близость, преданность партнеру и эмоциональные переживания) является одним из самых значимых факторов, определяющих удовлетворенность и продолжительность отношений.

Если взять более широкий контекст качества отношений, то любовь и сопутствующие ей атрибуты отношений связаны с субъективным благополучием (особенно с точки зрения счастья, жизненной удовлетворенности) и более позитивными представлениями о прошлом опыте в противоположность негативным переживаниям [1–3]. С другой стороны, любовные отношения могут также быть источником стресса, дискомфорта,

борьбы, боли и негативных чувств, особенно когда это связано с зависимостью и одержимым поведением, которое может отрицательно сказаться на качестве и продолжительности отношений [4–6].

Е. Берсчайд и Дж.В. Уолстер предложили концепцию любви, в рамках которой романтическая, страстная любовь трактовалась как физиологическое возбуждение, сопровождаемое соответствующими когнитивными стимулами. Опираясь на этот подход, Е. Хэтфилд и Дж.В. Уолстер предложили два общих вида любви: страстную любовь и любовь-дружбу, которая впоследствии предполагала существование устойчивых тесных связей. Согласно Триангулярной теории любви Р.Дж. Стернберга сила любви в паре зависит от трех основных компонентов: страсти (физической привлекательности), близости (интимности, связности) и преданности партнеру (решимости остаться с партнером). Комбинации этих компонентов приводят к различным типам любви. Их отсутствие сигнализирует о состоянии нелюбви, тогда как присутствие всех трех компонентов характеризует любовь как свершившуюся.

Одна из более интересных теорий любви была представлена Дж.А. Ли, который в противовес теориям, трактующим любовь как эмоцию, рассматривает любовь как установку, означающую склонность думать, чувствовать и вести себя по отношению к партнеру соответствующим образом.

Дж.А. Ли предложил типологию любовных стилей, которые образуют замкнутый круг. Он определил три первичных типа любовных стилей: Эрос (романтическая, страстная любовь), Людус (игривая любовь), Сторге (любовь-дружба) и три вторичных стиля: Манию (собственническая, зависимая любовь), Прагму (логическая, расчетливая любовь) и Агапе (беззаветная, самоотверженная любовь). Вторичные стили являлись производными от пар первичных стилей (Мания от комбинации Эроса и Людуса, Прагма – от Сторге и Людуса, Агапе – от Эроса и Сторге). Примечательно, что у каждого стиля есть собственные качественные свойства, независимые от всех других стилей.

Позднее К. Хендрик и С. Хендрик сконструировали инструментарий, который обеспечивал действительно надежное измерение шести любовных стилей. В итоге были получены шесть ортогональных факторов, которые совпадали с определениями, предложенными Дж.А. Ли.

Таким образом, в результате операционализации и факторизации были охарактеризованы шесть видов любовных установок.

Эрос: страстная, романтическая любовь, которая отличается близостью, интенсивными эмоциями и вовлеченностью в отношения, сильным стремлением к возлюбленному, ориентацией на

физические кондиции и привлекательность партнера.

Людус: склонность к любовным играм, куртуазная любовь, которая характеризуется случайными контактами и избеганием близости и интенсивности в отношениях. Любовь как игровое взаимодействие может разыгрываться с разнообразными партнерами. Обман возлюбленного является вполне приемлемым в рамках допустимых ролевых пределов. Большая глубина чувств отсутствует, поскольку игривый возлюбленный опасается эмоциональной энергичности других. Игривая любовь является манипулятивной по своей сути.

Сторге: дружеская любовь, которая отличается медленным, размеренным развитием, общими для партнеров установками и ценностями, крепкими товарищескими отношениями. Этот стиль выделяет склонность соединить любовь и дружбу. В дружеской любви нет никакого огня, это солидность, приземленность и, по-видимому, устойчивость. Это «эволюционный», а не «революционный» тип отношений.

Прагма: практичная любовь, которая характеризуется намеренным поиском подходящего любовного партнера и информации о наиболее значимых качествах партнера. Рациональный расчет с акцентом на желаемые признаки возлюбленного является главной отличительной особенностью прагматической любви. Фактически, это «любовное планирование». Поскольку прагматический тип использует критерии подбора объектов отношений по заданным параметрам, его можно охарактеризовать как «брачный компьютер».

Мания: собственническая, зависимая любовь, которая характеризуется интенсивностью и некоторой близостью, но также и ревностью, взаимным непониманием, физическими и психологическими страданиями. Мания – это любовь, основанная на неуверенности в себе и возлюбленном.

Агапе: альтруистическая, беззаветная, не требовательная, терпеливая, центрированная на другом любовь, которая отличается высокой готовностью к самопожертвованию ради благополучия партнера.

Шкала любовных установок К. и С. Хендриков использовалась достаточно экстенсивно в попытке найти корреляты различных любовных стилей. Это были исследования: 1) демографических переменных: гендер, культура и географические регионы; 2) личностных переменных, таких как экстравертированность и поиск новых ощущений; 3) установочных переменных: удовлетворенность отношениями, сексуальные установки, религиозные убеждения; 4) других измерений чувства любви; 5) поведенческих переменных: продолжительность отношений, сексуальные предпочтения и пр.

Одна переменная, которая не получила большого внимания относительно любовных стилей, – возраст. Несколько исследователей выразили мысль о возможных различиях в стилях любви в зависимости от жизненного опыта и зрелости. Например, К. Хендрик и С. Хендрик предположили, что может существовать модальная последовательность развития любовных стилей: Эрос может быть предпочтительным стилем в юношеском возрасте, а Сторге и Прагма становятся все более и более выраженными на поздних этапах взрослости. Однако, несмотря на эти предположения, было проведено немного исследований, в которых эмпирическим путем пытались изучить взаимосвязи между возрастом и любовными стилями [4].

В последнее время получила распространение идея о сравнении двух так называемых поколений Y и Z. Анализ полемики социологов, антропологов, философов по этой проблеме показал, что здесь существует больше вопросов, чем ответов. Не включаясь в теоретические и методологические споры о межпоколенных границах и факторах, определяющих характеристики каждого поколения, мы попытались внести свою лепту в эмпирические исследования различий в любовных стилях поколений Y и Z.

Прекрасно отдавая себе отчет, что на мировоззрение и поведение каждого поколения влияют социальные, политические и экономические факторы «среды обитания», мы убеждены – любовь является универсальным интрапсихическим феноменом, присущим человеку переживающему (*homo experienter*) любой эпохи. Исходя из этого, было выдвинуто **предположение**, что по большому счету в любовных аттитюдах поколений Y и Z не будет значимых различий. Единственным фактором, который может влиять на иерархию и структуру любовных аттитюдов, может являться культуральный фактор межполовых отношений в целом и стратегий установления близких, интимных отношений в частности.

Сложность изучения и трактовки межвозрастных различий в любовных аттитюдах, определяющих стили отношений, состояла в том, что на их динамику оказывали влияние статус отношений (небрачные, брачные), стаж отношений, наличие или отсутствие совместных детей и др. В связи с этим для корректности межпоколенных исследований было принято решение остановиться на когорте одной возрастной группы, принадлежащей к периоду перехода к ранней взрослости (18–22 года). Это решение подкреплялось еще и тем, что большинство исследований любовных аттитюдов проводилось именно на этой возрастной группе.

В справочной литературе к поколению относится общность членов некоторого общества

по времени рождения. Однако с точки зрения психологии данное определение не совсем приемлемо, так как исключает учет особенностей индивидуального психического развития человека, условий его социализации. Исходя из этого, приступая к сравнительному межпоколенному анализу результатов исследований любовных аттитюдов, мы опирались на принцип «здесь и сейчас», а не «там и тогда». Любовные аттитюды во взрослых межличностных отношениях существуют в конкретный период времени и с конкретным партнером и, следовательно, дата рождения здесь не играет существенной роли. Поэтому для сравнения любовных стилей, характерных для поколений Y и Z, мы достаточно грубо разделили результаты проведенных исследований на два периода соответственно: с 1990 по 2000 год и с 2000 года по настоящее время.

Цель статьи – определить различия в любовных аттитюдах поколений Y и Z.

Материал и методы. Анализировались данные, полученные с помощью методики «Шкала любовных аттитюдов» (Love Attitudes Scale – LAS) К. Хендрик и С. Хендрик. Методика состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Мания и Агапе) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории любви Дж.А. Ли. Для дифференциации ответов использовалась пятибалльная шкала Лайкерта.

Подвергались анализу результаты исследований, проведенных по LAS разными учеными, в разное время и в различных странах на респондентах 18–22 лет, в основном студентах колледжей и университетов:

Поколение Y – в США (1991 г., n = 165, 1992 г., n = 358, 1993 г., n = 367, 1994 г., n = 1043, 1997 г., n = 66), Мексике (1994 г., n = 146), России (1994 г., n = 401), Франции (1991 г., n = 156) и Японии (1994 г., n = 223) [7–10].

Поколение Z – во Франции (2000 г., n = 200), Португалии (2000 г., n = 177, 2007 г., n = 177), Швейцарии (2000 г., n = 145), Сербии (2009 г., n = 127), Англии (2007 г., n = 231), Беларуси (2018 г., n = 665), Анголе (2000 г., n = 97), Кабо-Верде (2000 г., n = 112), Мозамбике (2000 г., n = 101), Бразилии (2000 г., n = 240), Индии (2007 г., n = 231), Макао (2000 г., n = 85), Китае (2007 г., n = 1009), Японии (2004 г., n = 343) [7–9].

Статистическим процедурам подвергались средние значения, полученные в вышеуказанных исследованиях. Проводились сравнительный анализ по Н-критерию Краскела-Уоллиса, однофакторный ANOVA, иерархический кластерный анализ методом средних связей с расчетом Евклидовых расстояний.

Результаты и их обсуждение. Исследования любовных установок поколения Y, проведенные в различных странах, показывают, что доминирующее положение в их иерархии занимают в основном Эрос, Прагма, Мания и Агапе (таблица 1). Сравнительный анализ не выявил значимых различий между любовными стилями респондентов несмотря на разное географическое положение стран их проживания ($\chi^2 = 3,28$, $df = 5$, $p = 0,656$).

У большинства респондентов поколения Z преобладающее положение в иерархии любовных установок занимают стили Людус и Прагма (таблица 2). Хотя сравнительный анализ также не обнаружил значимых различий между любовными стилями ($\chi^2 = 8,86$, $df = 14$, $p = 0,115$).

Статистический анализ не выявил значимых различий между любовными стилями разных поколений. Кроме того, не было обнаружено влияния принадлежности к поколению на выраженность тех или иных любовных стилей представителей поколений Y и Z (таблица 3).

Несмотря на отсутствие значимых различий в любовных стилях у представителей разных поколений, были установлены различия в структурах взаимосвязей аттитудов.

Большую ясность в комбинирование любовных стилей представителей поколений Y и Z вносят результаты иерархического кластерного анализа, который позволил упорядочить переменные в сравнительно однородные классы на основе попарного их сравнения по измеренным признакам.

Дендрограмма любовных стилей поколения Y показывает, что в результате кластеризации переменные группируются в два кластера (рисунок 1).

Из этой дендрограммы видно, что вначале объединяются в один кластер Сторге и Мания, поскольку расстояние между ними самое минимальное и равно 0,20. Затем объединяются Эрос и Агапе (расстояние – 0,83), которые в дальнейшем присоединяются к первой группе, образуя единый кластер (расстояние – 1,48). Кроме того, происходит объединение Людуса и Прагмы (расстояние – 1,22). На последнем шаге интегрируются все объекты, и расстояние между двумя предпоследними кластерами равно 2,71.

На основании анализа полученной дендрограммы можно выделить три базовые группы близких по своим свойствам объектов: Сторге и Манию; Эрос и Агапе; Людус и Прагму.

Дендрограмма любовных стилей поколения Z демонстрирует, что в результате кластеризации переменные также группируются в два кластера (рисунок 2).

Из представленной дендрограммы видно, что вначале объединяются в один кластер Мания

и Агапе, поскольку расстояние между ними самое минимальное и равно 1,46. Затем к ним присоединяются Сторге и Эрос (расстояние, соответственно, 1,97 и 2,92), которые образуют единый кластер. Помимо этого происходит объединение Людуса и Прагмы (расстояние – 3,87). На последнем шаге интегрируются все объекты и расстояние между двумя предпоследними кластерами равно 8,93.

Анализ данной дендрограммы позволяет различить три базовые группы близких по своим свойствам объектов: Манию, Агапе и Сторге; Эрос; Людус и Прагму.

Таким образом, данные статистического анализа позволяют сделать вывод об обоснованности выдвинутой в исследовании гипотезы. Действительно, между любовными стилями представителей поколений Y и Z значимых различий не существует. Это лишний раз подтверждает идею о том, что любовь является универсальным интрапсихическим феноменом, присущим человечеству.

В частности, К. Изард подчеркивает, что с эволюционной точки зрения любовь – это наиболее важный эмоциональный компонент, объединяющий мужчину и женщину. С. Меллен утверждал, что любовь развилась у людей как механизм сохранения вида. Длительный период человеческой младенческой зависимости требует сохранения и матери, и отца. Однако с точки зрения биологии мужчины нужны только для оплодотворения. Исходя из этого, необходимо некоторое дополнительное средство, обязательно привязывающее мужчину к женщине и ее потомству. Развитие эмоционального комплекса любви – как раз такой механизм привязанности. Таким образом, любовь и способность к репродукции связаны между собой в эволюционной истории гетеросексуальных отношений [10].

Некоторые эволюционно ориентированные антропологи и психологи установили, что, возможно, романтическая любовь представляет собой человеческую универсалию. Эти исследователи утверждают, что люди развили склонность испытывать романтическую любовь, которая видится как внезапная, несдержанная страсть, часто возникающая с тем, чтобы обеспечить индивиду, хоть и на короткий срок, немедленное установление связанных отношений. С этой точки зрения романтическая любовь сосредотачивается в биологическом ядре, которое можно обозначить как любовь и заинтересованность в уходе за [11]. Это мнение подкрепляется и некоторыми биохимическими [12] и нейробиологическими [13; 14] исследованиями. Таким образом, эволюционный подход предполагает, что романтическая любовь является результатом влияния сил в пределах человеческого мозга, которые независимы от

социально конструируемого мышления. Исходя из этого, делается вывод, что романтическая любовь должна присутствовать в том или ином виде в рамках любой культуры.

Этнографические исследования, проведенные В.Р. Янковяк Е.Ф. Фишер, также подтверждают мнение о том, что романтическая любовь представляет собой человеческую универсалию.

Вместе с тем следует сделать заключение, что, несмотря на универсальный характер человеческой любви, она все же имеет различные мотивационные «лики» и реализуется через разные поведенческие стратегии.

Так, в результате проведенного исследования любовных стилей были обнаружены и некоторые интересные факты, которые требуют обсуждения.

Во-первых, структуры любовных установок поколений Y и Z схожи комбинацией аттитудов Людуса и Прагмы. В этой комбинации, как нам кажется, отражаются исконные эволюционные механизмы сближения мужчин и женщин, которые, однако, выполняют различные функции для этих двух гендеров.

Дифференциальная родительская инвестиционная модель указывает, что женщины могут гарантировать репродуктивную адаптацию, вкладывая капитал в выживание сравнительно небольшого количества младенцев, которых они могут произвести. Однако мужчины могут максимизировать свою приспособленность, оплодотворяя так много женщин, насколько это возможно [15]. Такие различия в репродуктивных стратегиях предполагают возможные гендерные различия в поведенческих стратегиях, связанных с уходом, любовью и близкими отношениями. Д. Басс сделал важный вывод, что, если любовь развилась для того, чтобы служить задачам репродукции потомства, то это должно проявляться во взаимоотношениях, включая демонстрацию ресурсов, относительную привилегированность в отношениях, привязанность (например, брак), сексуальную близость, готовность к воспроизводству потомства, совместное пользование ресурсами и родительские инвестиции. Многое, если не все, из вышеперечисленного может определять гендерные различия в репродуктивных стратегиях. Д. Басс [16] выявил гендерные различия в предпочтениях выбора сексуального партнера (супруга) в масштабном кросскультурном исследовании: мужчины предпочитали симпатичную внешность и более молодых сексуальных партнеров (супругов), тогда как женщины предпочитали «хорошие финансовые перспективы». Такие различия предполагают, что гендерные различия в любовных стратегиях могут также быть жизнеспособным эволюционным различием между полами.

Исследования К. и С. Хендриков выявили, что мужчины всегда больше склонны играть в игры (Людус), чем женщины, а женщины вообще более практичны (Прагма), чем мужчины. Р.А. Хинде указал, что таким различиям можно дать эволюционную интерпретацию. Большая склонность молодых мужчин играть в игры обусловлена тем, что, по идее, должна в среднем привести к большему количеству сексуальных связей и тем самым повысить их репродуктивный успех. Более прагматичная ориентация любви молодых женщин должна в среднем повысить их репродуктивный успех, вероятно, за счет генетической и экономической «пригодности» потенциального партнера.

Полученные данные согласуются с другими исследованиями, в которых были выявлены различные по силе, но значимые корреляционные связи Людуса и Прагмы. В исследованиях У. Канемасы и коллег [9] Людус и Прагма были отрицательно связаны с эмоциональными переживаниями любви и положительно – с враждебностью, что, в принципе, объяснимо. Для того чтобы сделать безошибочный выбор партнера, а возможно и супруга, нужны бесстрастность («холодные и голова, и сердце»), дистантность от партнера, настороженность и в некоторой степени опасливость.

Кроме того, можно отметить достаточно самостоятельное мотивационное значение аттитюда Эроса у обоих поколений.

Эротический любовный стиль является наиболее сильным прогностическим показателем романтического поведения. Те, кто проповедует Эрос, чаще влюбляются, чаще устанавливают с партнером более длительные отношения, сильнее удовлетворены собой и существующими отношениями с партнером. Эротическая любовь для них, вероятно, является любовью с большой буквы.

Этот стиль наиболее сильно связан с удовлетворенностью отношениями и коррелирует с тремя компонентами триангуляторной любви Р.Дж. Стернберга: близостью, страстью и преданностью партнеру. Эрос также был существенно зависим от таких эмоциональных состояний, как любовь, релаксация и активность [9].

Во-вторых, к различиям в любовных установках относятся комбинации аттитудов Мании и Сторге у поколения Y и аттитудов Мании и Агапе у поколения Z.

Наличие аттитудов Мании в период романтических отношений представляется вполне объяснимым, поскольку определенная степень собственничества и зависимости часто характерна именно для «молодой любви» [3], в рамках которой высокая интенсивность и близость отношений могут сопровождаться взаимным непониманием, физическими

и психологическими страданиями, неуверенностью в себе и возлюбленном, ревностью.

Индивиды, подверженные Мании, чаще, сообщают о том, что они любят и хотят любить. В отличие от Эроса, Мания связана с неудовлетворенностью собой. Возможно, именно это делает этих индивидов «одержимыми» этим стилем любви. Кроме того, как показывают исследования, Мания также сильно связана с такими эмоциональными состояниями, как любовь и активность, но в то же самое время очень сильно связана и с тревогой / ревностью и завистью. Эти взаимосвязи между Манией и эмоциональными переживаниями очень точно отражают то, о чем писал Дж.А. Ли, что безумные возлюбленные чувствуют сильную необходимость любить и демонстрируют чрезвычайную ревность.

Маниакальная любовь является и радостной, и болезненной. Однако можно предположить, что она выполняет и определенную эволюционную функцию. Мания может служить поисковым и побуждающим механизмом, чтобы найти, обеспечить и защитить отношения. Вполне разумно допустить, что большинство людей более или менее в состоянии управлять отношениями, которые, в конечном счете, приведут к репродукции потомства. До того, как отношения стали надежными, существует неопределенность в их продолжении. Кроме того, отношения могут переключаться и изменяться, особенно в период перед установлением постоянных отношений и окончательным выбором партнера, и таким образом могут приводить к потере партнера. Мания служит функции защиты развития отношений от неопределенности в качестве предупредительного средства, которое стимулирует действия, направленные на сохранение отношений, когда есть непосредственная угроза потери объекта. Таким образом, мания обеспечивает мотивацию укрепления отношений в самом начале их развития. Во время фазы безопасных отношений мания должна по идее становиться несущественной.

В этом смысле соединение Мании и Сторге у представителей поколения Y может как раз и свидетельствовать о надежде на то, что любовная ситуация, характеризующаяся бурными, страстными отношениями и в то же время неопределенностью, неуверенностью в себе и возлюбленном, а также в перспективах развития дальнейших романтических отношений, сменится другой ситуацией. А именно, дружеской любовью, которая отличается медленным, размеренным развитием, общими для партнеров установками и ценностями, крепкими товарищескими отношениями, отличающимися эмоциональным покоем, солидностью, приземленностью и устойчивостью.

Поэтому вполне возможно, что Сторге в этой связке выполняет гомеостатическую функцию.

Вместе с тем в комбинации аттитюдов Мании и Агапе у представителей поколения Z последний также может выполнять ту же функцию. Полученные данные согласуются с другими исследованиями, в которых были выявлены различные по силе, но значимые корреляционные связи Мании и Агапе. Некоторые полагают, что Мания и Агапе практически не отличаются друг от друга в рамках эмоциональных аспектов романтических отношений [9]. Кроме того, ряд исследований выявил, что и Мания, и Агапе очень сильно коррелировали со Страстью в триангуляторной теории Р.Дж. Стернберга и Страстной любовью у Е. Хатфилд [15]. Эти результаты показывают, что и Манию, и Агапе можно было бы включать в понятие страсти – состояния интенсивной тоски по союзу с другим.

Следует заметить, что если Мания тесно связана с неудовлетворенностью отношениями [4], то стиль Агапе, напротив, сильно связан с удовлетворенностью отношениями. Как отмечается в теории взаимозависимости [17], большинство людей, по-видимому, понимают, что, если они хотят, чтобы другие относились к ним хорошо, лучше самому быть хорошим для них. Такая взаимность может обеспечивать более высокие уровни удовлетворенности отношениями. Кроме того, как и Мания, стиль Агапе сильно связан с такими эмоциональными состояниями, как любовь, активность, тревога / ревность и зависть [9].

Таким образом, при благоприятном стечении обстоятельств любовный стиль Мания может перерасти в настоящую самоотверженную любовь, альтруистическую, беззаветную, нетребовательную, терпеливую, центрированную на другом.

Кроме того, в самом концепте любовного стиля Агапе может быть заложена двоякая мотивация. С одной стороны, забота о другом может быть самоцелью, а с другой – люди могут жертвовать только потому, что они считают, что благополучие их партнера может отразиться на их собственном благополучии. Психологическая теория эгоизма утверждает, что все основные мотивы являются направленными на «Я». Хотя идеи мотивационного плюрализма предполагают, что основные побуждения людей могут быть ориентированы и на себя, и на других. Е. Собер и Д.С. Уильсон [18] убеждены, что плюрализм все еще находится под влиянием эгоизма. Очевидно, поведенческие проявления Агапе как самоотверженной, альтруистической любви будут зависеть от мотивационного контекста индивидов и восприятия ими ситуации отношений с партнером [19–23].

Таблица 1 – Показатели любовных стилей поколения Y

Любовные стили (страна)	Средние значения (в баллах)					
	Эрос	Людус	Сторге	Прагма	Мания	Агапе
США	3,48	2,67	3,22	3,27	2,96	3,37
Мексика	2,33	2,38	2,90	3,12	2,70	3,10
Россия	3,66	2,89	3,04	2,41	3,29	3,41
Франция	2,05	3,45	3,00	3,55	3,15	2,15
Япония	3,23	2,20	3,11	2,48	3,21	2,83

Таблица 2 – Показатели любовных стилей поколения Z

Любовные стили (страна)	Средние значения (в баллах)					
	Эрос	Людус	Сторге	Прагма	Мания	Агапе
Франция	2,41	3,56	3,44	4,15	2,71	2,98
Португалия	2,13	3,78	2,83	3,52	2,83	2,79
Швейцария	2,47	3,63	3,3	4,08	2,92	2,94
Сербия	2,47	3,08	2,92	3,42	2,54	2,75
Англия	3,75	2,61	3,65	2,7	3,04	3,62
Беларусь	3,49	2,74	3,08	2,82	3,25	3,38
Ангола	2,16	3,05	1,94	2,36	2,52	2,75
Кабо-Верде	2,21	3,57	2,33	3,11	2,69	2,92
Мозамбик	2,28	2,95	2,63	3,09	2,9	2,8
Бразилия	2,39	3,51	2,85	3,05	2,87	3,18
Индия	3,82	2,4	3,8	3,47	3,29	3,95
Макао	2,71	3,34	2,83	3,45	2,51	2,67
Китай	3,47	2,18	3,28	3,2	3,45	3,24
Япония	1,81	2,14	1,72	2,25	2,00	1,48

Таблица 3 – Межпоколенное сравнение любовных стилей поколений Y и Z

Исходные переменные	Показатели	
	Однофакторный ANOVA	
	F	p
Эрос	0,574	0,459
Людус	1,300	0,270
Сторге	0,311	0,585
Прагма	0,631	0,438
Мания	1,740	0,205
Агапе	0,002	0,969

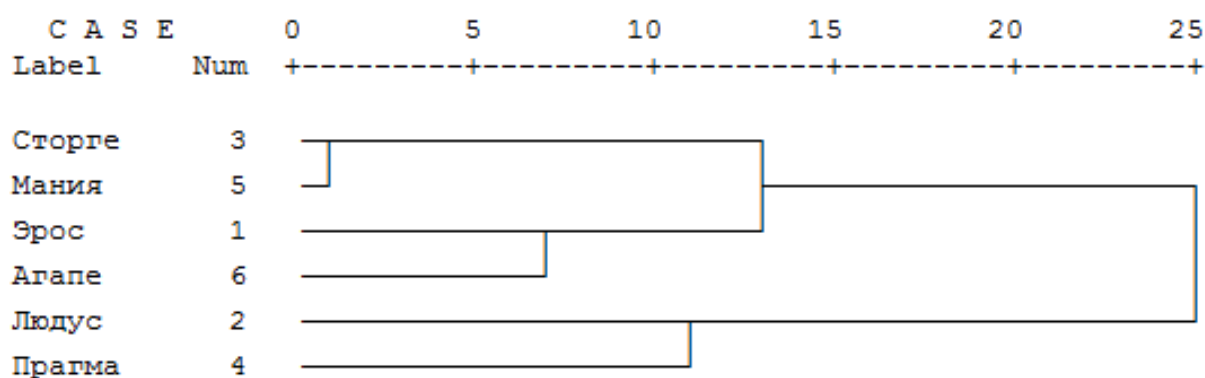

Рисунок 1 – Дендрограмма любовных стилей представителей поколения Y

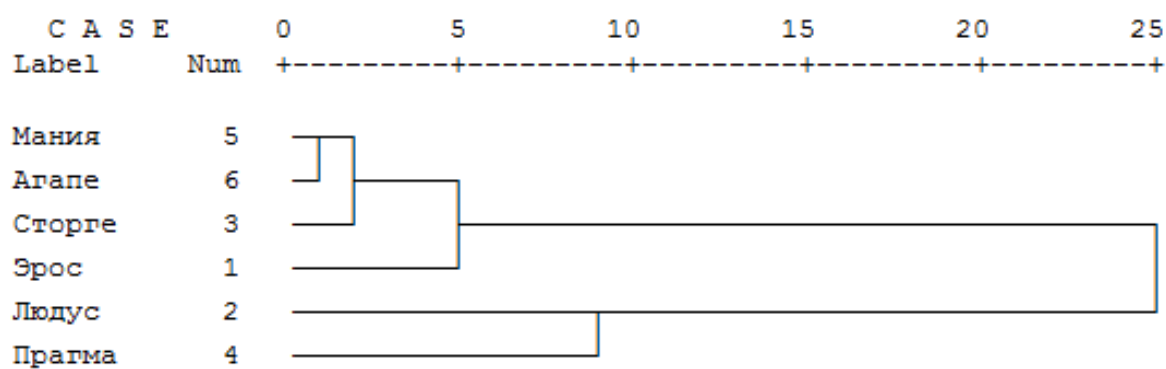

Рисунок 2 – Дендрограмма любовных стилей представителей поколения Z

Заключение. Исследования любовных установок поколения Y, проведенные в различных странах, показывают, что доминирующее положение в их иерархии занимают в основном Эрос, Прагма, Мания и Агапе, а у большинства респондентов поколения Z – стили Людус и Прагма. Сравнительный анализ не выявил значимых различий между любовными стилями респондентов, несмотря на разное географическое положение стран их проживания. Статистический анализ не выявил значимых различий между любовными стилями разных поколений, не было обнаружено и влияния принадлежности к поколению на выраженность тех или иных любовных стилей представителей поколений Y и Z.

В результате проведенного иерархического кластерного анализа были выделены три базовые группы близких по своим свойствам стилей: 1) Сторге и Мания; 2) Эрос и Агапе; 3) Людус и Прагма – у представителей поколения Y и 1) Мания, Агапе и Сторге; 2) Эрос; 3) Людус и Прагма – у представителей поколения Z.

Литература

1. Dush, C.M.K. Consequences of Relationship Status and Quality for Subjective Well-Being / C.M.K. Dush, P.R. Amato // Journal of Social and Personal Relationships. – 2005. – Vol. 22. – P. 607–627.
2. Kansky, J. What's Love Got to Do with It? Romantic Relationships and Well-Being / J. Kansky // Handbook of Well-Being / E. Diener, S. Oishi and L. Lay (Eds.). – DEF Publishers, Salt Lake City, UT, 2018. – P. 1–24.
3. O'Leary, K.D. Is Long-Term Love More than a Rare Phenomenon? If So, What Are Its Correlates? / K.D. O'Leary, B.P. Acevedo, A. Aron, L. Huddy, D. Mashek // Social Psychological and Personality Science. – 2012. – Vol. 3. – P. 241–249.
4. Acevedo, B.P. Does a Long-Term Relationship Kill Romantic Love? / B.P. Acevedo, A. Aron // Review of General Psychology. – 2009. – Vol. 13. – P. 59–65.
5. Doron, G. Tainted Love: Exploring Relationship-Centered Obsessive-Compulsive Symptoms in Two Non-Clinical Cohorts / G. Doron, D.S. Derby, O. Szepeswol, D. Talmor // Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders. – 2012. – Vol. 1. – P. 16–24.
6. Graham, J.M. Measuring Love in Romantic Relationships: A Meta-Analysis / J.M. Graham // Journal of Social and Personal Relationships. – 2011. – Vol. 28. – P. 748–771.
7. Neto, F. Love Styles: A Cross-Cultural Study of British, Indian, and Portuguese College Students / F. Neto // Journal of Comparative Family Studies. – 2007. – Vol. 38(2). – P. 239–254.

8. Yang Yang. Reliability and Validity of the Chinese Love Attitude Scale / Yang Yang, Aishu Liu // *Asian Social Science*. – 2007. – Vol. 3(8). – P. 41–44.
9. Kanemasa, Y. Love styles and romantic love experiences in Japan / Y. Kanemasa, J. Taniguchi, I. Daibo, M. Ishimori // *Social Behavior and Personality*. – 2004. – Vol. 32(3). – P. 265–282.
10. Kenrick, D.T. A reproductive exchange model of heterosexual relationships: Putting proximate economics in ultimate perspective / D.T. Kenrick, M.R. Trost // *Close relationships* / C. Hendrick (Ed.). – Newbury Park, CA: Sage, 1989. – P. 92–118.
11. Tennov, D. Love and Limerence: the Experience of Being in Love / D. Tennov. – New York: Scarborough House. 1999. – 324 p.
12. Liebowitz, M.R. The Chemistry of Love / M.R. Liebowitz. – Boston. Little, Brown, 1983. – 213 p.
13. Aron, A. Reward, motivation and emotion systems associated with early-stage intense romantic love: an fMRI study / A. Aron, H.E. Fisher, D.J. Mashek, G. Strong, H.F. Li, L.L. Brown // *Journal of Neurophysiology*. – 2005. – Vol. 94. – P. 327–337.
14. Fisher, H. Romantic love: an fMRI study of a neural mechanism for mate choice / H. Fisher, A. Aron, L.L. Brown // *Journal of Comparative Neurology*. – 2005. – Vol. 493(1). – P. 58–62.
15. Kenrick, D.T. Gender, genes, and the social environment: A biosocial interactionist perspective / D.T. Kenrick // *Sex and gender* / P. Shaver, C. Hendrick (Eds.). – Newbury Park, CA: Sage, 1987. – P. 14–43.
16. Buss, D.M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures / D.M. Buss // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1989. – Vol. 12. – P. 1–14.
17. Rusbult, C.E. B. Interdependence theory / C.E. Rusbult, X.B. Arriaga // *Handbook of personal relationships: Theory, research and interventions*. (2nd ed.) / S. Duck (Ed.). – Chichester, England: Wiley, 1997. – P. 221–250.
18. Sober, E. Unto others: The evolution and psychology of unselfish behavior / E. Sober, D.S. Wilson. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. – 416 p.
19. Lin, L.-W. Agape love in couple relationships / L.-W. Lin, C.A. Huddleston-Casas // *Marriage and Family Review*. – 2005. – Vol. 37. – P. 29–48.
20. Hendrick, S. Gender differences and similarities in sex and love / S. Hendrick, C. Hendrick // *Personal Relationships*. – 1995. – Vol. 2. – P. 55–65.
21. Murstein, B.I. A. Love styles in the United States and France: A cross-cultural comparison / B.I. Murstein, J.R. Merighi, S. Vyse // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 10(1). – P. 37–46.
22. Sprecher, S. Love: American style, Russian style, and Japanese style / S. Sprecher, A. Aron, E. Hatfield, A. Cortese, E. Potapova, A. Levitskaya // *Personal Relationships*. – 1994. – Vol. 1. – P. 349–369.
23. Leon, J.J. Love-styles among university students in Mexico / J.J. Leon, J.L. Philbrick, F. Parra // *Psychological Report*. – 1994. – Vol. 74. – P. 307–310.

Поступила в редакцию 22.04.2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles:

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and methods”;
- section “Findings and their discussion”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Findings and their discussion**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript

are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 27.11.2019. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 10,19. Тираж 100 экз. Заказ 141.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.